

Агата КРИСТИ

СМЕРТЬ
В ОБЛАКАХ

ДЕНЬ
ПОМИНОВЕНИЯ

ПЯТЬ
ПОРОСЯТ

Annotation

В однотомник вошли три романа Агаты Кристи. Два из них — «День поминовения» («Сверкающий цианид») и «Пять поросят», объединенные темой ретроспективного расследования убийства, принадлежат к наиболее известным произведениям писательницы. Раскрытие загадочного преступления, свидетелями которого становятся одиннадцать пассажиров воздушного лайнера, — тема романа «Смерть в облаках».

В двух романах этого сборника читатели встретятся со знаменитым бельгийским сыщиком Эркюлем Пуаро.

* * *

Одну из пассажирок рейса Париж — Кройдон незадолго до посадки обнаруживают мертвой. Что случилось с пожилой дамой? Под подозрение попадают все пассажиры, включая Эркюля Пуаро. Разумеется, прославленный сыщик с блеском раскроет преступление и выведет убийцу на чистую воду.

- [Агата Кристи](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)

- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Глава XVI](#)
- [Глава XVII](#)
- [Глава XVIII](#)
- [Глава XIX](#)
- [Глава XX](#)
- [Глава XXI](#)
- [Глава XXII](#)
- [Глава XXIII](#)
- [Глава XXIV](#)
- [Глава XXV](#)
- [Глава XXVI](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
-

Агата Кристи

СМЕРТЬ В ОБЛАКАХ

Место — Пассажиры

№ 2 — Мадам Жизель

№ 4 — Джеймс Райдер

№ 5 — Мсье Арман Дюпон

№ 6 — Мсье Жан Дюпон

№ 8 — Даниэл Кланси

№ 9 — Эркюль Пуаро

№ 10 — Доктор Брайант

№ 12 — Норман Гейл

№ 13 — Графиня Хорбери

№ 16 — Джейн Грей

№ 17 — Достопочтенная Венеция Керр

Глава I

ИЗ ПАРИЖА В КРОЙДОН

Пассажиры пересекли залитое жарким сентябрьским солнцем летное поле аэропорта Ле-Бурже и стали подниматься на борт воздушного лайнера «Прометей», который через несколько минут должен был вылететь в Кройдон.

Джейн Грей вошла одной из последних и заняла свое место № 16. Большинство пассажиров уже прошли в передний салон мимо небольшой буфетной и туалетов. Почти все места были заняты. Через проход кто-то громко разговаривал, особенно выделялся довольно резкий и высокий женский голос. Джейн поджала губы, — ей слишком хорошо была знакома подобная манера говорить.

— Дорогая моя — потрясающе — никогда бы не подумала — где, вы сказали? Жюан-ле-Пэн? Ах да. Нет — Ле-Пинэ — да, все та же компания. Ну, *конечно же*, сядем вместе. Почему невозможно? Кто? А, понятно...

Затем раздался мужской голос — с иностранным акцентом, довольно учтивый:

— С превеликим удовольствием, мадам.

Джейн украдкой взглянула туда.

Невысокий пожилой человек с огромными усами и яйцевидным черепом вставал вместе со всеми своими вещами с места, расположенного как раз напротив Джейн — через проход.

Джейн слегка повернула голову и увидела двух женщин, чья неожиданная встреча и вынудила иностранца оказать любезность. Джейн заинтересовало упоминание Ле-Пинэ — она сама как раз возвращалась из этого курортного местечка.

Одну из женщин она вспомнила совершенно отчетливо, вспомнила, где видела ее в последний раз — за столиком для игры в баккара^[1]. Та сидела, сжимая и разжимая кулаки, ее изящное, словно у фарфоровой куклы, лицо то краснело, то бледнело. Джейн показалось, что при небольшом усилии она смогла бы даже вспомнить ее имя. Одна приятельница упомянула его как-то, прибавив: «Она — жена

пэра, это верно, но она не из настоящих — она была всего-навсего какой-то хористкой или что-то вроде этого».

В голосе подруги звучало нескрываемое презрение. Это была Мэйси, которой повезло устроиться на первоклассную работу — массажисткой — «сгонять лишний жир».

«А вот вторая женщина, — мельком подумала Джейн, — самая что ни на есть „настоящая“. Породистая, с лошадиной физиономией, но...» И Джейн тут же о них забыла и с интересом принялась разглядывать через иллюминатор аэродром Ле-Бурже. Невдалеке выстроились самые разные самолеты, один из них был похож на громадное металлическое насекомое.

Единственное место, на которое она упорно старалась не смотреть, было прямо перед ней. Там, как раз напротив нее, сидел молодой человек.

На нем был ярко-голубой, как цветки барвинка, свитер. Выше свитера Джейн строго запретила себе смотреть — ведь она могла встретиться с ним взглядом, а этого ни в коем случае нельзя было допустить!

Механики крикнули что-то по-французски — моторы взревели... стихли... снова взревели... вот уже убрано ограждение, и самолет наконец тронулся.

Джейн затаила дыхание. Это был второй в ее жизни полет. Она еще не настолько привыкла, чтобы перестать бояться. Ей казалось... ей казалось, что они вот-вот врежутся в похожую на забор штурковину... но нет, вот они оторвались от земли — все выше... выше... стремительный разворот — и аэропорт Ле-Бурже был уже под ними.

Начался обычный дневной рейс на Кройдон. В самолете летел двадцать один пассажир: десять человек в переднем салоне, одиннадцать — в заднем. Экипаж состоял из двух пилотов и двух стюардов. Прекрасная изоляция заметно ослабляла шум моторов. По крайней мере, не было необходимости затыкать уши ватой. Шум все же был достаточно громким, чтобы отпала охота разговаривать, и пассажиры углубились в собственные мысли.

В то время как самолет, ревя моторами, летел над Францией, каждый из пассажиров переднего салона думал о своем.

Джейн Грей думала: «Я не стану на него смотреть... Не стану... Так будет гораздо лучше. Я стану смотреть в иллюминатор и думать о чем-нибудь другом. Нужно только решить, о чем думать, и тогда я смогу отвлечься. Пожалуй, лучше всего начать с самого начала, а затем вспоминать все по порядку».

И вот она воскресила в памяти «самое начало», а именно — покупку билета ирландской лотереи, что было, конечно, сумасбродством, но сумасбродством восхитительным.

Известие об этом вызвало целую бурю смеха и множество ехидных вопросов со стороны пяти юных леди, работавших вместе с Джейн в парикмахерском салоне.

— А что ты сделаешь, если выиграешь *его*?

— Уж я-то знаю, что сделаю.

Самые разнообразные планы... воздушные замки... безобидные шутки подруг.

Ну конечно, «его», то есть главный приз, она не выиграла, но она все-таки выиграла — сто фунтов.

Сто фунтов.

— Вот тебе, милочка, добрый совет: половину потратить, а вторую прибереги на черный день. Всякое может случиться, никогда не знаешь, что тебя ожидает в будущем.

— А я бы на твоём месте купила меховое пальто — самое шикарное.

— А как насчет морского круиза?

При мысли о круизе Джейн заколебалась было, но в конце концов осталась верна своей первоначальной идее — провести неделю в Ле-Пинэ. Многие, очень многие из ее клиенток или как раз собирались поехать в Ле-Пинэ, или только что вернулись оттуда. Джейн, умело приглаживая и укладывая им волосы, привычно спрашивала: «Извините, мадам, позвольте мне взглянуть, когда вы делали в последний раз перманент?», «У ваших волос такой необычный цвет, мадам», «Какое замечательное было лето, не правда ли, мадам?» И думала про себя: «Почему, черт возьми, я не могу поехать в Ле-Пинэ?» Ну вот, а теперь и она могла.

С гардеробом не было особых затруднений. Джейн, как большинство лондонских девушек, работающих в приличных местах,

могла выглядеть потрясающе модно одетой с самыми минимальными затратами. Маникюр, косметика и прическа были безукоризненны.

Джейн отправилась в Ле-Пинэ.

Удивительно было то, что после десяти дней, проведенных в Ле-Пинэ, в памяти у нее осталось лишь одно-единственное происшествие.

Происшествие за столом для игры в рулетку. Джейн позволяла себе тратить каждый вечер определенную сумму на азартные игры. Выходить за пределы этой суммы она себе строго-настрого запретила. И что же — вопреки широко распространенной примете, хотя Джейн и была новичком, ей не везло. Это был ее четвертый вечер и ее последняя ставка. До последнего момента она упорно ставила на цвет или на одну из дюжин. Несколько раз ей удалось выиграть, но проиграла она больше. И вот она замерла — со своей последней ставкой в руке.

На два номера никто не ставил — на пятый и на шестой. А не поставить ли ей все, что у нее есть, — ее последние деньги — на один из этих номеров? Если да, то на какой? На пятый или на шестой? Джейн показалось, что у нее возникло смутное предчувствие.

Пять — должен был выпасть пятый номер. Шарик был уже запущен. Джейн протянула руку. Шестой — она поставила на шестерку.

И как раз вовремя. Она положила свои деньги одновременно с игроком, стоявшим напротив. Она — на шестой номер, он — на пятый.

— Rien ne va plus^[2], — сказал крупье.

Шарик звякнул и остановился.

— Le numero cinq, rouge, impair^[3].

Джейн готова была закричать от обиды. Крупье сгреб лопаточкой ставки, выплатил выигрыш. Мужчина, стоявший напротив, сказал:

— Что же вы не забираете свои деньги?

— Мои?

— Ну конечно.

— Но я поставила на шестерку.

— Ну что вы, это я поставил на шестерку, а вы поставили на пятый номер.

Он улыбнулся — улыбка ему очень шла: ослепительно белые зубы на загорелом лице, голубые глаза, вьющиеся короткие волосы.

Все еще сомневаясь, Джейн забрала выигрыш. Может, и в самом деле все так и было? Девушка была слегка озадачена. Может, она и впрямь поставила на пятерку? Джейн с сомнением взглянула на незнакомца, тот в ответ улыбнулся.

— Так-то будет лучше, — сказал он, — стоит только зазеваться, как тут же сгребет кто-нибудь, не имеющий на это ни малейшего права. Тут такая публика...

Затем, дружелюбно кивнув ей, он вышел. Это тоже было очень мило с его стороны. Иначе она могла бы заподозрить, что он отдал ей свой собственный выигрыш для того, чтобы познакомиться. Но он оказался не из таких. Он был просто прелесть... (И вот он сидит напротив нее.)

А теперь все позади, и деньги истрачены, и мгновенно пролетели последние два дня (два разочаровавших ее дня) в Париже — и вот она летит обратно домой, по купленному заранее билету.

А что дальше?

«Хватит! — приказала Джейн сама себе. — Не смей думать о том, что будет дальше. Не порти себе настроение».

Две женщины, до этого болтавшие без перерыва, вдруг умолкли.

Она посмотрела через проход. Женщина с кукольным лицом вскрикнула от досады, разглядывая свой сломанный ноготь. Она нажала на кнопку звонка и, когда появился одетый в белое стюард, сказала ему:

— Пришлите ко мне мою прислугу. Она в другом салоне.

— Как леди будет угодно.

Стюард, прекрасно вышколенный и расторопный, исчез. Вскоре появилась темноволосая девушка-француженка, одетая в черное. Она несла маленькую шкатулку для драгоценностей.

Леди Хорбери сказала ей по-французски:

— Мадлен, мне нужен мой красный сафьяновый несессер.

Служанка пошла по проходу. В дальнем конце салона был сложен багаж — груда сумок и чемоданов. Она вернулась с небольшим несессером. Сисели Хорбери взяла его и отпустила служанку:

— Хорошо, Мадлен, идите, а это пусть останется пока у меня.

Служанка ушла. Леди Хорбери извлекла из шикарного несессера пилочку для ногтей. Затем она долго и очень тщательно разглядывала

свое лицо в маленьком зеркальце, слегка попудрилась, подкрасила губы.

Джейн презрительно усмехнулась и взглянула дальше, в глубь салона.

Позади женщин сидел маленький иностранец, уступивший свое место «породистой» даме. Плотнo замотанный шарфом, совершенно излишним в теплом салоне, он, казалось, уже задремал. Почувствовав, наверное, пристальный взгляд Джейн, он открыл глаза, посмотрел на нее и закрыл их снова.

Рядом с ним высокий седой господин с властным лицом держал в руках открытый футляр и любовно протирал лежавшую в нем флейту. «Забавно, — подумала Джейн, — он совсем не похож на музыканта. Скорее, на юриста или врача».

За этой парой сидели двое французов: один — пожилой, бородатый, второй — намного моложе, наверное, его сын. Они разговаривали, возбужденно жестикулируя.

По другую сторону прохода разглядывать пассажиров Джейн мешал сидевший напротив нее молодой человек в голубом свитере, на которого она почему-то решила не смотреть.

«Но ведь это глупо — так... так волноваться. Можно подумать, что мне семнадцать лет!» Джейн была недовольна собой.

Норман Гейл, сидевший напротив, думал:

«А она хорошенькая — правда, хорошенькая... И она наверняка меня вспомнила. Она так расстроилась тогда, проиграв свою ставку. Стоило заплатить и больше, чтобы увидеть ее восторг. У меня это неплохо получилось... Ей очень к лицу улыбка — ни малейшего признака пиореи: здоровые десны и крепкие зубы... Черт возьми, я и в самом деле волнуясь. Спокойно, парень!..»

Стюарду, наклонившемуся с меню в руках, он сказал:

— Холодный язык, пожалуйста.

Графиня Хорбери думала:

«Боже, что же мне делать? Ну и в историю я влипла. Есть только один выход. Главное, чтобы хватило самообладания. Смогу ли я? Удастся ли мне сблефовать? Нервы ни к черту не годятся. Это все из-за кокаина. И зачем я только пристрастилась к кокаину? Я выгляжу ужасно. Просто ужасно. А хуже всего то, что тут еще эта кошка Венеция Керр. Смотрит на меня всегда с таким видом, будто я в грязи

вымарана. А сама ведь тоже бегала за Стивеном. Ну да ничего у нее не вышло! Ее длинная физиономия действует мне на нервы. Нет, ну действительно — вылитая лошадь. Ненавижу этих благородных особ. Боже, что же мне делать? Я должна сосредоточиться. Эта старая сука слов на ветер не бросает...»

Она достала из сумочки портсигар и вставила сигарету в длинный мундштук. Ее руки слегка дрожали.

Достопочтенная Венеция Керр думала:

«Чертова шлюха — вот кто она такая. С виду к ней, может быть, и не придерешься, но все равно она осталась шлюхой. Шлюхой до мозга костей. Бедняга Стивен... если бы только он мог от нее избавиться...»

Она тоже потянулась к портсигару и извлекла сигарету. Прикурила от спички Сисели Хорбери.

Стюард сказал:

— Прошу прощения, леди, у нас запрещено курить.

— А, черт побери! — выругалась Сисели Хорбери.

Эркюль Пуаро думал:

«А вон та малышка довольно недурна. У нее волевой подбородок. Но что же ее так беспокоит? И почему она так упорно старается не смотреть на симпатичного молодого человека напротив? Она, похоже, знает его, да и он ее тоже...» Самолет слегка трянуло. «О, мой желудок!» — подумал Эркюль Пуаро и решительно закрыл глаза.

Доктор Брайант, сидевший рядом с ним, нервно гладил свою флейту:

«Я не могу решиться. Я просто никак не могу решиться. Это может все изменить, стать началом новой жизни...»

В сильном волнении он извлек флейту из футляра, ласково, с любовью погладил ее... Музыка... В музыке можно найти забвение, в нее можно уйти, скрыться от всех забот. С легкой улыбкой он поднес флейту к губам, затем снова опустил. Сидевший рядом маленький мужчина с огромными усами крепко спал. А в тот момент, когда самолет трянуло, ему, видимо, стало совсем плохо — он просто позеленел. Брайант гордился тем, что его никогда не укачивало — ни в самолете, ни в поезде, ни на корабле...

Мсье Дюпон-отец возбужденно кричал, повернувшись к сидевшему рядом Дюпону-сыну:

— Нет никакого сомнения. Они все не правы — немцы, американцы, англичане! Все они совершенно неправильно датируют первобытную керамику. Взять, например, керамику из Самарры...

Жан Дюпон, высокий, светловолосый, проговорил, стараясь казаться невозмутимым:

— Нужно учитывать данные из всех источников. Есть еще Талл Халаф и Сакье Гез...

И они углубились в научную дискуссию. Арман Дюпон резким движением открыл свой потрепанный атташе-кейс.

— Посмотри на эти курдские трубки — вот как их сейчас делают. Узоры на них почти такие же, как и на керамике пятого тысячелетия до нашей эры.

Неловким движением он чуть было не смахнул тарелку, поставленную перед ним стюардом.

Мистер Кланси, писатель, автор многочисленных детективов, встал со своего места — он сидел позади Нормана Гейла — и пробрался в конец салона. Там он достал из кармана плаща томик «Брэдшоу» — расписание движения всех поездов на континенте — и, вернувшись обратно, занялся разработкой весьма сложного алиби для своих профессиональных целей.

Мистер Райдер, сидевший позади него, думал:

«Мне нужно хоть как-нибудь свести концы с концами, а это так непросто. Не представляю себе, как увеличить дебет, чтобы суметь выплатить дивиденды... Если мы погорим с дивидендами, тогда конец всему. Черт!»

Норман Гейл встал и направился в туалет. Как только он ушел, Джейн достала зеркальце и стала озабоченно рассматривать свое лицо. Потом она слегка попудрилась и подкрасила губы.

Стюард поставил перед ней кофе.

Джейн выглянула в иллюминатор. Далеко внизу сверкал на солнце голубой пролив.

Над головой мистера Кланси с жужжанием пролетела оса — как раз в тот момент, когда он был занят поездом, прибывающим в 7.55 в Цариброд. Поэтому он просто отмахнулся от нее не глядя. Оса улетела в сторону Дюпонов — чтобы исследовать содержимое их кофейных чашек.

Жан Дюпон ловко убил ее.

В салоне вновь воцарился покой. Разговоры стихли, но мысли текли своим чередом.

В самом конце салона, на месте номер два, сидела мадам Жизель, слегка наклонив голову. Можно было подумать, что она спит. Но она не спала. Она не разговаривала и не думала.

Мадам Жизель была мертва...

Глава II

УЖАСНОЕ ОТКРЫТИЕ

Генри Митчелл, старший из двух стюардов, не торопясь, переходил от столика к столику, предъявляя счета. Через полчаса самолет должен был приземлиться в Кройдоне. Стюард собирал банкноты и серебро, кланялся, повторяя: «Благодарю вас, сэръ, благодарю вас, мадам!» Возле столика, за которым сидели два француза, ему пришлось минуту-другую подождать — так возбужденно они спорили и жестикулировали. «Да, уж от этих не дождешься чаевых», — подумал он мрачно. Двое из пассажиров спали — маленький мужчина с огромными усами и пожилая женщина в самом конце салона. Она, впрочем, никогда не скупилась на чаевые — он хорошо запомнил ее, она несколько раз летала этим маршрутом. Поэтому он не стал ее будить.

Маленький усатый мужчина проснулся и уплатил за бутылку содовой и тонкие «капитанские» галеты — все, что он заказывал.

Вторую пассажирку Митчелл постарался не беспокоить как можно дольше — почти до самого прилета. Только уже минут за пять до приземления в Кройдоне он подошел и склонился над ней:

— Прошу прощения, мадам, ваш счет.

Он деликатно тронул ее за плечо. Она не проснулась. Он еще раз прикоснулся к ее плечу — так же вежливо, но несколько настойчивее. И вдруг тело мадам тяжело поползло по креслу вниз. Митчелл склонился над ней и отпрянул с побледневшим лицом.

Альберт Дейвис, второй стюард, воскликнул:

— Не может этого быть!

— Точно говорю — так оно и есть. — Митчелл был бледен и дрожал.

— Ты уверен, Генри?

— Абсолютно. Она мертва, ну, в лучшем случае — без сознания. Может, с ней случился удар.

— Мы будем в Кройдоне через несколько минут.

— А вдруг ей просто стало плохо?..

Минуту или две они колебались, затем решили действовать.

Митчелл вернулся в задний салон. Он шел по проходу от столика к столику, наклоняясь к каждому и спрашивая шепотом:

— Простите, сэр, вы случайно не врач? Норман Гейл сказал:

— Я дантист. Но, может быть, я смогу чем-нибудь помочь?

Он приподнялся с места.

— Я врач, — сказал доктор Брайант, — что случилось?

— Да вот та леди, в конце салона, — мне не нравится, как она выглядит.

Брайант встал и последовал за стюардом. Незаметно к ним присоединился и человек с большими усами.

Доктор Брайант наклонился над скорчившейся в кресле № 2 фигурой крепкой женщины средних лет, одетой во все черное. Медицинский осмотр не занял много времени.

— Она мертва, — констатировал доктор Брайант.

Митчелл спросил:

— Как вы думаете, что произошло? Может быть, у нее удар?

— Я не могу с уверенностью утверждать что-либо без детального осмотра. Когда вы последний раз видели ее — живой, я имею в виду?

Митчелл задумался.

— Когда я принес ей кофе, с ней все было в полном порядке.

— Когда это было?

— Примерно три четверти часа назад — что-то около этого. Потом, когда я принес счет, мне показалось, что она спит...

Брайант сказал:

— Она мертва по меньшей мере полчаса.

Их разговор привлек всеобщее внимание. Со всех сторон к ним повернулись головы, все взгляды скрестились на них. Пассажиры тянули шеи, чтобы лучше слышать.

— Это, наверное, от удара? — спросил Митчелл с надеждой.

Он настаивал на теории удара.

С его свояченицей случился удар. Это было для него чем-то знакомым и понятным.

Доктор Брайант не брал на себя смелость утверждать что бы то ни было. Он озадаченно покачал головой.

Из-за его плеча послышался голос человека с большими усами.

— А у нее метка на шее, — сказал усатый. — Вот она.

Он говорил робко, извиняющимся тоном, с видом человека, осмеливающегося давать советы специалисту.

— В самом деле, — сказал доктор Брайант.

Голова женщины свесилась в проход. Сбоку на шее действительно была небольшая отметина.

— Пардон, — вмешались Дюпоны. Они уже несколько минут прислушивались к разговору. — Вы сказали, леди мертва, а на шее у нее метка?

Это спросил Жан, младший из Дюпонов.

— Позвольте мне сделать одно предположение. Здесь летала оса. Я убил ее. — Он показал убитую осу, лежавшую в кофейном блюде. — Может быть, эта несчастная леди умерла от укуса осы? Я слышал, такое бывает.

— Бывает, — согласился Брайант. — Мне известны такие случаи. Да, это вполне возможно. Особенно при сердечной недостаточности...

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросил стюард. — Через минуту мы будем в Кройдоне.

— Тут уже ничем нельзя помочь, — сказал доктор Брайант, отходя в сторону. — Стюард, ни в коем случае нельзя трогать... э-э... тело.

— Да, сэр, конечно, я понимаю.

Брайант направился к своему месту и с удивлением посмотрел на маленького, закутанного в шарф иностранца, который стоял у него на пути.

— Извините, любезный, но сейчас вам лучше вернуться на свое место. Мы вот-вот приземлимся в Кройдоне.

— И в самом деле, сэр, — сказал стюард и, повысив голос, обратился к остальным пассажирам: — Пожалуйста, все займите свои места.

— Pardon^[4], — проговорил маленький человек. — Но тут есть кое-что...

— Кое-что?

— Mais oui^[5], нечто, не замеченное вами.

Носком своего добротного кожаного ботинка человек показал, что именно он имел в виду. Стюард и доктор Брайант пригляделись.

Они увидели на полу что-то черно-желтое, прикрытое краем черной юбки.

— Еще одна оса? — удивленно спросил доктор.

Эркюль Пуаро опустился на колени. Из кармана он достал пинцет и осторожно поднял предмет, лежащий на полу. Потом выпрямился со своей добычей.

— Да, — сказал он. — Это очень похоже на осу, но это не оса!

И он повернул пинцет так, чтобы оба — и стюард, и доктор — могли получше рассмотреть маленький ворсистый узелок из черных и желтых шелковых ниток, прикрепленный к длинному, странного вида шипу.

— Боже! Боже мой! — воскликнул маленький мистер Кланси, вскочивший со своего места и упорно пытавшийся выглянуть из-за плеча стюарда. — Замечательно, нет, это и в самом деле замечательно, — мне никогда не доводилось сталкиваться с подобным в жизни. Честное слово, я бы никогда в это не поверил!

— Не могли бы вы выразиться яснее, сэр? — спросил стюард. — Вам знакомо это?

— Знакомо ли мне это? Конечно, знакомо! — произнес мистер Кланси гордо. — Эта штука, джентльмены, настоящий шип для духовой трубки. Такими пользуются некоторые племена... Э-э... я не могу точно сказать, южноамериканские племена или обитатели Борнео, но я точно знаю, что это было выпущено из духовой трубки, и сильно подозреваю, что на конце шипа...

— Знаменитый яд южноамериканских индейцев, — закончил Эркюль Пуаро и добавил: — Mais enfin! Est-ce que cest possible^[6]?

— Это и в самом деле необыкновенно! — воскликнул мистер Кланси, который никак не мог успокоиться. — Я бы даже сказал — совершенно необыкновенно! Я сам пишу детективы, но столкнуться с чем-нибудь подобным в действительности...

Он не мог подобрать слов.

Самолет слегка накренился, и все стоявшие пошатнулись. Самолет заходил на посадку на кройдонский аэродром.

Глава III

КРОЙДОН

Стюард и доктор не несли больше никакой ответственности за происходящее. Их место было узурпировано нелепым маленьким человечком, укутанным в шарф. Он говорил так важно и был так уверен в себе, что все повиновались, не смея даже ни о чем спрашивать.

Он шепнул что-то Митчеллу, тот кивнул и, пробившись сквозь толпу приготовившихся к выходу пассажиров, встал возле туалетов у двери, ведущей в передний салон.

Самолет уже бежал по посадочной полосе. Когда он наконец остановился, Митчелл громогласно заявил:

— Я вынужден просить вас, леди и джентльмены, оставаться на своих местах до тех пор, пока представители власти не разберутся в ситуации. Надеюсь, вас задержат ненадолго.

Разумность этого требования была признана почти всеми, только одна пассажирка стала резко возражать.

— Вздор! — сердито воскликнула леди Хорбери. — Вы что, не знаете, кто я такая? Я настаиваю на том, чтобы мне позволили выйти сейчас же.

— Приношу свои глубочайшие извинения, мадам, но исключений ни для кого не может быть сделано.

— Но это же абсурд, полнейший абсурд. — Сисели сердито топнула ногой. — Я буду жаловаться на вас руководству компании. Это возмутительно — заставлять нас сидеть тут взаперти рядом с мертвым телом.

— В самом деле, дорогая, — Венеция Керр говорила, слегка растягивая слова, как принято в высшем свете, — это действительно ужасно, но мне кажется, нам придется потерпеть. — И она, показывая пример, села на место и достала портсигар. — А сейчас можно курить, стюард?

Озадаченный Митчелл ответил:

— Я не думаю, что сейчас это имеет какое-либо значение.

Он оглянулся. Дейвис уже вывел пассажиров переднего салона через запасную дверь и ушел за дальнейшими указаниями.

Ожидание продолжалось недолго, но пассажирам показалось, что прошло как минимум полчаса, прежде чем по-военному подтянутый человек в штатском в сопровождении одетых в форму полицейских торопливо пересек площадку аэродрома и поднялся на самолет.

— Ну, что тут у вас произошло? — спросил вошедший по-официальному сухо.

Он выслушал Митчелла, затем доктора Брайанта, бросил быстрый взгляд на скорчившуюся фигуру мертвой женщины.

Потом дал указания констеблю и обратился к пассажирам:

— Будьте добры следовать за мной, леди и джентльмены!

Он вывел всех из самолета и, пройдя через посадочную полосу, привел их не как обычно — в таможню, а, миновав ее, в маленькую комнату с неприметной дверью.

— Я надеюсь, что вам не придется ждать дольше, чем это будет вызвано необходимостью, леди и джентльмены.

— Послушайте, инспектор, — сказал мистер Джеймс Райдер, — у меня важная деловая встреча в Лондоне.

— Очень сожалею, сэра.

— Я — леди Хорбери. Я считаю вопиющим безобразием, что меня задерживают подобным образом.

— Примите мои самые искренние извинения, леди Хорбери, но, видите ли, дело крайне серьезное. Похоже, что это убийство.

— Яд, которым южноамериканские индейцы смазывают свои стрелы, — пробормотал мистер Кланси со счастливой улыбкой на лице.

Инспектор посмотрел на него с подозрением.

Французский археолог возбужденно тараторил что-то по-французски, и инспектор отвечал ему — медленно, тщательно подбирая слова.

Венеция Керр сказала:

— Конечно, все это страшно нудно, но что ж поделаешь — вам приходится выполнять свой долг, инспектор.

— Благодарю вас, мадам, — отозвался тот. Затем инспектор приказал:

— Прошу вас, леди и джентльмены, оставаться пока здесь, а я хотел бы поговорить с доктором... э-э... доктором...

— Брайант, меня зовут Брайант.

— Благодарю вас. Следуйте за мной сюда, доктор.

— Разрешите мне присутствовать при вашей беседе?

Это спросил человек с усами.

Инспектор повернулся к нему, поджав губы, но неожиданно выражение его лица изменилось.

— Простите, мсье Пуаро, — сказал он. — Вы так замотаны в этот шарф, что я вас не узнал. Разумеется, пойдёмте.

Он открыл дверь, Брайант и Пуаро вышли, сопровождаемые подозрительными взглядами остальных пассажиров.

— А почему это им позволили выйти, а мы должны сидеть здесь? — воскликнула Сисели Хорбери.

Венеция Керр невозмутимо уселась на скамью.

— Он, наверное, из французской полиции, — сказала она. — Или соглядатай из таможни.

Она закурила.

Норман Гейл довольно робко заговорил с Джейн:

— Мне кажется, я вас видел в... э-э... в Ле-Пинэ.

— Да, я была в Ле-Пинэ.

Норман Гейл постарался поддержать разговор:

— Удивительно красивое место. Мне так нравятся сосны.

— Да, у них такой чудесный запах, — согласилась Джейн.

Они некоторое время молчали, не зная, о чем говорить дальше.

Наконец Гейл сказал:

— А я вас... э-э... сразу узнал — в самолете.

Джейн изобразила сильное удивление:

— В самом деле?

— А вы думаете, эту женщину действительно убили? — спросил Гейл.

— Я думаю, что да, — ответила Джейн. — Это ужасная история, просто отвратительная. — Она слегка вздрогнула, и Норман Гейл придвинулся к ней ближе — совсем немного, показав этим, что он как бы берет ее под свою защиту.

Дюпоны переговаривались по-французски. Мистер Райдер что-то подсчитывал в книжке, поглядывая на часы. Сисели Хорбери сидела,

нетерпеливо постукивая ногой. Потом она закурила, руки ее дрожали.

Возле двери, загораживая выход, с равнодушным видом стоял громадного роста полисмен в голубой форме.

В соседней комнате инспектор Джэпп беседовал с доктором Брайантом и Эркюлем Пуаро.

— У вас просто талант — появляться в самых неожиданных местах, мистер Пуаро.

— Но, насколько я помню, Кройдонский аэродром находится также вне сферы и вашей деятельности? — поинтересовался Пуаро.

— Я ведь еще и большой специалист по части контрабанды, и, по моему, весьма удачно, что я вовремя оказался на месте происшествия. Это самое поразительное дело из всех, с какими я только сталкивался в последние годы. Так что давайте-ка им и займемся. Прежде всего, доктор, не назовете ли вы мне свое полное имя и адрес?

— Роджер Джеймс Брайант. Я специалист по болезням уха и горла. Проживаю в доме номер триста двадцать девять по Харли-стрит.

Флегматичный констебль, сидевший за столом, занес в протокол эти данные.

— Наш хирург, разумеется, тщательно обследует тело, — сказал Джэпп, — но, тем не менее, вы потребуетесь во время коронерского следствия, доктор.

— Конечно, конечно.

— Когда, по вашему мнению, наступила смерть?

— Когда я осматривал эту женщину, она была мертва уже по меньшей мере полчаса; это было за несколько минут до прибытия в Кройдон. Точнее не могу сказать, но, насколько мне стало понятно из слов стюарда, тот разговаривал с ней примерно за час до этого.

— Для следствия это очень важно — промежуток времени, в который наступила смерть, значительно сужается. Я полагаю, излишне было бы вас спрашивать, не заметили ли вы что-нибудь подозрительное?

Доктор покачал головой.

— А я спал, — с глубоким огорчением произнес Пуаро. — Самолет я переношу отвратительно — так же, как и корабль. Я обычно заворачиваюсь поплотнее и стараюсь заснуть.

— Как вы полагаете, доктор, что послужило причиной смерти?

— В данный момент я не рискну заявить что-либо с уверенностью. Это смогут определить наверняка только патологоанатомическое вскрытие и результаты анализов.

Джэпп понимающе кивнул.

— А теперь, доктор, — сказал он, — у нас нет причин долее вас задерживать. Боюсь, вам придется... э-э... пройти через некоторые формальности; всем пассажирам придется. Мы ни для кого не можем сделать исключение.

Доктор Брайант улыбнулся.

— Хочу заверить вас, что у меня нет при себе... э-э... духовых трубок или какого-либо иного смертоносного оружия, — сказал он совершенно серьезно.

— Роджерс должен в этом убедиться. — Джэпп кивнул на своего подчиненного. — Кстати, доктор, не знаете ли вы случайно, чем вот это может быть смазано?

Он показал на небольшой шип, лежавший перед ним на столе в коробочке.

Доктор Брайант покачал головой:

— Трудно сказать без анализа. Мне кажется, аборигены обычно используют кураре.

— Кураре оказывает именно такое действие?

— Это очень сильный и быстродействующий яд.

— Но его не так-то легко достать, верно?

— Да, довольно трудно, особенно для неспециалиста.

— Ну, тогда вас мы должны обыскать особенно тщательно, — сказал Джэпп, которому всегда очень нравились собственные остроты. — Роджерс!

Доктор и констебль вместе вышли из комнаты. Покачиваясь на стуле, Джэпп взглянул на Пуаро.

— Странно это все, — сказал он, — слишком уж сенсационно, чтобы могло произойти на самом деле. Я имею в виду, что духовые трубки и отравленные стрелы в самолете — это просто оскорбительно для любого здравомыслящего человека.

— Весьма глубокомысленное замечание, дружище, — хмыкнул Пуаро.

— Мои парни уже обыскивают самолет, — сказал Джэпп. — С ними специалист-трассолог и фотограф. А нам, я думаю, следующими

лучше всего будет допросить стюардов.

Он шагнул к двери и дал указания. Ввели обоих стюардов. К тому, что помоложе, уже вернулось душевное равновесие. Он казался лишь несколько более возбужденным, чем обычно. Второй стюард по-прежнему выглядел бледным и испуганным.

— Все в порядке, парни, — ободрил их Джэпп. — Садитесь. Ваши паспорта тоже здесь? Отлично.

Он быстро перебрал лежавшие перед ним паспорта.

— Ага, вот и мы. Мари Моризо — паспорт французский. Вы что-нибудь знаете о ней?

— Я видел ее раньше. Она довольно часто летала — в Англию и обратно, — ответил Митчелл.

— А, наверное, по каким-нибудь делам. Вы не знаете, чем она занималась?

Митчелл покачал головой. Младший стюард сказал:

— Я тоже ее помню, я видел ее на утреннем рейсе — восьмичасовом из Парижа.

— Кто из вас последним видел ее в живых?

— Он. — Младший стюард кивнул на своего коллегу.

— Верно, — сказал Митчелл, — когда я принес ей кофе.

— Как она при этом выглядела?

— Не обратил внимания. Я просто подал ей сахар и предложил молоко, но она от него отказалась.

— В котором часу это было?

— Не могу сказать точно. В это время мы были где-то над проливом. Наверное, около двух часов.

— Да, около того, — сказал Альберт Дейвис, второй стюард.

— Когда вы увидели ее в следующий раз?

— Когда разносил счета.

— Когда это было?

— Примерно через четверть часа. Я думал, она спит. Боже мой! Она уже тогда, наверное, была мертва!

Голос стюарда задрожал от страха.

— А вот этого вы не заметили? — Джэпп показал маленький шип, похожий на осу.

— Нет, сэр, не заметил.

— А вы, Дейвис?

— В последний раз я видел мадам, когда разносил галеты и сыр, но с ней все было в порядке.

— Как вы обычно разносите еду? — спросил Пуаро. — Каждый из вас обслуживает свой салон?

— Нет, сэр, мы работаем вместе. Сначала суп, потом мясо с овощами, салат, затем сладкое и так далее. Обычно мы сначала обслуживаем задний салон, а затем со свежими порциями идем в передний.

Пуаро кивнул.

— Скажите, а эта Моризо разговаривала с кем-нибудь в самолете? Или, может быть, она кого-нибудь узнала? — спросил Джэпп.

— Этого я не заметил, сэр.

— А вы, Дейвис?

— Нет, сэр.

— То есть вы не заметили ничего такого, что могло бы пролить свет на эту историю? Никто из вас?

Оба задумались, потом покачали головами.

— Ну, тогда с вами пока все. Но мы еще встретимся.

Генри Митчелл проговорил рассудительно, с печалью в голосе:

— Да, сэр, в самом деле скверная история. Особенно мне не по душе то, что я сам как бы нахожусь под подозрением.

— Ну, по-моему, никто вас ни в чем не обвиняет, — сказал Джэпп. — Однако, я согласен, действительно это довольно скверная история.

Жестом он отпустил их. Пуаро подался вперед:

— Позвольте мне задать еще один маленький вопросик.

— Конечно, мсье Пуаро.

— Не заметил ли кто-нибудь из вас осу, летавшую по салону?

Оба покачали головами.

— Я никакой осы не видел, — сказал Митчелл.

— Но там *была* оса, — настаивал Пуаро. — Я видел убитую осу на блюде у одного из пассажиров.

— Нет, я не видел ее, сэр, — сказал Дейвис.

— Ну что ж, ладно.

Стюарды вышли из комнаты. Джэпп взглянул на паспорта.

— Э, да у нас графиня на борту! — промолвил он. — И она настойчиво нам об этом напоминает. Лучше вызвать ее первой, пока

она не вышла из себя, а то как бы ее муж не направил в парламент запрос о грубых методах работы полиции.

— Вы, я полагаю, будете очень тщательно осматривать весь багаж — ручную кладь — пассажиров заднего салона...

Джэпп весело подмигнул:

— А вы как думали, мсье Пуаро? Мы ведь должны найти духовую трубку, если она существует на самом деле, и все это нам не привиделось. Мне все случившееся кажется каким-то кошмаром. Я надеюсь, тот маленький писака, свихнувшись, не решил сам совершить преступление вместо того, чтобы написать о нем книжку? Такие фокусы с отравленными стрелами как раз для него.

Пуаро с сомнением покачал головой.

— Да, — продолжал Джэпп, — всех нужно обыскать, хотя бы они этого или нет, и абсолютно все вещи из ручного багажа тоже должны быть осмотрены — уж это ясно.

— Наверное, нужно составить точный список, — предложил Пуаро. — Точный список всего, что у них было с собой.

Джэпп взглянул на него с любопытством:

— Это можно сделать, если вы хотите, мсье Пуаро. Хотя я и не представляю себе, куда вы гнете. Нам ведь известно, что именно мы ищем.

— Возможно, *вы* знаете, *mon ami*^[7], но я не уверен. Я ищу нечто, но еще не знаю, что именно.

— Опять вы за свое, мсье Пуаро. Как вы любите все усложнять! Ну, теперь давайте сюда нашу леди. А не то ее милость скоро будет готова выцарапать мне глаза.

Леди Хорбери, однако, была уже намного спокойнее. Она села на предложенный ей стул и, не задумываясь ни на мгновение, отвечала на вопросы Джэппа. Она сказала, что является женой графа Хорбери, сообщила адрес: Хорбери-Чейс, Сассекс, а также лондонский адрес: дом 315 на Гросвенор-сквер. Она возвращалась в Лондон из Ле-Пинэ и Парижа. Моризо ей совершенно незнакома. Ничего подозрительного во время полета не заметила. Да и не могла ничего заметить, потому что сидела спиной к убитой. Она не покидала свое место во время полета. Насколько она помнит, никто не входил в задний салон из переднего, кроме стюардов. Она точно не помнит, но ей кажется, что два пассажира, мужчины, выходили в туалет, но она в этом не уверена.

Она не заметила, чтобы кто-нибудь держал в руках духовую трубку или что-либо на нее похожее. Нет, сказала она, отвечая на вопрос Пуаро, она не заметила осу в салоне.

Леди Хорбери ушла. Следующей была distinguished Венеция Керр.

Показания ее были очень похожи на показания подруги. Она назвала свое имя: Венеция Анна Керр, сообщила адрес: Литтл Паддокс, Хорбери, Сассекс. Она возвращалась с юга Франции. Насколько она припоминает, покойную раньше нигде не встречала. Во время полета ничего подозрительного не заметила. Да, она видела, как пассажиры отмахивались от осы. Ей кажется, кто-то из них убил ее. Это было после того, как принесли ленч.

Мисс Керр ушла.

— Вас, кажется, весьма заинтересовала эта оса, мсье Пуаро?

— Эта оса интересна тем, что дает пищу для размышлений.

— А по-моему, — сказал Джэпп, меняя тему разговора, — самые подозрительные — это все-таки те два француза! Они сидели как раз через проход от этой Моризо.

Довольно подозрительная пара. И этот их старый чемодан, весь облепленный иностранными наклейками. Не удивлюсь, если окажется, что они бывали на Борнео, или в Южной Америке, или где-нибудь там еще. Конечно, нам неизвестны мотивы, но мы можем их выяснить в Париже. Мы должны попросить содействия у Сюртэ^[8]. Это их работа, а не наша. Но все-таки, если уж вы хотите знать мое мнение, именно они, эти два бандита, как раз те, кого мы ищем.

Пуаро слегка прищурился:

— То, что вы говорите, конечно, вполне возможно, но кое в чем вы ошибаетесь, мой друг. Эти двое не бандиты и не головорезы, как вы предполагаете. Напротив, они весьма известные, можно сказать даже, выдающиеся археологи.

— Ну-ну, да вы мне голову морочите.

— Отнюдь нет. Я их знаю в лицо. Это мсье Арман Дюпон и его сын мсье Жан Дюпон. Они не так давно вернулись с интереснейших раскопок в Персии, в местечке неподалеку от Сузы.

— Ну-ка, ну-ка!

Джэпп схватил паспорта:

— Вы правы, мсье Пуаро. Но ведь скажите честно — с первого взгляда о них этого не скажешь.

— Люди с мировым именем вообще редко производят впечатление с первого взгляда. Меня самого, например, — *moi, qui vous parle*^[9]! — приняли как-то за парикмахера.

— Да ну, не может быть, — усмехнулся Джэпп. — Ну ладно, давайте посмотрим на ваших выдающихся археологов.

Мсье Дюпон-отец заявил, что с покойной они не были знакомы. Во время полета он ничего подозрительного не заметил, так как обсуждал с сыном очень интересную проблему. Он вообще не вставал со своего места. Да, он заметил осу — она появилась примерно в конце ленча. Его сын убил ее.

Мсье Жан Дюпон подтвердил эти показания. Что происходило вокруг, он не видел. Оса надоедала ему, и он ее убил. О чем именно они спорили? О доисторической керамике Ближнего Востока.

Следующим был мистер Кланси. Ему предстояло тяжелое испытание. Инспектору Джэппу казалось, что мистер

Кланси слишком много знает о духовых трубках и отравленных стрелах.

— У вас есть духовая трубка?

— Ну... я... э-э... знаете ли, вообще-то есть.

— В самом деле? — Инспектор Джэпп чуть не подпрыгнул от такого сообщения.

Маленький мистер Кланси от волнения буквально заверещал:

— Поймите... э-э... Поймите меня правильно, у меня были совершенно невинные намерения. Я вам все объясню...

— Да, сэр, надеюсь, вы *сможете* все объяснить.

— Ну, вы понимаете, я писал книгу, в которой убийство совершается именно таким способом...

— Неужели?!

Мистер Кланси, испугавшись угрожающего тона инспектора, заторопился:

— Там все дело было в отпечатках пальцев, и мне необходимо было проиллюстрировать это каким-нибудь примером, надеюсь, вы меня понимаете, я имею в виду отпечатки пальцев, расположение их — расположение их на духовой трубке, вы, вероятно, понимаете, что я имею в виду. И вдруг я вижу такую штуку — в магазинчике на Чаринг-

Кросс-роуд — по меньшей мере, года два назад — я купил эту трубку, один мой приятель, художник, разрисовал ее для меня — ну, отпечатками пальцев, для наглядности. Вы посмотрите мою книгу «Ключ к тайне багрового лепестка» и приятеля можете спросить.

— У вас и сейчас есть эта трубка?

— Э, ну, ну да, я думаю, что есть.

— И где она сейчас?

— Я думаю — да, она должна быть где-нибудь там.

— Что вы имеете в виду под этим вашим «где-нибудь там», мистер Кланси?

— Я имею в виду... ну... где-нибудь... не могу сказать точно где. Я... я не очень аккуратный человек.

— А сейчас, например, у вас нет ее с собой?

— Конечно, нет. Я вообще не видел ее больше полугода.

Инспектор Джэпп посмотрел на него с подозрением и продолжал расспрашивать:

— Вы вставали со своего места в самолете?

— Нет, конечно, нет. Хотя — да, я вставал.

— Ах, вы все-таки *вставали*. Куда вы ходили?

— Я вставал, чтобы достать из кармана моего плаща «Брэдшоу» — расписание поездов на континенте. Плащ лежал рядом с сумками и чемоданами, сзади, у самого входа.

— То есть вы проходили как раз рядом с креслом убитой?

— Нет, хотя — ну да, я должен был пройти мимо. Но это было задолго до того, как все это могло произойти. Я тогда только что доел суп.

На все остальные вопросы он ответил отрицательно. Мистер Кланси не заметил ничего подозрительного. Он был весь погружен в продумывание своего всеевропейского алиби.

— Алиби? — переспросил инспектор мрачно. Тут вмешался Пуаро и спросил про осу.

Да, мистер Кланси заметил осу. Она пыталась ужалить его. Он вообще боится ос. Когда это было? Сразу после того, как стюард принес ему кофе. Он отмахнулся от осы, и она улетела.

Имя и адрес мистера Кланси записали, и ему позволено было идти, что он и поспешил сделать с явным облегчением.

— Он мне очень подозрителен, — сказал Джэпп. — У него и в самом деле *есть* духовая трубка. Кроме того, обратите внимание на его поведение — дрожит как осиновый лист.

— Это из-за вашей чрезмерной строгости и официальности, мой дорогой Джэпп.

— Нечего бояться, если говоришь правду, — промолвил сурово человек из Скотленд-Ярда.

Пуаро посмотрел на него с сожалением:

— Честно говоря, я уверен, что вы искренне в этом убеждены.

— Конечно, убежден. Да так оно и есть на самом деле. Ну, теперь зовите Нормана Гейла.

Норман Гейл назвал свой адрес: дом 14 по Шефферд-авеню, Масвелл-хилл. По профессии — дантист. Возвращается после отдыха на французском побережье — в Ле-Пинэ. Провел один день в Париже, осматривал новые типы стоматологических инструментов.

С покойной никогда раньше не встречался. Во время полета ничего подозрительного не заметил. Тем более что сидел с другой стороны, лицом к переднему салону. Один раз он вставал со своего места, ходил в туалет. Сразу вернулся на свое место и даже не подходил к задней части салона. Не заметил никакой осы.

Следующим был Джеймс Райдер. Он был очень возбужден и раздражен. Он возвращался после деловой встречи в Париже. С покойной знаком не был. Да, он действительно сидел как раз перед ней. Но он мог увидеть ее, только привстав и оглянувшись назад. Ничего не слышал — ни криков, ни восклицаний. Никто не проходил мимо, кроме стюардов. Да, два француза сидели напротив, через проход от него. Они разговаривали весь полет почти без перерыва. Действительно, к концу обеда младший из них убил осу. Нет, до этого он осу не заметил. Не имеет представления, как выглядит духовая трубка, никогда ее не видел и поэтому не может сказать, видел ли он что-нибудь подобное во время полета или нет...

Тут послышался стук в дверь. Вошел констебль, тщетно пытаюсь скрыть свое ликование.

— Сержант только что нашел это, сэр, — сказал он. — Я подумал, что это нужно тотчас же отнести вам.

Он положил свою находку на стол и осторожно развернул носовой платок, в котором она лежала.

— Отпечатков пальцев нет, сэр, так, по крайней мере, считает сержант. Но он сказал мне, чтобы я на всякий случай не прикасался к ней.

То, что он принес, вне всякого сомнения, было духовой трубкой — настоящей духовой трубкой аборигенов. Джэпп со свистом втянул в себя воздух.

— Боже! Неужели *это* правда? Клянусь спасением, так оно и есть! А я-то не верил!

Мистер Райдер с интересом наклонился:

— Так это и есть та самая штука, которой пользуются южноамериканцы? Я читал об этом, но никогда не видел. Теперь-то я могу ответить на ваш вопрос. Я не видел, чтобы кто-нибудь пользовался чем-либо подобным.

— Где это нашли? — резко спросил Джэпп.

— Была спрятана за одним из сидений, сэр.

— За каким?

— Номер девять.

— Это довольно забавно, — сказал Пуаро.

Джэпп повернулся к нему:

— Что ж в этом забавного?

— Ничего, кроме того, что девятое — это было мое место.

— Да, вам это действительно может показаться странным, — заметил мистер Райдер.

Джэпп нахмурился:

— Спасибо, мистер Райдер, вы можете идти.

Когда Райдер вышел, Джэпп повернулся к Пуаро с ухмылкой:

— Так это *твоя* работа, старина?

— Mon ami, — сказал Пуаро с достоинством. — Когда я совершу убийство, я *не буду* пользоваться ядом для стрел южноамериканских индейцев.

— Да, и в самом деле довольно примитивно, — согласился Джэпп. — Однако, как видишь, сработало.

— Да, именно это и вынуждает нас как следует пораскинуть мозгами.

— Однако кто бы это ни был, у него были самые минимальные шансы. Клянусь Юпитером, практически вообще не было шансов! Этот парень, должно быть, абсолютный псих. Ну, кто у нас еще

остался? Только одна девица. Давайте ее сюда, и закончим поскорее. Джейн Грей — прямо как в историческом романе.

— Симпатичная девушка, — заметил Пуаро.

— Да неужели! Вот старый кобель! Так ты, оказывается, не все время спал, а?

— Она действительно хорошенькая — и очень нервничала, — сказал Пуаро.

— Нервничала? — переспросил Джэпп, насторожившись.

— Знаешь, приятель, когда девушка нервничает, это означает чаще всего, что рядом находится молодой парень. Я думаю, причиной ее волнения было отнюдь не преступление.

— Ну, может быть, ты и прав. А вот и она.

Джейн не задумываясь отвечала на все вопросы. Зовут ее Джейн Грей, работает она в парикмахерском салоне мсье Антуана на Брутон-стрит. Ее домашний адрес: дом 10, Хэррогейт-стрит, северо-запад. Она возвращается в Англию из Ле-Пинэ...

— Хм, Ле-Пинэ!

Из дальнейших расспросов им стала известна история с билетом ирландской лотереи.

— Запретить бы эту ирландскую лотерею, — проворчал Джэпп.

— А, по-моему, это просто замечательно! — воскликнула Джейн. — Неужели *вам* никогда не доводилось ставить полкроны на скакуна?

Джэпп покраснел и, казалось, смутился.

Вопросов больше не было. Джейн показали духовую трубку. Она сказала, что никогда ее не видела. Она не знала покойную, но обратила на нее внимание в Ле-Бурже.

— Почему вы именно на нее обратили внимание?

— Потому что она была жутко страшная, — искренне ответила Джейн.

Больше от нее не смогли добиться ничего важного и отпустили.

Джэпп вернулся к созерцанию трубки.

— Это же надо! — сказал он. — Глупейший прием из идиотского детектива вдруг взял и сработал. Кого нам теперь прикажете разыскивать? Человека, который приехал из той же части света, что и эта штукавина? А откуда она? Нет, здесь без специалистов не

обойтись. Может, она малайская, или южноамериканская, или африканская.

— Это все, конечно, так, — заметил Пуаро. — Но если ее внимательно осмотреть, мой друг, то можно заметить маленький клочок бумаги, приклеенный к трубке. По-моему, он очень напоминает остатки оторванного ценника. Я думаю, что как раз вот эта вещь прибыла из диких лесов, побывав по дороге в лавке какого-нибудь любознательного торговца. Возможно, это облегчит наши поиски. Можно один маленький вопрос?

— Валяй спрашивай.

— Как насчет списка, о котором мы говорили, — списка вещей всех пассажиров?

— Теперь это не так уж и срочно. Ты настаиваешь, что его нужно сделать?

— Mais oui. Я в затруднении, в большом затруднении. Найти бы что-нибудь, что может мне помочь...

Джэпп не слушал его. Он разглядывал остатки оторванной наклейки.

— Кланси проговорился, что он купил трубку. Ох уж эти детективные писатели... Вечно пытаются представить полицейских дураками... А сами понятия не имеют о нашей работе. Если бы я сказал своему начальнику что-нибудь вроде того, что у него в книжке инспектор говорит суперинтенданту, меня завтра же вышвырнули бы из полиции. Все это безграмотная пачкотня! Я думаю, что это как раз такого рода убийство, на которое способен дрянной бумагомарака.

Глава IV

КОРОНЕРСКОЕ СЛЕДСТВИЕ [\[10\]](#)

Коронерское следствие по делу Мари Моризо состоялось через четыре дня. Эта сенсационная смерть вызвала громадный интерес среди публики, и зал суда был переполнен.

Первым свидетелем был вызван высокий седобородый француз преклонных лет — мэтр Александр Тибо. По-английски он говорил с легким акцентом, медленно, тщательно подбирая слова, но, несмотря на это, довольно образно.

После обязательных формальностей коронер [\[11\]](#) спросил:

— Вы видели тело покойной. Вы опознали его?

— Да. Опознал. Это тело моей клиентки, Мари Анжелики Моризо.

— Да, у нее был паспорт именно на это имя. Но ведь в обществе она была известна под другим именем?

— Да, ее знали в основном как мадам Жизель.

Это вызвало бурное оживление в зале. Карандаши повисли в воздухе — репортеры приготовились записывать.

— Скажите нам, пожалуйста, определенно, кем была упомянутая мадам Моризо — или мадам Жизель?

— Мадам Жизель — назову ее профессиональным именем, именно под этим именем она занималась своим бизнесом, — была одной из самых известных ростовщиц Парижа.

— Где она занималась своим бизнесом?

— В доме номер три по Рю-Жольет. Там же она и жила.

— Насколько я понял, она ездила в Англию довольно часто. Занималась ли она своим бизнесом и в этой стране?

— Да, у нее было много клиентов-англичан. И ее довольно хорошо знали в определенных кругах английского общества.

— Не могли бы вы описать эти круги?

— Ее клиентами были в основном представители высших классов и бизнесмены, для которых особенно важно было соблюдение полной тайны.

— У нее была хорошая репутация — в смысле сохранения тайны?

— Вне всяких сомнений. Мадам Жизель была абсолютно надежным партнером.

— Я хочу задать вопрос: известны ли вам какие-нибудь подробности ее деловых операций?

— Нет. Я был всего лишь ее адвокатом. Но мадам Жизель прекрасно разбиралась в бизнесе. Она была способна лично управлять своими делами — в высшей степени компетентно. Она держала в своих собственных руках весь свой бизнес. Она была, если можно так выразиться, женщиной весьма оригинального склада характера и широко известной в обществе фигурой.

— Судя по тем данным, которыми вы располагаете, была ли мадам богатой женщиной в момент своей смерти?

— Она была чрезвычайно богатой женщиной.

— Не располагаете ли вы сведениями о ее врагах?

— Таких сведений у меня нет.

Затем мэтр Тибо спустился в зал и был вызван Генри Митчелл.

Коронер сказал:

— Ваше имя — Генри Чарлз Митчелл, и вы проживаете по адресу: Шублек-Лейн, Уондзуорт, одиннадцать, не так ли?

— Да, сэр.

— Вы служите в компании «Юниверсал эйрлайнз лимитед»?

— Да, сэр.

— Работаете старшим стюардом на воздушном лайнере «Прометей»?

— Да, сэр.

— В прошлый вторник, восемнадцатого числа, вы были на службе во время двенадцатичасового рейса «Прометей» из Парижа в Кройдон. Покойная летела этим рейсом. Встречались ли вы с покойной до этого?

— Да, сэр. Я работал на рейсе 8.45 — утреннем — полгода назад, и она летала этим рейсом один или два раза.

— Вы знали ее имя?

— В моем списке оно должно быть записано, сэр. Но, честно говоря, я его не запомнил.

— Вам приходилось когда-нибудь слышать имя мадам Жизель?

— Нет, сэр.

— А теперь постарайтесь вспомнить и рассказать нам, что именно случилось в прошлый вторник во время этого рейса.

— Я подал ленч, сэр, и пошел разносить счета. Я думал, она спит, и решил не будить ее, — думал, подойду к ней, когда останется пять минут до посадки. Но когда я попытался разбудить ее, то обнаружил, что она мертва или находится в очень тяжелом состоянии. Я выяснил, что на борту есть доктор. Он сказал...

— Мы выслушаем вскоре показания доктора Брайанта. Теперь взгляните, пожалуйста, на это.

Митчеллу передали духовую трубку, и он осторожно взял ее.

— Вы когда-нибудь видели это раньше?

— Нет, сэр.

— Вы уверены в том, что не видели ее в руках у кого-либо из пассажиров?

— Да, сэр.

— Альберт Дейвис! Пришла очередь младшего стюарда.

— Ваше имя — Альберт Дейвис, проживаете в Кройдоне, Бэркоум-стрит, двадцать три, служите в компании «Юниверсал эйрлайнз лимитед»?

— Да, сэр.

— Вы находились на борту «Прометея» в качестве второго стюарда в прошлый вторник?

— Да, сэр.

— Каким образом вы узнали о трагедии?

— Мистер Митчелл сказал мне, сэр, что он опасается — не стало ли плохо одной из пассажирок.

— Вы когда-нибудь видели это?

Дейвису передали духовую трубку.

— Нет, сэр.

— Вы не заметили, было ли это в руках у кого-либо из пассажиров?

— Нет, сэр.

— Не произошло ли во время рейса чего-либо, что могло бы пролить свет на эту историю?

— Нет, сэр.

— Хорошо, вы свободны.

— Доктор Роджер Брайант!

Доктор Брайант представился, назвал свой адрес и сообщил, что является специалистом по болезням уха и горла.

— Расскажите нам по возможности точно, что именно произошло в прошлый вторник, восемнадцатого.

— Перед самым прибытием в Кройдон ко мне обратился старший стюард. Он спросил, не доктор ли я. Получив утвердительный ответ, он сообщил, что одной из пассажирок плохо. Я поднялся и пошел за ним. Женщина, о которой он говорил, сползла с кресла и полулежала в неестественной позе. Она уже была мертва какое-то время.

— Как вы считаете, доктор Брайант, когда она скончалась?

— Я бы сказал, как минимум за полчаса до моего прихода. Если точнее — от получаса до часа, насколько я смог определить.

— Есть ли у вас какие-нибудь предположения о причине смерти?

— Нет. Это невозможно было определить без более подробного осмотра.

— Но вы заметили след от укола у нее на шее?

— Да.

— Благодарю вас... Доктор Джеймс Вистлер.

Доктор Вистлер оказался щуплым, худым человеком.

— Вы полицейский патологоанатом этого района?

— Да, я.

— Можете ли вы дать показания по этому делу?

— В прошлый вторник, восемнадцатого, сразу после трех часов, я получил вызов в кройдонский аэропорт. Там мне показали тело женщины средних лет. Она находилась на борту лайнера «Прометей» в одном из кресел. Она была мертва, и смерть наступила около часа назад. Я заметил круглый след от укола сбоку на шее, в области сонной артерии. Такой след мог возникнуть в результате укуса осы или укола шипом, который мне показали. Тело перевезли в морг, где я имел возможность произвести детальный осмотр.

— К какому заключению вы пришли?

— Я пришел к заключению, что смерть наступила в результате введения сильнодействующего яда в кровь. Смерть наступила из-за паралича сердца и была практически мгновенной.

— Можете ли вы сказать, какой яд был использован?

— С таким ядом мне сталкиваться не приходилось.

Репортеры, слушавшие с напряженным вниманием, записали: «*Неизвестный яд*».

— Благодарю вас... Мистер Генри Винтерспун!

Мистер Винтерспун был крупным, несколько сонным с виду человеком. Он оказался добродушным, но туповатым. И присутствующих просто ошеломило сообщение о том, что мистер Винтерспун — главный правительственный эксперт и огромный авторитет во всем, что касается редких ядов.

Коронер показал смертоносный шип и спросил мистера Винтерспуна, узнает ли он его.

— Узнаю. Мне присылали его на анализ.

— Не расскажете ли вы нам о результатах экспертизы?

— Разумеется. Могу сказать, что первоначально шип был смазан препаратом из кураре, ядом для стрел, который используют некоторые племена.

Репортеры строчили вовсю, предвкушая сенсацию.

— Так вы считаете, что смерть наступила в результате воздействия кураре?

— О нет, — ответил мистер Винтерспун, — в этом составе была самая незначительная часть кураре, которым первоначально шип был смазан. В результате проведенного анализа мне удалось установить, что совсем недавно на шип был нанесен яд змеи *Dispholidus Typus*, известной больше как бумсланг, или древесная змея.

— Бумсланг? Что такое — бумсланг?

— Это южноафриканская змея — одна из наиболее ядовитых. Воздействие ее яда на человеческий организм еще не изучено. Но какое-то представление о том, насколько это сильный яд, вы можете получить, если представите, что, когда этот яд ввели гиене, та умерла еще до того, как успели извлечь иглу. Шакал погиб мгновенно, словно его застрелили. Яд вызывает внутренние кровоизлияния и парализует деятельность сердца.

Репортеры записали: «*Невероятная история. Змеиный яд — причина воздушной драмы. Смертельнее, чем у кобры*».

— Вам известны случаи использования этого яда для умышленного отравления?

— Никогда не сталкивался с чем-либо подобным. Это в высшей степени интересно.

— Благодарю вас, мистер Винтерспун.

Полицейский сержант Вильсон показал, что обнаружил духовую трубку за спинкой одного из сидений. Отпечатков пальцев на ней не было. Был проведен эксперимент с духовой трубкой и стрелами. Так называемый радиус действия трубки был около десяти ярдов.

— Мсье Эркюль Пуаро.

Появление Пуаро вызвало среди присутствующих интерес, но его показания были довольно лаконичными. Он ничего не заметил во время полета. Действительно, именно он обнаружил крошечный шип на полу салона. Местонахождение шипа позволяет допустить, что он мог упасть с шеи мертвой женщины.

— Графиня Хорбери.

Репортеры писали: *«Жена пэра дает показания по делу о загадочном убийстве в воздухе»*. Некоторые из них написали: *«...о загадочном змеином яде»*.

Сотрудники женских изданий подали это так: *«На леди Хорбери была одна из новомодных „коллежских“ шляпок и лисьи меха»*. Или: *«Леди Хорбери, одна из самых хорошеньких женщин города, была одета в черное, и на ней была одна из недавно вошедших в моду „коллежских“ шляпок»*. Или: *«Леди Хорбери, в девичестве мисс Сисели Бланд, была с изысканным вкусом одета во все черное, на ней была модная шляпка»*.

Все получили удовольствие, наблюдая за молодой симпатичной женщиной, хотя ее показания были одними из самых коротких. Она ничего не заметила. Она никогда раньше не видела покойную.

После нее настала очередь Венеции Керр, но та вызвала явно меньший интерес.

Неутомимые поставщики новостей для женщин записали: *«Дочь лорда Коттесмора была одета в прекрасно сшитые жакет и юбку. На ней был модный широкий шарф»* — и подчеркнули фразу: *«Дама из высшего света на коронерском следствии»*.

— Джеймс Райдер.

— Ваше имя — Джеймс Белл Райдер, проживаете на северо-западе, Блейнбери-авеню, семнадцать?

— Да.

— Ваша профессия или род занятий?

— Я директор-управляющий компании «Элис вейл цемент».

— Будьте любезны, осмотрите эту трубку. (Пауза.) Вы видели ее когда-нибудь раньше?

— Никогда.

— Не заметили ли вы что-либо похожее на это в руках у кого-нибудь из пассажиров, находившихся на борту «Прометея»?

— Нет.

— Вы сидели в кресле номер четыре, как раз напротив покойной?

— Ну и что с того?

— Пожалуйста, не разговаривайте со мной в подобном тоне. Вы сидели в кресле номер четыре. С вашего места вам было видно в салоне практически всех.

— Нет, из сидящих на моей стороне я никого не мог видеть. У кресел очень высокие спинки.

— Но если бы кто-нибудь наклонился в проход — ну, чтобы, например, выстрелить из трубки в покойную, — вы бы увидели?

— Конечно.

— И вы не видели ничего подобного?

— Нет.

— А кто-нибудь из сидящих перед вами вставал со своего места?

— Да, мужчина через два кресла от меня вставал, ходил в туалет.

— То есть в направлении, противоположном от вас и от покойной?

— Да.

— То есть мимо вас он не проходил вообще?

— Нет, он вернулся прямо на свое место.

— У него было что-нибудь в руке?

— Абсолютно ничего.

— Вы в этом уверены?

— Вполне.

— Кто-нибудь еще вставал со своего места?

— Да, парень напротив. Он как раз прошел мимо меня — в конец салона.

— Я протестую! — взвизгнул мистер Кланси, вскочив со своего места. — Это было раньше, намного раньше — около часа пополудни.

— Прошу вас сесть на место, — сказал коронер. — Вам будет предоставлено слово. Продолжайте, мистер Райдер. Вы не заметили, было ли что-нибудь у этого джентльмена в руках?

— По-моему, он держал авторучку. А когда он возвращался, в руках у него была оранжевая книжка.

— То есть он был единственным, кто проходил по салону в вашу сторону? А вы сами вставали со своего места?

— Да, я ходил в туалет, и у меня в руках не было никакой духовой трубки.

— Вы позволяете себе разговаривать в совершенно недопустимом тоне. Вы свободны.

Мистер Норман Гейл, дантист, на все вопросы дал отрицательные ответы. Затем слово предоставили возмущенному мистеру Кланси.

Мистер Кланси вызвал у охотников за новостями не такой уж большой интерес — на несколько ступеней ниже, чем жена пэра.

«Автор детективов дает показания. Известный писатель признает факт приобретения смертоносного оружия. Сенсация в суде».

Но раздуть сенсацию не удалось.

— Да, сэр, — сказал мистер Кланси довольно раздраженно. — Я действительно приобрел трубку, и, более того, я принес ее сегодня с собой. И я решительно протестую против утверждения, что при помощи моей трубки было совершено преступление. Вот моя духовая трубка.

И с торжествующим видом он продемонстрировал всем духовую трубку.

Репортеры записали: *«Вторая духовая трубка в суде».*

Коронер разговаривал с мистером Кланси очень сурово. Мистеру Кланси было сказано, что он находится здесь для того, чтобы помогать правосудию, а не для того, чтобы опровергать воображаемые обвинения против него самого. Затем мистер Кланси был допрошен в связи с происшествием на «Прометее», но безрезультатно. Мистер Кланси с утомительными ненужными подробностями рассказал, что был слишком углублен в изучение особенностей движения пассажирских поездов за границей и преодоление трудностей европейского двадцатичетырехчасового деления суток, чтобы заметить что-либо происходящее вокруг него. Все до одного пассажиры «Прометей» должны были непрерывно стрелять из духовых трубок отравленными шипами, чтобы мистер Кланси мог хоть что-нибудь заметить.

Мисс Джейн Грей, ассистент парикмахера, не привлекла к себе внимания журналистов.

Затем наступила очередь двух французов.

Мсье Арман Дюпон показал, что он летел в Лондон для того, чтобы прочитать лекцию в Королевском азиатском обществе. Он и его сын были слишком увлечены профессиональным разговором и не заметили почти ничего из того, что происходило вокруг. Он не обращал никакого внимания на покойную до тех пор, пока не возникло всеобщее возбуждение после сообщения о ее смерти.

— Вы знали в лицо мадам Моризо, или мадам Жизель?

— Нет, мсье. Я никогда не видел ее раньше.

— Но ведь она известна в Париже довольно широко, разве нет?

Мсье Дюпон-старший пожал плечами:

— Но только не мне. Во всяком случае, теперь я бываю в Париже довольно редко.

— Насколько мне известно, вы недавно вернулись с Востока?

— Это верно, мсье, из Персии.

— Ведь вы с сыном много путешествовали по отдаленным уголкам земного шара?

— Простите?

— Вы ездили по диким местам?

— Ах это... Да.

— Приходилось ли вам сталкиваться когда-нибудь с племенами, которые используют змеиный яд для отравленных стрел?

Это пришлось ему перевести, и, когда мсье Дюпон понял наконец вопрос, он энергично покачал головой:

— Никогда, я никогда ни с чем подобным не сталкивался.

Следующим был его сын. Показания мсье Дюпона-младшего ничем не отличались от показаний его отца. Он ничего не заметил. Он подумал — вполне возможно, что покойную могла укусить оса, потому что вокруг него тоже летала оса, и он в конце концов убил ее.

Дюпоны были последними свидетелями.

Коронер откашлялся и обратился к присяжным.

Он сказал, что это, вне всякого сомнения, одно из самых поразительных и невероятных дел, с которыми он когда-либо сталкивался в суде. Женщина была убита — следует исключить любую возможность того, что это самоубийство или несчастный случай, —

была убита в воздухе, в небольшом замкнутом пространстве. Не может быть никаких сомнений: никто из посторонних совершить это преступление не мог. Убийцей — или убийцами — был кто-то из свидетелей, которых мы выслушали сегодня утром. И никуда от этого факта не деться, как бы это ни было ужасно. Один из присутствующих здесь отчаянно и совершенно беззастенчиво лгал.

Это преступление не имеет аналогов. На глазах десяти — или двенадцати, считая стюардов, — свидетелей убийца приложил духовую трубку к губам и выпустил смертоносную стрелу в воздух. И никто ничего не заметил. Это кажется абсолютно невозможным, но имеются доказательства: духовая трубка, маленькая стрела, найденная на полу, и результаты медицинского освидетельствования, подтверждающие, как бы это ни казалось невероятным, что дело обстоит именно таким образом.

При отсутствии данных, указывающих на кого-либо конкретно, он может только рекомендовать присяжным вынести вердикт о том, что это было преднамеренное убийство, совершенное неизвестным или неизвестными. Все присутствующие отрицают свое знакомство с покойной, и теперь дело полиции — выяснить, кто и в связи с чем дал ложные показания. При отсутствии видимых мотивов преступления он может рекомендовать присяжным вынести только вышеупомянутый вердикт.

Присяжным теперь предстояло вынести вердикт.

Присяжный с квадратным лицом и недоверчивым взглядом приподнялся, тяжело дыша:

— Можно вопрос, сэр?

— Конечно.

— Вы сказали, что трубка была найдена под сиденьем. Чье это было место?

Коронер заглянул в свои записи. Сержант Вильсон встал сбоку от него и, запинаясь, проговорил:

— Ах да. Интересующее вас место номер девять было занято мсье Пуаро. Я могу сказать вам, что мсье Пуаро нам хорошо известен, он уважаемый частный детектив, который... э-э... несколько раз сотрудничал со Скотленд-Ярдом.

Квадратнолицый перевел свой взгляд на мсье Эркюля Пуаро. При виде длинных усов маленького бельгийца на лице присяжного

появилось выражение, весьма далекое от удовлетворения.

«Ох уж эти иностранцы, — было прямо написано в глазах квадратнолицего, — никогда нельзя доверять иностранцам, даже если они свои люди для полиции».

Вслух он спросил:

— И это именно мистер Пуаро подобрал отравленную стрелу, не так ли?

— Да.

Присяжные вышли. Они вернулись через пять минут, и старшина присяжных передал коронеру бумагу.

— Это еще что такое? — Коронер нахмурился. — Это просто нелепо, я не могу принять такой вердикт.

Через несколько минут принесли исправленный вердикт: «Мы считаем, что покойная убита в результате отравления ядом. По показаниям не представилось возможным выяснить, кем именно этот яд ей был введен».

Глава V

ПОСЛЕ КОРОНЕРСКОГО СЛЕДСТВИЯ

Когда Джейн вышла из суда после оглашения вердикта, рядом с ней оказался Норман Гейл. Он сказал:

— Интересно, что было в той бумаге, которую коронер отказался принять?

— Я думаю, что могу ответить на ваш вопрос, — произнес чей-то голос позади них.

Они обернулись и увидели подмигивающего мсье Эркюля Пуаро.

— Это был вердикт, — сказал маленький человечек, — о преднамеренном убийстве, совершенном мной.

— Неужели? — воскликнула Джейн.

Пуаро кивнул с довольным видом:

— Mais oui. Когда я выходил, я услышал, как кто-то из публики говорил своему соседу: «Этот маленький иностранец — попомните мои слова, это сделал он!» И присяжные думают то же самое.

Джейн не знала даже, что и делать — то ли сочувствовать, то ли смеяться. Затем решила, что лучше последнее. Пуаро тоже засмеялся.

— А теперь, понимаете ли, — сказал он, — я определенно должен приниматься за работу, чтобы снять с себя подозрения.

Он улыбнулся и, поклонившись, распрощался с ними. Норман и Джейн отправились следом за ним.

— Какой странный человечек, — сказал Гейл, — он похож на уличного попрошайку, а называет себя детективом. Не представляю, как *он* может быть детективом. Любой преступник сразу его раскусит. Уж он-то никак не сможет изменить свою внешность.

— А может быть, ваши представления о детективах устарели? — возразила Джейн. — Все эти фальшивые бороды давно уже вышли из моды. Сейчас детективы просто сидят, думают и при помощи психологии обнаруживают преступника.

— Да, это намного легче.

— Физически — может быть, зато требует от детектива ясного и холодного ума.

— Понятно. Горячий и тусклый не годится.

Оба расхохотались.

— Послушайте, — сказал Гейл. Он слегка покраснел и заговорил чуть быстрее. — Вы не возражаете... я имею в виду, это было бы ужасно мило с вашей стороны... поздноватое, конечно... но не выпить ли нам чаю вместе? Я имею в виду... товарищи по несчастью... и...

Он замолчал. А про себя подумал:

«Да что случилось с тобой, дурак ты этакий? Неужели ты не можешь пригласить девушку на чашку чая, не заикаясь при этом, не смущаясь, короче говоря, не выставляя себя таким ослом? Что она о тебе подумает?»

На фоне его смущения еще заметнее стало спокойствие и самообладание Джейн.

— Большое спасибо, — сказала она. — Я не против.

Они обнаружили неподалеку чайную, где надменная мрачная официантка приняла заказ, словно делая им одолжение. Весь вид ее, казалось, говорил: «Я не виновата, если вы останетесь разочарованы. Это только так *говорится*, что у нас здесь принято пить чай, а я лично никогда о таком не слышала».

Чайная была почти пуста. Это как бы подчеркивало интимность совместного чаепития. Джейн стянула перчатки и посмотрела на своего кавалера, сидевшего напротив. Он был довольно красив — голубые глаза, располагающая улыбка. К тому же он был очень *мил*.

— Ну и в историю мы влипли с этим убийством, — заговорил наконец Гейл, преодолевая какую-то неловкость. Это казалось совершенно абсурдным, но он никак не мог избавиться от чувства смущения.

— Вот уж точно, — откликнулась Джейн. — Я боюсь, что у меня будут неприятности на работе. Я ведь не знаю, как к этому отнесутся.

— Да-а-а, вот об этом я и не подумал.

— Антуану может не понравиться, что у него служит девушка, замешанная в деле об убийстве, которая дает показания в суде и все такое...

— Ну и странный же народ, — проговорил Норман задумчиво. — В жизни все так — так несправедливо. Ведь вашей-то вины во всем

этом нет. — Он сердито нахмурился. — Черт знает что такое!

— Но ведь ничего еще не случилось, — прервала его Джейн. — Не стоит так волноваться из-за того, что еще не произошло. К тому же в этом все-таки что-то есть — ведь и я могу оказаться убийцей! А если ты убил одного, то тут же пойдут слухи, что ты убиваешь направо и налево, — согласитесь, не очень-то приятно, когда вас стрижет такой человек.

— Достаточно на вас только посмотреть, чтобы убедиться, что вы не способны никого убить, — глядя на нее, возразил Норман с совершенно серьезным видом.

— Я не совсем в этом уверена, — сказала Джейн. — Я бы с удовольствием убила некоторых моих клиенток, если бы была убеждена, что мне все сойдет с рук! Особенно одну из них — голос у нее скрипучий, как у коростеля, и она ворчит по любому поводу. Мне и в самом деле иногда кажется, что убийство в этом случае было бы благодеянием, а вовсе не преступлением. Так что, как видите, у меня довольно преступный образ мыслей.

— Что ж, может быть. Но вот именно это убийство вы ни в коем случае не могли совершить, — сказал Гейл. — Я могу утверждать это под присягой.

— А я могла бы присягнуть, что и не вы его совершили, — сказала Джейн. — Но это абсолютно ничего не изменит, если ваши пациенты будут считать, что вы его все-таки совершили...

— Мои пациенты — и в самом деле... — Гейл, казалось, был озадачен. — А ведь, наверное, вы правы — я действительно об этом не подумал. Дантист, который может вдруг оказаться убийцей-маньяком, — нет, это не слишком заманчивая перспектива.

Совершенно неожиданно он вдруг спросил Джейн:

— Послушайте, вы ничего не имеете против того, что я дантист?

Джейн удивленно приподняла брови:

— Я? Против?

— Ну, я имею в виду, что в, этом всегда есть что-то такое... ну, комичное, что ли, — во всем, что связано с зубными врачами. Все-таки это не слишком романтичная профессия. В наше время только настоящего врача принимают всерьез.

— Уж вам-то не стоит унывать! — сказала Джейн. — Любой дантист определенно даст сто очков вперед ассистенту парикмахера.

Они оба рассмеялись, и Гейл воскликнул:

— Я чувствую, мы с вами станем друзьями! А вы как считаете?

— Да, я тоже так думаю.

— Может быть, вы пообедаете со мной как-нибудь под вечер, а потом мы сходим куда-нибудь?

— С удовольствием.

После некоторой паузы Гейл спросил:

— А как вам понравилось в Ле-Пинэ?

— Там было просто чудесно.

— Вы бывали там когда-нибудь раньше?

— Нет, видите ли...

И Джейн, разоткровенничавшись вдруг, поведала ему историю с выигранным лотерейным билетом. Они пришли к единодушному мнению, что лотереи нужны, что в них есть нечто романтическое, и дружно посетовали, что нехорошее английское правительство придерживается другой точки зрения.

Разговор прервал молодой человек в коричневом костюме, топтавшийся рядом с их столиком уже несколько минут — пока они его не заметили.

Увидев, что на него обратили внимание, он приподнял шляпу и обратился к Джейн уверенно и весьма бойко.

— Мисс Джейн Грей? — спросил он.

— Да.

— Я представляю здесь «Уикли хаул». Не согласились бы вы написать небольшую статейку для нас в связи с этим убийством в воздухе? Изложив, так сказать, точку зрения одного из пассажиров?

— Боюсь, что нет. Благодарю вас.

— Соглашайтесь, мисс Грей, мы хорошо заплатим.

— Сколько? — спросила Джейн.

— Пятьдесят фунтов или... ну... ну, можно немножко увеличить. Например, шестьдесят.

— Нет, — ответила Джейн. — У меня ничего не получится. Я не знаю, о чем писать.

— Да вы не волнуйтесь, — сказал молодой человек довольно развязно. — Ведь на самом деле вам не придется писать статью. Просто один из наших парней попросит вас высказать свои

предположения, а потом сам сделает все, что нужно. Вам это не составит никакого труда.

— Все равно, — сказала Джейн. — Все равно не хочу.

— А если мы дадим сотню? Послушайте, я ведь и в самом деле заплачу вам сто фунтов, и вставим еще фотографию.

— Нет, — повторила Джейн. — Мне эта идея не по душе.

— Давай выметайся, — сказал Норман Гейл. — Мисс Грей не хочет, чтобы ее беспокоили.

Молодой человек повернулся к нему с надеждой.

— Вы — мистер Гейл? — спросил он. — Послушайте, мистер Гейл, если уж мисс Грей так щепетильна насчет всего этого, то, может быть, вы напишете? Пятьсот слов. И мы заплатим вам столько же, сколько я обещал мисс Грей, и это неплохая сделка для вас, потому что мнение женщины об убийстве другой женщины ценится гораздо выше. Я предлагаю вам неплохое дельце.

— Не хочу. Не напишу ни слова.

— Для вас это будет неплохой рекламой — помимо платы. Перспективный специалист с блестящей карьерой впереди, и все ваши пациенты прочитают об этом.

— Больше всего, — сказал Гейл, — я боюсь как раз этого.

— Послушайте, но ведь в наши дни без рекламы не обойтись.

— Возможно. Но все дело в том, какова реклама. Я надеюсь, что хотя бы несколько моих пациентов не читают газет и останутся в неведении о том, что я замешан в деле об убийстве. Ну, теперь вы получили ответ от нас обоих. Уйдете сами или вас вышвырнут отсюда?

— Не стоит так волноваться, — сказал молодой человек, совершенно не обратив внимания на угрозу. — Приятного вам вечера, позвоните мне в контору, если вы перемените свое решение. Вот моя визитная карточка.

Он с довольным видом вышел из чайной, думая про себя: «Совсем даже неплохо. Вышло вполне приличное интервью».

И в самом деле, в следующем номере «Уикли хаул» на первой полосе было опубликовано интервью с двумя свидетелями загадочного убийства в воздухе. Мисс Джейн Грей заявила, что она слишком потрясена, чтобы говорить об этом. Мистер Норман Гейл заявил, что он находится в затруднении, поскольку опасается, что эти события

могут повлиять на его профессиональную карьеру, так как он, хотя и не по своей вине, оказался замешанным в криминальной истории. Мистер Гейл с юмором выразил надежду, что хотя бы некоторые его пациенты читают только колонку светской хроники и поэтому не заподозрят ничего дурного, усаживаясь к нему в кресло.

Когда молодой человек ушел, Джейн сказала:

— Странно, почему он не обратился к более заметным людям?

— Наверно, оставил на сладкое, — мрачно ответил Гейл. — А может, уже пытался, и у него ничего не вышло.

Пару минут он сидел, нахмурившись, затем проговорил:

— Джейн, — я буду звать вас Джейн, если вы не возражаете, — Джейн, как вы думаете, кто на самом деле убил эту Жизель?

— Не имею ни малейшего представления.

— А вы думали об этом? Думали по-настоящему?

— Нет, мне кажется, всерьез я об этом не задумывалась. Меня только немного беспокоило, что я сама оказалась во всем этом замешана. Но нет, и в самом деле, я не думала о том, кто именно из них сделал это. По-моему, я до сих пор еще не осознала, что один из них — убийца. А ведь в этом нет никаких сомнений.

— Да, коронер заявил об этом совершенно однозначно. Я знаю, что я не убивал. Я знаю также, что вы не убивали, потому что... ну, потому что я все время на вас смотрел.

— Я тоже знаю, — Джейн помедлила, — что вы не могли это сделать. По той же самой причине. И, конечно же, у меня нет ни малейших сомнений в том, что я сама абсолютно к этому непричастна. То есть убийца наверняка кто-то из остальных, но кто именно, я понятия не имею. Даже представить себе не могу. А вы?

— Я тоже.

Норман Гейл задумался. Казалось, он решает в уме сложную головоломку. Джейн продолжала:

— Мне кажется, нам бесполезно даже гадать, кто бы это мог быть, потому что мы ничего не видели. По крайней мере, я не видела. А вы?

Гейл покачал головой:

— Абсолютно ничего.

— Это ужасно странно. То есть я хочу сказать, что вы и не могли ничего видеть, потому что сидели спиной. Но я-то могла! Я как раз

сидела у самого прохода и смотрела в ту сторону. Я имею в виду — я непременно должна была...

Джейн смутилась и замолчала. Она вспомнила, что не замечала вокруг ничего, кроме голубого свитера, потому что все мысли ее были заняты человеком, на котором этот свитер был надет.

Норман Гейл в это время думал:

«Интересно, почему она так смущается?.. Она восхитительна... Я женюсь на ней... Да, женюсь... Но не стоит загадывать так далеко вперед. У меня есть прекрасный повод почаще с ней встречаться. Трудно придумать что-нибудь более подходящее, чем эта история с убийством... Кроме того, и в самом деле нужно что-то предпринять: огласка была бы весьма нежелательна, а этот хваткий борзописец-репортер...»

Вслух он сказал:

— Ну, давайте хорошенько поразмыслим. Кто мог ее убить? Надо перебрать всех по порядку. Стюарды?

— Нет, — сказала Джейн.

— Согласен. Женщина, сидевшая напротив нас?

— Я не думаю, что такие, как леди Хорбери, способны на убийство. И вторая, мисс Керр, — тоже вряд ли. Она слишком аристократична — она не стала бы убивать старуху француженку, я совершенно уверена.

— Это точно. В самом крайнем случае она могла бы шлепнуть нерасторопного доезжачего у себя в поместье. Я думаю, Джейн, в этом вы совершенно правы. Затем идет усач, но его-то присяжные и считают убийцей, поэтому он наверняка невиновен. Доктор? По моему, вряд ли.

— Да, если бы он захотел убить кого-нибудь, он использовал бы что-нибудь такое, что нельзя обнаружить, и никто ничего бы не узнал.

— Может быть, — с сомнением проговорил Норман. — Конечно, все эти яды — без запаха, без вкуса и не оставляющие никаких следов — весьма удобны, но я сильно сомневаюсь, что они и в самом деле существуют. А что, если это тот маленький человечек, который признался, что у него есть духовая трубка?

— Да, довольно подозрительная история. Но он мне показался таким милым. И, кроме того, он ведь мог и не говорить, что у него есть духовая трубка. Так что, похоже, он вне подозрений.

— Там был еще этот... Джеймсон... нет... как там его — Райдер?

— Да, это мог сделать и он.

— А два француза?

— Они, несомненно, самые подозрительные из всех. Они бывали во всяких экзотических местах. И конечно, у них могла быть причина, о которой мы просто ничего не знаем. Кроме того, мне показалось, что у младшего был какой-то растерянный и в то же время озабоченный вид.

— Я думаю, у вас тоже был бы очень озабоченный вид, если бы вы совершили убийство, — сказал Норман Гейл мрачно.

— И все равно, он такой симпатичный, — возразила Джейн. — И папаша у него довольно приятный. Я надеюсь, это все-таки не они.

— Да, недалеко же мы продвинулись, — подвел итоги Норман Гейл.

— Куда же мы можем продвинуться, если мы совсем ничего не знаем об убитой женщине? О ее врагах, о тех, кто наследует ее деньги и все такое.

Норман Гейл задумался:

— Вы считаете, что мы занимаемся досужими домыслами?

— А разве нет? — холодно сказала Джейн.

— Не совсем. — Гейл поколебался, потом медленно продолжил: — У меня такое чувство, что это тоже может принести какую-то пользу...

Джейн вопросительно посмотрела на него.

— Убийство, — пояснил Норман Гейл, — затрагивает не только виновного и его жертву. Это касается также и невиновных. Мы с вами невиновны, но тень убийства упала и на нас, и мы не можем предвидеть, как это повлияет на нашу жизнь.

Джейн была человеком рассудительным и хладнокровным, но, услышав такое, и она содрогнулась.

— Перестаньте, — сказала она. — Вы меня пугаете.

— Да я и сам немного испуган, — ответил Гейл.

Глава VI

СОВЕЩАНИЕ

Эркюль Пуаро подошел к ожидавшему его инспектору Джэппу. Тот осклабился.

— Привет, старина, — сказал он. — Ты был на волосок от того, чтобы угодить в камеру.

— Боюсь, — ответил Пуаро довольно мрачно, — что подобное происшествие подорвало бы мою профессиональную карьеру.

— А что, — ухмыльнулся Джэпп, — сыщики иногда и в самом деле оказываются преступниками — в книжках.

К ним присоединился высокий худой человек с умным и печальным лицом, и Джэпп представил его:

— Мсье Фурнье из Сюртэ. Он прибыл сюда, чтобы вместе с нами расследовать это дело.

— Мне кажется, я уже имел удовольствие встречаться с вами несколько лет назад, мсье Пуаро, — сказал Фурнье, поклонившись и пожимая ему руку. — Я также наслышан о вас от мсье Жиро.

Он едва заметно улыбнулся. А Пуаро, без особого труда представивший себе те выражения, в которых Жиро («человек-ищейка», как он его называл) отзывался о нем, понимающе улыбнулся в ответ.

— У меня есть предложение, — сказал Пуаро. — Давайте, джентльмены, пообедаем у меня. Я уже пригласил мэтра Тибо. Если, конечно, вы с моим другом Джэппом не имеете ничего против моего с вами сотрудничества.

— Договорились, старый петух, — сказал Джэпп, похлопав его дружески по спине. — Уж в этом деле ты главный специалист — тебе и карты в руки.

— Вы окажете нам большую честь, — проговорил француз церемонно.

— Дело в том, — сказал Пуаро, — что, как совсем недавно я признался одной очаровательной молодой леди, у меня теперь одна забота — снять с себя подозрения.

— Да присяжным просто не понравился твой вид, — промолвил Джэпп со своей обычной ухмылкой. — Но, признаться, это была самая удачная шутка, какую я только слышал в последнее время.

По общему уговору, во время прекрасного обеда, который маленький бельгиец предложил своим друзьям, об убийстве никто не упоминал.

— Однако, оказывается, в Англии *можно* хорошо поесть, — пробормотал Фурнье с довольным видом, воспользовавшись предусмотрительно предложенной ему зубочисткой.

— Великолепный обед, мсье Пуаро, — сказал Тибо.

— Правда, слегка во французском духе, но действительно — чертовски хорош, — заявил Джэпп.

— Пища не должна отягощать ваш *estomac*^[12], — сказал Пуаро, — и должна быть достаточно легкой, чтобы не парализовать мысль.

— Не могу сказать, что мой желудок когда-нибудь меня беспокоил, — сказал Джэпп, — но спорить по этому поводу я не стану. Давайте лучше примемся за дело. Я знаю, что у мсье Тибо вечером деловая встреча, поэтому предлагаю выслушать сначала его. Давайте выясним у мсье Тибо все интересующие нас вопросы.

— К вашим услугам, джентльмены. Естественно, теперь я могу говорить более свободно, чем на коронерском следствии. У меня был мимолетный разговор с инспектором Джэппом перед самым коронерским следствием, и инспектор посоветовал мне проявить сдержанность — огласить только самые необходимые факты.

— Совершенно верно, — подтвердил Джэпп. — Никогда нельзя раньше времени раскрывать свои карты. А теперь давайте послушаем, что вы можете нам рассказать об этой Жизели.

— Честно говоря, знаю я очень немного. Я знаю о ней только то, что известно и всем. О ее личной жизни мне почти ничего не известно. Может быть, мсье Фурнье сможет сообщить вам больше. Я вам могу сказать вот что: мадам Жизель была, как это у вас называется, «личность». Она была уникальна в своем роде. О ее прошлом мне ничего не известно. По-моему, в молодости она была очень хороша. Мне кажется, она переболела оспой, и это сильно испортило ей внешность. Жизель была — у меня, во всяком случае, сложилось такое впечатление — женщиной, испытывавшей наслаждение от власти, и эта власть у нее была. Жизель проявляла в делах недюжинную

смекалку и относилась к тому типу расчетливых француженок, которые никогда не позволят каким-нибудь сантиментам повлиять на интересы дела. Но у нее была репутация женщины, скрупулезно честной в делах и верной своему слову.

Он повернулся к Фурнье за поддержкой. Тот меланхолично кивнул.

— Да, — сказал он. — Она была честной — в ее понимании. Наверное, какой-нибудь суд и мог бы привлечь ее к ответственности, если только кто-нибудь дал бы показания. Но это... — Он с сомнением пожал плечами. — Да о чем тут говорить. Такова уж человеческая натура.

— Что вы имеете в виду?

— Chantage!

— Шантаж? — переспросил Джэпп.

— Да. Особый шантаж, и весьма своеобразный. У мадам Жизели было обыкновение давать деньги в долг, как это у вас называется, «всего лишь под расписку». Она сохраняла в тайне как сумму, так и способ уплаты, но я должен вам сказать — у нее были свои, особые методы добиваться уплаты долга.

Пуаро подался вперед с живейшим интересом.

— Как уже говорил сегодня мэтр Тибо, среди клиентов мадам Жизели были в основном представители высших классов и бизнесмены. Эти люди особенно чувствительны к общественному мнению. Мадам Жизель располагала своей собственной секретной службой... Ее правилом было — перед тем как дать деньги, если речь шла о больших суммах, собрать как можно больше фактов о клиенте. И ее разведка, должен вам сказать, работала просто великолепно. Я присоединяюсь к тому, что уже сказал ваш друг, — со своей точки зрения, мадам Жизель была кристально честной. Она всегда держала слово по отношению к тем, кто тоже держал свое. Я искренне убежден, что она никогда не использовала своих тайных сведений, чтобы потребовать у кого-нибудь не принадлежавших ей денег.

— Вы имеете в виду, — сказал Пуаро, — что эти секретные сведения были своего рода обеспечением долга.

— Вот именно. И если приходилось воспользоваться ими, она была совершенно безжалостна и не принимала во внимание никакие мольбы, стенания и уговоры. Должен вам сказать, джентльмены: *ее*

система действовала безотказно! Редко, очень редко баланс у нее не сходил. Любой человек, будь то женщина или мужчина, занимающий заметное положение, будет отчаянно стараться достать деньги, чтобы только избежать публичного скандала. Признаться, нам было известно о ее деятельности, но что касается судебного преследования... — Он пожал плечами. — Это намного труднее. Человеческая натура, она и есть человеческая натура.

— Предположим, — сказал Пуаро, — что ей пришлось — вы говорили, такое иногда случалось — записать деньги в убыток, что тогда?

— В таком случае, — медленно проговорил Фурнье, — информация, которой владела мадам, публиковалась или передавалась заинтересованному в ней человеку.

Они помолчали некоторое время. Затем Пуаро спросил:

— Но с финансовой стороны от этого все равно ведь не было никакого дохода?

— Не было, — ответил Фурнье. — То есть не было прямого дохода.

— А непрямого?

— Это заставляло других платить, верно? — спросил Джэпп.

— Точно, — ответил Фурнье. — Это было важно для создания, как вы говорите, морального эффекта.

— Я бы назвал это аморальным эффектом, — сказал Джэпп. — Однако, — он в задумчивости потер нос, — это дает нам неплохую возможность обнаружить мотивы убийства, очень хорошую возможность. И, кроме того, остается еще вопрос: кто наследует ее деньги? — Он обратился к Тибо: — Вы сможете помочь нам в этом вопросе?

— У нее есть дочь, — ответил юрист. — Она не жила с матерью. Более того, по-моему, мать не видела ее с самого раннего детства. Но мадам Жизель много лет назад составила завещание, отписав все деньги дочери, за исключением небольшого наследства своей служанке. Короче говоря, она все завещала Анне Моризо. Насколько мне известно, завещание она не изменяла.

— А наследство-то большое? — спросил Пуаро.

Юрист пожал плечами:

— Примерно восемь или девять миллионов франков.

Пуаро присвистнул. Джэпп сказал:

— Боже мой, а с виду и не подумаешь! Дайте-ка прикинуть, какой у нас сейчас курс... это значит... ого, это будет больше ста тысяч фунтов! Вот это да!

— Мадемуазель Анна Моризо будет очень богатой молодой женщиной, — сказал Пуаро.

— В этом нет никаких сомнений, как и в том, что ее не было в этом самолете, — сухо сказал Джэпп. — Вот ее-то можно было бы заподозрить в том, что она кокнула свою мамочку, чтобы заграбастать денежки. Сколько ей должно быть лет?

— Точно не могу сказать. Я думаю, двадцать четыре или двадцать пять.

— По-моему, у нас нет ничего, что указывало бы на ее причастность к преступлению. Мы должны всерьез заняться этим самым бизнесом мадам Моризо, связанным с шантажом. Все, кто летел в самолете, отрицали знакомство с мадам Жизелью. Один из них лгал. И нам нужно установить, кто именно. Нужно изучить ее личные бумаги — там должна быть зацепка.

— Дорогой друг, — сказал француз. — Немедленно, сразу после того, как все стало известно, я, поговорив со Скотленд-Ярдом по телефону, тут же отправился к ней домой. Там в самом деле есть сейф, в котором обычно лежали личные бумаги мадам, но все эти бумаги были сожжены.

— Сожжены? Кем? Почему?

— У мадам Жизели была верная служанка, Элиза, пользовавшаяся ее особым доверием. И этой Элизе были даны инструкции, что в случае смерти хозяйки она должна открыть сейф — шифр ей был известен — и сжечь содержимое.

— Что? Но это просто потрясающе! — изумленно воскликнул Джэпп.

— Понимаете, — сказал Фурнье, — у мадам Жизели был свой кодекс чести. Она была абсолютно честна с теми, кто был честен с ней. Она обещала своим клиентам, что те могут полагаться на нее. Она могла быть безжалостной, но, тем не менее, слово свое она всегда держала.

Джэпп ошеломленно покачал головой. Четверо мужчин молчали, думая о странном характере убитой женщины. Мэтр Тибо поднялся:

— Я должен оставить вас, господа. У меня важная деловая встреча. Если вам потребуется от меня какая-нибудь дополнительная информация, у вас есть мой адрес. В любое время я к вашим услугам.

Он церемонно пожал всем руки и вышел из комнаты.

Глава VII

ВЕРСИИ

После ухода мэтра Тибо трое мужчин придвинулись ближе к столу.

— Ну а теперь, — сказал Джэпп, — давайте-ка займемся этим делом как следует. — Он отвинтил колпачок авторучки. — В самолете было одиннадцать пассажиров и два стюарда. Итого у нас тринадцать человек. *Один из оставшихся двенадцати и убил старуху.* Одни пассажиры — англичане, другие — французы. Французов я отдам мсье Фурнье. Англичанами займусь сам. Кроме того, нужно навести кое-какие справки в Париже — это будет ваша работа, Фурнье.

— И не только в Париже, — ответил Фурнье. — Летом Жизель вовсю занималась бизнесом на французских курортах — Довиль, Ле-Пинэ, Вимро, и на юге она бывала — в Антибе и Ницце, ну и вообще во всех тех местах.

— Это важно — тут есть за что уцепиться. Кто-то из пассажиров «Прометея» упоминал Ле-Пинэ, я помню. Это одно направление, кроме того, нам нужно заняться непосредственно убийством — проверить, кто мог со своего места выстрелить из духовой трубки. — Он раскатал большой план салона и положил его в центре стола. — Ну, теперь мы готовы к предварительной работе. Давайте начнем с того, что переберем всех, одного за другим, и решим, у кого могли быть мотивы и, что еще более важно, возможности для совершения убийства.

— Для начала мы можем исключить из списка мсье Пуаро. Теперь останется одиннадцать.

Пуаро печально покачал головой:

— Вы слишком доверчивы, мой друг. Нельзя верить никому, абсолютно никому.

— Ну ладно, оставим вас, если вам так хочется, — добродушно согласился Джэпп. — Теперь стюарды. Мне кажется, что вряд ли это мог быть кто-нибудь из них — с точки зрения мотива. Вряд ли они занимали деньги в больших количествах, оба они на хорошем счету — приличные, здравомыслящие, спокойные. Я был бы ужасно удивлен,

если бы кто-нибудь из них оказался связанным с чем-нибудь подобным. С другой стороны, с точки зрения практической возможности мы обязаны включить их в число подозреваемых. Они ходили взад-вперед по салону, они могли найти такое положение, чтобы выстрелить из духовой трубки, — под нужным углом и с нужного расстояния, я имею в виду. Хотя я лично не верю, что стюард мог выстрелить из трубки отравленной стрелой в салоне, полном людей, и никто бы этого не заметил. Я, конечно, давно убедился на собственном опыте, что большинство людей слепы, как летучие мыши, но есть же какие-то пределы. Впрочем, это относится к любому подозреваемому. Безумие, абсолютнейшее безумие — совершать преступление именно таким образом. Был всего один шанс из ста, что все это сойдет с рук и вас не схватят тут же. Парню, который сделал это, должно быть, чертовски повезло. Более идиотского способа убийства нельзя придумать...

Пуаро, сидевший до этого опустив глаза и молча куривший, вставил вопрос:

— Вы считаете, что это был нелепый способ убийства?

— Ну конечно. Совершенно идиотский. Нужно быть совершенно сумасшедшим!

— И тем не менее — он *удался*. Мы сидим здесь, все трое, рассуждаем об этом, но даже и понятия не имеем, кто *совершил преступление*. Это ли не успех!

— Это просто невероятная удача, — возразил Джэпп. — Убийцу должны были заметить пять или шесть раз.

Пуаро с сомнением покачал головой. Фурнье бросил на него любопытный взгляд:

— Интересно, какие идеи пришли вам в голову, мсье Пуаро?

— *Mon ami*, — сказал Пуаро, — моя точка зрения такова: любую затею следует судить по результату, а эта затея вполне удалась. Вот моя точка зрения.

— Тем не менее, — проговорил француз задумчиво, — история представляется совершенно невероятной.

— Вероятной или невероятной, но все именно так, — сказал Джэпп. — У нас есть медицинское заключение, у нас есть оружие, и если кто-нибудь сказал бы мне неделю назад, что я буду расследовать дело, в котором женщину убили шипом, смазанным змеиным ядом, я

бы рассмеялся ему в лицо. Это просто дерзкий вызов — вот что такое это убийство. Оскорбление.

Он тяжело дышал. Пуаро улыбнулся.

— Возможно, это убийство совершил человек с извращенным чувством юмора, — задумчиво сказал Фурнье. — Самое важное при раскрытии преступления — понять психологию убийцы.

Джэпп презрительно фыркнул при слове «психология». Умных фраз он не любил, а в психологию вообще не верил.

— Все это ерунда, как раз та самая болтовня, которую любит слушать мсье Пуаро, — сказал он.

— Да, я с большим интересом слушаю вас обоих.

— Но вы ведь не сомневаетесь в том, что она была убита именно таким образом, я надеюсь? — спросил его Джэпп с подозрением. — Знаю я ваш пытливый ум.

— Нет, нет, мой друг, как раз этот вопрос мой ум не занимает. Отравленный шип, подобранный мной, был причиной смерти — это совершенно ясно. Но тем не менее есть кое-какие сомнения...

Он замолчал, словно бы в растерянности покачивая головой.

Джэпп продолжал:

— Вернемся к нашим баранам — окончательно вычеркнуть стюардов мы не можем, хотя я лично считаю маловероятным, чтобы кто-то из них имел к убийству какое бы то ни было отношение. Вы согласны, мсье Пуаро?

— О, вы ведь помните, что я сказал. Я — лично я — не буду никого вычеркивать — ну и терминология, Mon Dieu! — никого, на этой стадии по крайней мере.

— Как вам будет угодно. Теперь пассажиры. Давайте начнем с конца — от буфетной и туалета. Место номер шестнадцать. — Он ткнул карандашом в план. — Место этой парикмахерской девицы, Джейн Грей. Выиграла по билету ирландской лотереи — промотала денежки в Ле-Пинэ. Это значит, что девчонка азартна, — ей могли до зарезу понадобиться деньги, и она могла занять их у старухи. Не похоже, однако, чтобы она могла занять большую сумму, да и вряд ли Жизель смогла бы собрать против нее какой-нибудь компрометирующий материал. Нам нужно искать рыбку покрупнее. И к тому же я не думаю, что у ассистентки парикмахера есть

возможность достать где-нибудь змеиный яд. Его не используют ни для укладки волос, ни для массажа лица.

— Все-таки это было ошибкой — использовать яд змеи: это очень сужает круг подозреваемых. На сто человек наберется не больше двух, знающих хоть что-нибудь о нем и тем более имеющих к нему доступ.

— Кое-что, по крайней мере, это проясняет, — сказал Пуаро.

Фурнье бросил на него быстрый вопросительный взгляд.

Джэпп был занят своими мыслями.

— Я смотрю на это так, — сказал он. — Убийца должен попасть в одну из двух категорий. Или он бывал во всяких диких местах, то есть ему известно кое-что о змеях, в том числе наиболее ядовитых, и о том, что аборигены используют этот яд против своих врагов. Это категория номер один.

— А другая?

— Научные исследования. Яд бумсланга — как раз из тех штучек, с которыми они сейчас экспериментируют в самых первоклассных лабораториях. Я разговаривал с Винтерспуном. Змеиный яд, точнее, яд кобры иногда используется в медицине. Его применяют при лечении эпилепсии, и довольно успешно. Укус змеи исследуют с научными целями — и кое-чего добились.

— Это весьма интересно и заставляет призадуматься, — сказал Фурнье.

— Да, но давайте не будем отвлекаться. Ни к одной из этих категорий нельзя отнести девушку по имени Джейн Грей. Итак, сейчас нам известно следующее: мотивы у нее малоправдоподобны, шансы достать яд — мизерны, реальная возможность выстрелить из трубки — сомнительна, более того, практически такой возможности у нее не было. Смотрите сюда.

Все трое склонились над планом.

— Это шестнадцатое место, — показал Джэпп, — а вот второе, на котором сидела Жизель. Посмотрите, сколько кресел между ними. Если девушка не вставала со своего места — а все говорят, что она не вставала, — то она никак не смогла бы выстрелить в Жизель и тем более попасть в шею сбоку. По-моему, мы должны вычеркнуть ее из списка.

Теперь двенадцатое — напротив. Там сидел дантист, Норман Гейл. Все только что сказанное можно отнести и к нему. Мелкая сошка. Я

полагаю, и у него было ненамного больше шансов достать яд змеи.

— Да, подобные инъекции дантисты не делают, — негромко пробормотал Пуаро. — Этот яд все-таки чаще применяют для убийства, чем для лечения.

— У дантиста и без того хватает веселья с пациентами, — ухмыльнулся Джэпп. — Однако я полагаю, что он мог вращаться среди людей, имеющих отношение к сильнодействующим средствам. Может быть, у него даже есть какой-нибудь приятель, занимающийся наукой. А вот что касается *возможности*, то он, без всяких сомнений, отпадает. Он *действительно* вставал со своего места, только он ходил в туалет, а это в противоположном направлении. И на обратном пути он никак не мог пройти дальше по проходу, а для того чтобы, выстрелив из духовой трубки, изловчиться попасть старухе в шею, он должен был бы обладать необыкновенной стрелой, умеющей выполнять всякие трюки — например, поворачивать под прямым углом. То есть его мы должны исключить.

— Согласен, — сказал Фурнье. — Давайте дальше.

— Теперь место через проход — семнадцатое.

— Первоначально это было мое место, — сказал Пуаро. — Я уступил его одной из леди, поскольку она хотела сесть рядом, со своей подругой.

— А, это была достопочтенная Венеция. Ну а как насчет нее? Вот она — крупная шишка. Она могла занимать у Жизели. Правда, не похоже, чтобы у нее были какие-нибудь тайные грешки. Может быть, конечно, она просто умеет ловко замечать следы, или как там это у них называется. Нам нужно обратить на нее самое пристальное внимание. Сидела она весьма удачно. Если бы Жизель слегка повернула голову, глядя в иллюминатор, то достопочтенная Венеция могла метко выстрелить (или как вы это называете — выдуть?) как раз наискосок через салон. Конечно, попасть она могла только по чистой случайности, и при этом, мне кажется, ей пришлось бы привстать.

А вообще-то она из тех дам, что по осени выезжают с ружьями. Правда, я не уверен, может ли навык в обращении с ружьем помочь при стрельбе из духовой трубки аборигенов? По-моему, меткость глаза здесь тоже имеет большое значение, меткость глаза и практика, и вполне возможно, у нее есть друзья — мужчины, которые выезжают на большую охоту в разные дикие места. Она могла через них достать

настоящий яд. Однако мне кажется, все это вздор. Тут нет ни крупицы смысла.

— Да, действительно, все это мало похоже на правду, — сказал Фурнье. — Мадемуазель Керр — я видел ее сегодня во время коронерского следствия, — он покачал головой. — Никому даже и в голову не придет, что она может быть замешана в убийстве.

— Место номер тринадцать, — продолжал Джэпп. — Леди Хорбери. Вон *она* как раз довольно темная лошадка. Мне кое-что известно про нее, я вам потом расскажу. И я отнюдь не буду удивлен, если у нее есть какие-нибудь преступные тайны.

— Мне удалось узнать, — сказал Фурнье, — что обсуждаемая леди очень сильно проигралась в баккара в Ле-Пинэ.

— Весьма оперативно с вашей стороны. Да, она такая пташка — как раз из тех, что путаются с Жизелью.

— Совершенно с вами согласен.

— М-да. Дальше — больше. *Но как она это могла сделать?* Как вы помните, она ведь тоже не поднималась со своего места. Для того чтобы выстрелить, ей пришлось бы встать на колени на своем сиденье и перегнуться через спинку кресла, а в это время на нее смотрели бы десять человек. Да-а... Ладно, давайте дальше, черт возьми!

— Номер девять и номер десять, — проговорил Фурнье, ткнув пальцем в план.

— Мсье Эркюль Пуаро и доктор Брайант, — сказал Джэпп. — Что может мсье Пуаро сообщить о себе самом?

Пуаро досадливо поморщился.

— *Mon estomac*, — с чувством произнес он. — Увы, к сожалению, и разум может иногда оказаться рабом желудка.

— Я тоже, — с сочувствием промолвил Фурнье, — отвратительно чувствую себя в воздухе.

Он прикрыл глаза и выразительно кивнул.

— Теперь доктор Брайант. Что мы знаем о докторе Брайанте? Он большая шишка на Харли-стрит и вряд ли пошел бы к французенке занимать деньги, но кто его знает? Во всяком случае, если у доктора были какие-то темные делишки, то лучшего подозреваемого нам и не найти. Тут как раз на первый план выдвигается моя научная версия. Такой человек, как Брайант, сидящий на самой верхушке дерева, запросто вхож в научные круги, он свой человек для ученых-медиков.

Для него стащить где-нибудь пробирку с ядом так же просто, как мне моргнуть, — она могла оказаться у него под рукой в какой-нибудь шикарной лаборатории.

— Такие вещи строго контролируются, — возразил Пуаро. — Это вам не лютик на лугу ощипать.

— Даже если и контролируются, умному человеку ничего не стоит подложить взамен что-нибудь совершенно безобидное. И это тем легче сделать, что такой человек, как Брайант, выше всяких подозрений.

— Вы рассуждаете разумно, — согласился Фурнье.

— Единственное, что в таком случае кажется непонятным, — почему он обратил всеобщее внимание на подозрительные обстоятельства этого дела? Он вполне мог сказать, что женщина скончалась от сердечного приступа — умерла естественной смертью.

Пуаро кашлянул. Оба его собеседника вопросительно посмотрели на него.

— Я полагаю, — сказал он, — что именно таким и было первое, если можно так выразиться, впечатление доктора. Ведь действительно все говорило за то, что смерть была естественной, — например, от укуса осы. А там и в самом деле была оса — вспомните...

— Где уж тут забудешь эту осу, — вставил Джэпп, — если вы ее постоянно суете нам под нос.

— Как бы то ни было, — продолжал Пуаро, — именно мне удалось заметить на полу этот смертоносный шип и подобрать его. Только после того, как он был обнаружен, стало ясно, что мы имеем дело с убийством.

— Так или иначе, шип все равно потом нашли бы.

Пуаро покачал головой:

— У преступника был шанс незаметно поднять его.

— У Брайанта?

— У Брайанта или у кого-то другого.

— Хм, довольно рискованно.

Фурнье не согласился с Джэппом:

— Вам так кажется сейчас, потому что вы знаете, что это было убийство. А когда леди внезапно умирает от сердечного приступа и кто-то наклоняется за своим носовым платком, упавшим на пол, —

вряд ли вы обратите на это внимание, даже не сможете потом об этом вспомнить.

— Это верно, — согласился Джэпп. — Я думаю, Брайанта нужно оставить в списке подозреваемых. Он мог высунуться из-за сиденья и выстрелить из трубки — как раз наискосок через салон. Но почему же никто этого не заметил?! Однако сейчас не стоит ломать над этим голову. Кто бы ни был убийцей, *никто ничего не заметил*.

— Ну, какая-то причина все-таки должна быть, — сказал Фурнье, — и причина эта, судя по всему, — он улыбнулся, — придется по душе мсье Пуаро. Я имею в виду психологическую причину.

— Продолжайте, — откликнулся Пуаро, — ваше замечание весьма интересно.

— Предположим, — продолжал Фурнье, — что поезд, в котором вы сидите, проезжает мимо горящего дома. Естественно, что все пассажиры будут не отрываясь смотреть в окно. Внимание у всех будет сконцентрировано в определенной точке. В такой ситуации любой может достать кинжал и ударить им соседа — и никто ничего не заметит.

— Совершенно справедливо, — согласился Пуаро. — Я припоминаю случай, с которым мне довелось однажды столкнуться, — отравление. Там был именно, как вы изволили выразиться, психологический момент. Если мы обнаружим, что такой момент во время полета «Прометея» был, то...

— Мы можем это установить, допрашивая стюардов и пассажиров, — сказал Джэпп.

— Верно, и если выяснится, что такой психологический момент был, то из этого можно сделать логический вывод, что он подстроен убийцей. Преступник должен был предпринять какие-то действия, которые и вызвали этот психологический эффект.

— Абсолютно точно, — согласился француз.

— Да, нужно записать это — как одно из направлений будущих допросов, — сказал Джэпп. — Переходим теперь к месту номер восемь — Даниэл Майкл Кланси.

Джэпп произнес это имя с видимым удовольствием.

— Как мне кажется, он-то как раз больше всех подходит для роли подозреваемого. Ведь ни у кого не вызовет удивления, если автор детективов попросит проконсультировать его по поводу змеиного яда.

Он запросто мог стащить его у какого-нибудь ничего не подозревающего ученого-химика. Кроме того, не забывайте — он единственный из пассажиров, кто проходил мимо места Жизели.

— Уверяю вас, мой друг, я помню об этом.

Пуаро проговорил это с преувеличенно серьезным видом.

Джэпп продолжал:

— Он мог выстрелить из духовой трубки с очень маленького расстояния, и у него поэтому не было никакой необходимости в этом вашем «психологическом моменте», как вы его называете. А был вполне реальный шанс выйти сухим из воды. Вспомните, он прекрасный знаток духовых трубок — он сам в этом признался.

— Что как раз свидетельствует в его пользу.

— Это все уловки, — не согласился Джэпп. — Что касается духовой трубки, которую он всем сегодня показал, то кто может поручиться, что это та самая, купленная им два года назад? По-моему, все чрезвычайно подозрительно. Я не думаю, что можно считать нормальным человека, который все время размышляет о каких-то преступлениях, выдумывает детективные истории и читает постоянно подобную чепуху. Вот всякие мысли и лезут в голову.

— Да, писателю необходимо иметь в голове хоть какие-то мысли, — согласился Пуаро.

Джэпп вернулся к плану самолета.

— На месте номер четыре сидел Райдер. Как раз перед убитой. Но я не думаю, что он мог это сделать. Но и вычеркнуть просто так мы его не можем: он ходил в туалет. Он мог выстрелить на обратном пути — с довольно близкого расстояния. Правда, он оказался бы как раз перед теми парнями — археологами. Они бы наверняка заметили, иначе просто быть не может.

Пуаро с сомнением покачал головой:

— Вы, наверное, незнакомы с археологами. Если эти двое спорили о чем-нибудь, связанном с их профессией, то они могли так углубиться в дискуссию, что стали глухи и слепы — и внешний мир для них исчез. Они находились в пятом тысячелетии до рождения Христа или около того, а тридцать пятый год нашего столетия для них просто не существовал.

Джэпп ухмыльнулся — он, похоже, отнесся к этому утверждению скептически.

— Ну ладно, займемся теперь ими. Что вы нам можете рассказать о Дюпонах, Фурнье?

— Мсье Арман Дюпон — один из самых известных археологов Франции.

— Это дает нам немного. С моей точки зрения, их места в самолете были исключительно удобны — немного впереди через проход от Жизели. И я думаю, они немало поездили по свету и искали свои древности в самых неожиданных местах. Они вполне могли раздобыть где-нибудь настоящий змеиный яд.

— Да, вполне возможно, — кивнул Фурнье.

— Однако вы, похоже, считаете это не слишком правдоподобным? Фурнье с сомнением покачал головой:

— Мсье Дюпон живет ради своего дела. Он энтузиаст. Он занимался некогда торговлей антиквариатом, но бросил свой весьма процветавший бизнес, чтобы посвятить себя раскопкам. Они оба — он и его сын — всей душой преданы своей профессии. И мне кажется крайне маловероятным — не скажу невозможным, потому что после расследования дела Стависки я могу поверить чему угодно, — крайне маловероятным, что они замешаны в этом деле.

— Ясно, — сказал Джэпп.

Он взял листок, на котором делал пометки, и откашлялся.

— Итак, что мы в результате имеем. *Джейн Грей*. Мотивы — сомнительны; возможность — практически отсутствует. *Гейл*. Мотивы — сомнительны; возможность — тоже практически отсутствует. *Мисс Керр*. Почти невероятно; возможность — весьма проблематична. *Леди Хорбери*. Мотивы — вполне реальны; возможность практически отсутствует. *Мсье Пуаро*. Почти наверняка преступник; единственный человек на борту, который мог создать психологический момент.

Джэпп громко засмеялся собственной шутке. Пуаро улыбнулся одобрительно. Фурнье — несколько неуверенно. После этого детектив закончил подведение итогов:

— *Брайант*. И мотивы и возможность — вполне реальны. *Кланси*. Мотивы сомнительны, возможность очень хорошая. *Райдер*. Мотивы, вероятно, могли быть. Возможность довольно неплохая. *Два Дюпона*. С точки зрения мотивов вероятность слабая, зато велика вероятность, что они могли достать яд. Возможность — хорошая.

— Ну что же, весьма обстоятельное резюме — при том, что сведения у нас крайне скудные. Теперь нам всем предстоит заняться рутинной работой. Для начала я возьмусь за Кланси и Брайанта. Выясню, не было ли у них денежных затруднений в прошлом. Не было ли крупных неприятностей. Все их передвижения за прошлый год и тому подобное. Точно так же проверю и Райдера. Остальных, впрочем, тоже не следует оставлять без внимания. Я поручу Вильсону все о них разнюхать. Фурнье займется Дюпонами.

Инспектор из Сюртэ кивнул:

— Не сомневайтесь, все будет в порядке. Сегодня вечером я вернусь в Париж. Нужно будет расспросить получше Элизу, служанку Жизели, — может быть, удастся от нее чего-нибудь добиться. Мы все-таки слишком мало знаем пока об этом деле. Кроме того, я проверю самым тщательным образом все передвижения Жизели. Неплохо бы узнать, где она была этим летом. Насколько мне известно, пару раз она ездила в Ле-Пинэ. Мы должны также получить информацию о ее контактах с англичанами. Да, тут есть чем заняться.

Они оба посмотрели на погруженного в раздумья Пуаро.

— Вы собираетесь принять в этом участие, мсье Пуаро? — спросил Джэпп.

Пуаро очнулся:

— Да, я поеду вместе с Фурнье в Париж.

— Enchante^[13], — сказал француз.

— Что-то вы, по-моему, темните, — сказал Джэпп, с любопытством взглянув на Пуаро. — Вы все время помалкиваете, похоже, обдумываете свои идейки?

— Да, есть у меня парочка идей, одна-две, не больше. Но все очень сложно.

— Ну-ка, ну-ка, послушаем.

— Меня вот что беспокоит, — медленно проговорил Пуаро. — Место, где была найдена духовая трубка.

— Ну естественно, ведь вас из-за этого чуть не посадили.

Пуаро покачал головой:

— Я имею в виду другое. Меня беспокоит не то, что ее засунули именно под мое сиденье. Меня беспокоит то, что ее вообще засунули под сиденье.

— А что в этом удивительного? — возразил Джэпп. — Убийца должен был спрятать ее куда-нибудь. Не мог же он оставить ее у себя, рискуя, что ее найдут.

— Evidemment^[14]. Но вы могли заметить, мой друг, при осмотре самолета, что, хотя иллюминаторы не открываются, в каждом из них есть вентилятор — несколько небольших круглых отверстий с задвижкой из стекла. Диаметр этих отверстий достаточно велик, чтобы в них прошла духовая трубка. Что может быть проще, чем избавиться от трубки подобным образом, — она упадет на землю, и вряд ли ее вообще когда-нибудь найдут.

— Я могу возразить вам: убийца опасался, что его заметят. Если бы он стал проталкивать духовую трубку в вентилятор, кто-нибудь увидел бы это.

— Понятно, — сказал Пуаро. — Убийца не боялся, что его увидят, когда он приложил духовую трубку к губам и выпустил смертоносную стрелу, но *испугался*, что его увидят, когда он будет выталкивать трубку в иллюминатор.

— Действительно, это звучит абсурдно, — сказал Джэпп, — но, тем не менее, это именно так. Он *действительно* спрятал трубку под чехлом сиденья, и никуда от этого не денешься.

Пуаро не ответил ему. Фурнье спросил с любопытством

— У вас появилась какая-то идея?

— Да так, шевельнулась одна мыслишка.

Он рассеянно поправил оказавшуюся ненужной им чернильницу, которую нетерпеливая рука Джэппа поставила неровно.

Затем, резко подняв голову, спросил:

— А прогос^[15], у вас есть список вещей пассажиров, который я просил для меня сделать?

Глава VIII

СПИСОК

— Ну, я же человек слова, — сказал Джэпп.

Он усмехнулся и, порывшись в кармане, вытащил пачку плотно исписанных на машинке листков.

— Вот, пожалуйста. Здесь все, вплоть до самой последней мелочи. Да, действительно, есть здесь кое-что не совсем обычное — я скажу вам, что именно, когда вы прочитаете весь список.

Пуаро разложил на столе листки и принялся читать. Фурнье придвинулся и тоже стал читать, заглядывая ему через плечо.

Джеймс Райдер.

Карманы. Хлопчатобумажный платок с вышитыми инициалами. В бумажнике из свиной кожи семь банкнот по одному фунту и три визитные карточки. Письмо от его делового партнера Джорджа Эbermanна, в котором выражается надежда, что «переговоры по поводу задолженности увенчались успехом, иначе мы пропали». Письмо, подписанное «Моди», в котором назначается свидание на Трокадеро вечером следующего дня (дешевая бумага, написано с грамматическими ошибками). Серебряный портсигар. Упаковка спичек^[16]. Авторучка. Связка ключей. Ключ от автоматического «американского» замка. Мелкие монеты — французские и английские.

Атташе-кейс. Много деловых бумаг, касающихся операций с цементом. Номер журнала «Бутлес кап», запрещенного для ввоза в Англию. Упаковка таблеток от простуды «Иммедийт колд кьюерз».

Доктор Брайант.

Карманы. Два носовых платка. Бумажник с двадцатью фунтами и пятьюстами франками. Мелочь — английская и

французская. Деловой блокнот. Портсигар. Зажигалка. Авторучка. Связка ключей. Ключ от «американского» замка.

Флейта в футляре.

Кроме того, с собой «Мемуары» Бенвенуто Челлини и «Болезни уха» на французском языке.

Норман Гейл.

Карманы. Шелковый носовой платок. В бумажнике банкнота достоинством в один фунт и шестьсот франков. Мелочь. Визитные карточки представителей двух французских фирм — изготовителей стоматологических инструментов. Спичечный коробок «Брайан энд Мэй» — пустой. Серебряная зажигалка. Курительная трубка из корня вереска. Прорезиненный кисет для табака. Ключ от «американского» замка.

Атташе-кейс. Белый халат. Два маленьких стоматологических зеркала. Пачка стоматологических тампонов из ваты. Журналы: «Ви паризьен», «Стрэнд мэгэзин», «Ауто-кар».

Арман Дюпон.

Карманы. В бумажнике тысяча франков и десять английских фунтов. Очки в футляре. Мелкие французские деньги. Носовой платок. Пачка сигарет. Упаковка картонных спичек. Колода карт в футляре. Зубочистка.

Атташе-кейс. Текст его будущей речи в Королевском азиатском обществе. Две статьи по археологии на немецком языке. Два листка с карандашными набросками. Полая глиняная трубка с орнаментом — по его словам, чубук от курдского кальяна. Маленький плетеный поднос. Девять фотографий без рамок, на всех — керамика.

Жан Дюпон.

Карманы. В бумажнике пять английских фунтов и триста франков. Портсигар. Мундштук из слоновой кости. Зажигалка. Авторучка. Два карандаша. Маленькая записная книжка, вся исписанная неразборчивым почерком. Письмо

на английском языке с приглашением на ленч в ресторане на Тоттенхем-Корт-роуд. Французские мелкие монеты.

Даниэл Кланси.

Карманы. Испачканный чернилами носовой платок. Авторучка (протекающая). В бумажнике четыре фунта и сто франков. Три газетные вырезки с сообщениями о недавних преступлениях. Одна — об отравлении мышьяком, две — о кражах. Два письма от агента по продаже недвижимости с рекламой загородных поместий. Деловой блокнот. Четыре карандаша. Перочинный нож. Три оплаченных счета и четыре неоплаченных. Письмо от некоего Гордона с борта теплохода «Минотавр». Наполовину решенный кроссворд, вырезанный из «Таймс». Записная книжка с набросками сюжетов. Мелкие итальянские, французские, швейцарские и английские деньги. Оплаченный счет гостиницы в Неаполе. Большая связка ключей.

В карманах пальто. Листки рукописи «Убийство на Везувии», справочник европейских железных дорог «Брэдшоу». Мячик для гольфа. Пара носков. Зубная щетка. Оплаченный счет гостиницы в Париже.

Мисс Керр.

Сумочка. Губная помада. Два мундштука (один из слоновой кости и один из нефрита). Плоская пудреница. Портсигар. Упаковка картонных спичек. Носовой платок. Два фунта стерлингов. Мелочь. Половинка заемного письма. Ключи.

Дорожный несессер, отделанный шагреновой кожей. Флакончики, щетки, расчески и т. д. Маникюрный набор. В футляре для умывальных принадлежностей — зубная щетка, губка, зубной порошок, мыло. Две пары ножниц, пять писем от родственников и друзей из Англии. Два романа Таушница. Фотографии двух спаниелей.

В руках у нее были журналы «Вог» и «Гуд хаускипинг».

Мисс Грей.

В сумочке. Румяна. Пудреница. Стержневой ключ и ключ от «американского» замка. Карандаш. Портсигар. Мундштук. Упаковка спичек. Два носовых платка. Оплаченный счет гостиницы в Ле-Пинэ. Французский разговорник. Бумажник. Сто франков и десять шиллингов. Английская и французская мелочь. Один жетон из казино достоинством в пять франков.

Карманы плаща. Шесть открыток с видами Парижа. Два носовых платка и шелковый шарфик. Письмо, подписанное «Глэдис». Пачка аспирина.

Леди Хорбери.

В сумочке. Два тюбика губной помады. Пудреница. Носовой платок. Три тысячефранковые банкноты, шесть фунтов стерлингов. Французские мелкие монеты. Кольцо с бриллиантом. Пять французских почтовых марок. Два мундштука. Зажигалка в футляре.

Дорожный несессер. Полный косметический набор. Маникюрный набор тонкой работы (золотой). Маленький пузырек с надписью: «Борный порошок».

Когда Пуаро дочитал, Джэпп ткнул пальцем в последнюю фразу:

— Тут наш человек оказался на высоте. Он решил, что это слишком уж выделяется из всего остального. Ну с какой, собственно, стати борный порошок! Ну и оказалось, что белая пудра в пузырьке — кокаин.

Пуаро, широко открыв глаза, медленно кивнул.

— Ну, положим, к нашему делу это, скорее всего, никакого отношения не имеет, — сказал Джэпп. — Но все-таки не мне вам говорить, что у женщины, которая нюхает кокаин, едва ли так уж крепки моральные устои. И мне кажется, что эта почтенная леди ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего, — что бы там ни говорили о женской беспомощности. Хотя я сомневаюсь, что у нее хватило бы духа пойти на такое, — нервы бы не выдержали. Да и возможности у нее, по-моему; не было. В общем, все это представляется мне головоломкой.

Пуаро собрал машинописные листочки и еще раз бегло их просмотрел. Потом отложил в сторону со вздохом.

— Да, — сказал он. — Все, что здесь написано, определенно указывает на человека, совершившего преступление, хотя я до сих пор не понимаю, почему и даже как он это сделал.

Джэпп уставился на него:

— Уж не хотите ли сказать, что, прочитав всю эту ерунду, вы поняли, кто убийца?

— Мне кажется, да.

Джэпп выхватил у него листки и стал пожирать их глазами, передавая каждый прочитанный листок Фурнье. Не дочитав до конца, он швырнул их на стол и с возмущением посмотрел на Пуаро:

— За дурака меня считаете, мсье Пуаро?

— Нет, нет. *Quelle idee*^[17]!

Француз тоже положил листки на стол.

— А вы что скажете, Фурнье?

Француз покачал головой.

— Я, должно быть, тупица, — сказал он, — но, на мой взгляд, составив этот список, мы не приблизились к разгадке.

— Нет, список сам по себе может ничего и не дать, — сказал Пуаро, — но вот если его рассматривать в связи с некоторыми особенностями этого дела... почему бы и нет? Впрочем, может быть, я заблуждаюсь, просто невероятно заблуждаюсь.

— Ну, выкладывайте вашу теорию, — пробурчал Джэпп. — В любом случае мне будет интересно ее выслушать.

Пуаро покачал головой:

— Нет, это, как вы изволили выразиться, всего лишь теория, только теория — и ничего больше. Я искал в этом списке одну вещь. *Eh bien*, я нашел ее. Она есть здесь, но похоже, указывает нам ложный след. Она найдена не у того человека. Это значит, что предстоит еще очень много работы. Честно говоря, во всем этом есть много такого, что меня крайне озадачивает. У меня нет пока ясного представления, цельной картины, передо мной лишь множество отдельных фактов, образующих довольно интересный узор. Вам так не кажется? Нет, нет, я вижу, что не кажется. Ну, тогда пусть каждый из нас работает в соответствии со своим собственным методом. Я еще раз подчеркиваю: у меня нет уверенности, всего лишь некоторые подозрения...

— По-моему, вы что-то темните, — сказал Джэпп, вставая. — Ну да ладно, пусть будет по-вашему. Я работаю в Лондоне, вы, Фурнье, возвращаетесь в Париж, а вы, мсье Пуаро?

— Я по-прежнему хочу поехать с мсье Фурнье в Париж, и даже больше, чем раньше.

— Больше, чем раньше?.. Хотелось бы мне знать, что за блажь взбрела вам в голову?

— Блажь? *Ce nest pas joli, sa*^[18]!

Фурнье церемонно пожал им руки:

— Желаю вам всем доброго вечера, благодарю от всей души за ваше восхитительное гостеприимство. А с вами, я надеюсь, мы встретимся завтра утром в Кройдоне?

— Разумеется. *A demain*^[19].

— Будем надеяться, — сказал Фурнье, — что никто не убьет нас *en route*^[20].

Оба детектива ушли.

Пуаро замер, погрузившись на какое-то время в глубокую задумчивость. Затем он энергично поднялся, уничтожил все следы беспорядка, вытряхнул пепельницы, подровнял стулья.

Подойдя к столу, он взял в руки номер журнала «Скетч» и стал листать его, пока не нашел то, что ему было нужно.

«Два солнцепоклонника», — бросался в глаза заголовок. «Графиня Хорбери и мистер Раймонд Барраклу в Ле-Пинэ». Он взглянул на фотографию — двое стояли, взявшись за руки и подставив солнцу свои смеющиеся лица.

— Да-а, — проговорил задумчиво Пуаро, — это может навести на определенные размышления... Да, вполне может.

Глава IX

ЭЛИЗА ГРАНДЬЕ

Погода на следующий день была просто великолепной, и даже Эркюлю Пуаро пришлось признать, что его желудок прекрасно переносит полет.

На этот раз они летели в Париж рейсом 8.45.

Кроме Пуаро и Фурнье в салоне было семь или восемь пассажиров, и француз решил воспользоваться удачной возможностью и немного поэкспериментировать. Он достал из кармана небольшую бамбуковую палочку и трижды за время полета подносил ее к губам, целясь в различных направлениях. Один раз он сделал это высунувшись из-за сиденья, в другой раз — слегка повернув голову в сторону, еще раз — возвращаясь из туалета, и каждый раз он ловил на себе изумленный взгляд кого-нибудь из пассажиров. Через некоторое время весь салон не сводил с него глаз. Фурнье уселся на свое место обескураженный, однако его несколько приободрило то, что Пуаро улыбался с нескрываемым удовольствием.

— Вас, кажется, все это забавляет, друг мой? Вы ведь не станете спорить с тем, что мы должны были произвести проверку?

— Evidemment^[21]! По правде говоря, я восхищен вашей методичностью. Нет ничего лучше наглядной демонстрации. Вы превосходно сыграли роль убийцы, стрелявшего из духовой трубки. Результат совершенно очевиден — все видели вас!

— Не *все*.

— Вы, конечно, правы. В каждом случае был *кто-то*, кто *не видел* вас, но этого недостаточно, чтобы планы убийцы увенчались успехом. Нужно быть абсолютно уверенным, что *никто* вас не увидит.

— В обычных условиях это невозможно, — согласился Фурнье. — Но, согласно моей теории, должны были существовать как раз *необычные* условия, то есть психологический момент! Наверняка *был* такой психологический момент, когда можно было с математической точностью вычислить, что всеобщее внимание будет чем-то отвлечено.

— Наш друг инспектор Джэпп, чтобы выяснить это, собирается расписать поминутно все происходившее в салоне.

— Вы не согласны со мной, мсье Пуаро?

Пуаро несколько помедлил, потом не спеша заговорил:

— Нет, почему же, согласен, что была, что должна была быть какая-то психологическая причина, по которой никто не видел убийцу. Но мои мысли текут несколько в ином русле, чем ваши. У меня такое чувство, что в этом деле даже бесспорные факты могут завести в тупик. Закройте глаза, мой друг, вместо того чтобы так пристально во все всматриваться. Ваши глаза не помогут вам — нужно смотреть глазами *мозга*. Дайте маленьким серым клеточкам поработать. Это они должны показать вам, что произошло *на самом деле*.

Фурнье посмотрел на него с любопытством:

— Я не успеваю следить за ходом ваших мыслей, мсье Пуаро.

— Потому что вы делаете выводы, основываясь на том, что сами *видели*. Ничто так не вводит в заблуждение, как непосредственное наблюдение.

Фурнье вновь покачал головой и развел руками:

— Сдаюсь. Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Наш друг Жиро стал бы вас уверять, что на мои бредовые идеи не стоит обращать внимания. «Будь всегда начеку и больше бегай! — сказал бы он. — А сидеть в кресле и размышлять — удел стариков, неспособных уже на большее». Но вот что я вам скажу: молодая собака иной раз так азартно бежит на запах, что промахивается и теряет след... Для нее этот запах слишком резок — вроде запаха копченой селедки. Мне кажется, я намекнул достаточно прозрачно...

И, откинувшись назад, Пуаро прикрыл глаза — словно бы для того, чтобы еще раз все хорошенько обдумать. Однако через пять минут не могло быть уже никаких сомнений в том, что он заснул.

В Париже они сразу же направились в дом № 3 по Рю-Жольет.

Эта улица находилась на южном берегу Сены. Дом № 3 ничем не отличался от соседних домов. Пожилой консьерж впустил их и мрачно поздоровался с Фурнье.

— Опять у нас полиция! Тут только и жди неприятностей. Из-за вас у нашего дома будет плохая репутация.

Продолжая ворчать, он ушел к себе.

— Поднимемся в контору Жизели, — сказал Фурнье. — Это на втором этаже.

Он вытащил из кармана ключ, объяснив, что французская полиция приняла меры предосторожности — дверь заперта и опечатана до тех пор, пока английская полиция не закончит следствие.

— Боюсь, однако, — сказал Фурнье, — что мы не найдем здесь ничего такого, что могло бы нам помочь.

Он сорвал печати, открыл дверь, и они вошли. Контора мадам Жизели располагалась в небольшой захлавленной комнате. В углу стоял довольно старомодный диван, кроме него был еще письменный стол и несколько стульев с вытертой обивкой. Единственное окно, мутное от пыли, похоже, вообще никто никогда не открывал.

Оглядевшись, Фурнье пожал плечами.

— Видите? — сказал он. — Ничего. Абсолютно ничего. Пуаро уселся за стол и взглянул на Фурнье. Затем он быстро провел ладонью по крышке стола и под ней.

— Здесь есть звонок.

— Да, он проведен вниз, к консьержу.

— Разумная предосторожность. Мадам могли посещать иногда весьма беспокойные клиенты.

Он выдвинул один за другим несколько ящиков. В них он обнаружил разные канцелярские принадлежности — календарь, карандаши и ручки. Там не было никаких деловых бумаг и вообще ничего личного.

Пуаро ограничился самым поверхностным осмотром.

— Не буду обижать вас, мой друг, устраивая тщательный обыск. Я уверен, что, если бы тут что-нибудь было, вы обязательно обнаружили бы это. — Он взглянул на сейф. — Не самый надежный, не правда ли?

— Безнадёжно устаревшая конструкция, — согласился Фурнье.

— Он оказался пустым?

— Да. Проклятая горничная все уничтожила.

— Ах да, горничная. Особо доверенная горничная. Нам нужно ее непременно повидать. Как вы справедливо заметили, комната ничего нам не дала. И это весьма примечательно, не так ли?

— Что вы имеете в виду под словом «примечательно», мсье Пуаро?

— Я имею в виду то, что в комнате нет даже следа чего бы то ни было личного... Мне это представляется очень интересным.

— Едва ли Жизель была сентиментальна, — сухо проговорил Фурнье.

Пуаро поднялся.

— Пойдемте, — сказал он. — Взглянем на эту горничную. На эту удостоенную высшей степени доверия горничную.

Элиза Грандье оказалась невысокой полной женщиной средних лет с румяным лицом и маленькими острыми глазками, быстро перебежавшими с лица Фурнье на лицо его спутника и обратно.

— Садитесь, мадемуазель Грандье, — сказал Фурнье.

— Благодарю вас, мсье. Она не спеша уселась.

— Мы с мсье Пуаро сегодня вернулись из Лондона. Коронерское следствие — ну, расследование в связи со смертью мадам — закончилось вчера. Теперь уже нет никаких сомнений в том, что мадам была отравлена.

Француженка печально покачала головой:

— Да что вы говорите?! Это просто ужасно, мсье. Мадам отравлена? Кто бы мог подумать?..

— Возможно, вы сумеете нам помочь, мадемуазель.

— Конечно, мсье. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь полиции. Но я ничего не знаю, совершенно ничего.

— Вы знаете о том, что у мадам были враги? — резко спросил Фурнье.

— Но это неправда! Почему вы думаете, что у мадам должны быть враги?

— Ну, ну, — сухо проговорил Фурнье. — Вам прекрасно известно — профессия ростовщика, она предполагает некоторые неприятные стороны.

— Это верно, клиенты мадам бывали иногда не слишком благоразумны, — согласилась Элиза.

— Они устраивали ей сцены, а? Они угрожали ей?

Горничная покачала головой:

— Нет, нет, вы ошибаетесь... *Они* не угрожали. Они хныкали... убеждали, объясняли, почему не могут заплатить, — это да. — В ее голосе слышалось нескрываемое презрение.

— Возможно, мадемуазель, что иногда, — сказал Пуаро, — они и в самом деле не могли уплатить.

Элиза Грандье пожала плечами:

— Возможно. Это их личное дело. Обычно они в конце концов платили.

Она проговорила это с оттенком удовлетворения.

— Мадам Жизель была безжалостной женщиной, — сказал Фурнье.

— Мадам была справедлива.

— Вам не жалко было жертв?

— Жертвы, жертвы... — с некоторым раздражением заговорила Элиза. — Вы ничего не понимаете. Можно подумать, их кто-то заставляет залезать в долги, жить не по средствам, а потом бегать занимать и еще ждать после этого, что им просто подарят деньги? Это совершеннейшая глупость! Мадам всегда была честна и справедлива. Она ссужала деньги и вполне резонно ожидала, что долг ей вернут. Это вполне справедливо. У нее самой долгов не было. Она всегда честно платила, если занимала у кого-нибудь. Никогда, никогда не оставалось у нее неоплаченных счетов. А вы говорите, что мадам была безжалостной, — это неправда! Мадам была доброй. Она дала деньги, когда к ней обратились за помощью «Сестрички бедняков». Она давала деньги и другим благотворительным организациям. Когда заболела жена Жоржа, консьержа, мадам Жизель оплатила место в загородной лечебнице.

Она умолкла. Вид у нее был весьма сердитый, лицо пылало.

— Вы не понимаете. Нет, вы совершенно не понимаете мадам, — повторила она еще раз.

Фурнье переждал какое-то время, пока ее негодование не улеглось, затем спросил:

— Вы сказали, что *в конце концов* клиенты мадам были вынуждены платить. Известно ли вам что-нибудь о методах, которые применяла мадам, чтобы заставить их уплатить?

Она пожала плечами:

— Я ничего не знаю, мсье. Совершенно ничего.

— Однако вы знали достаточно, чтобы сжечь ее бумаги?

— Я выполняла инструкцию мадам. Если когда-нибудь, говорила она, с ней что-нибудь случится или она заболеет и умрет где-нибудь

вдали от дома, я должна уничтожить все ее деловые бумаги.

— Бумаги, которые находились внизу, в сейфе? — спросил Пуаро.

— Верно. Ее деловые бумаги.

— И они действительно были в сейфе?

Его настойчивость заставила Элизу покраснеть.

— Я выполняла инструкции мадам, — повторила она.

— Мне известно это, — сказал с улыбкой Пуаро. — Но бумаги находились не в сейфе, верно ведь? Этот сейф — он слишком уж допотопный. Его может вскрыть даже любитель. Бумаги хранились где-то в другом месте? Например, в спальне мадам?

Элиза помолчала какое-то время, потом ответила:

— Да, так оно и было. Мадам всегда давала понять клиентам, что все бумаги хранятся в сейфе, но на самом деле это было только для отвода глаз. Все хранилось в спальне мадам.

— Не покажете ли вы нам, где именно?

Элиза встала, и двое сыщиков последовали за ней. Спальня была довольно большой, но в ней стояло так много громоздкой инкрустированной мебели, что негде было повернуться. Угол спальни был занят огромным допотопным сундуком. Элиза подняла крышку и извлекла на свет божий старомодное платье из шерстяной ткани с шелковой нижней юбкой. Изнутри был пришит глубокий карман.

— Все бумаги лежали здесь, мсье, — сказала она. — Они хранились в большом заклеенном конверте.

— Однако вы ничего мне об этом не сказали, — с возмущением воскликнул Фурнье, — когда я спрашивал вас три дня назад.

— Прошу прощения, мсье, но вы спрашивали меня, где бумаги, которые должны быть в сейфе. Я ответила, что сожгла их. Это была чистая правда. А где именно бумаги хранились, мне показалось несущественным.

— Да, верно, — сказал Фурнье. — Но вы понимаете, мадемуазель Грандье, что вам нельзя было сжигать эти бумаги?

— Я выполнила приказ мадам, — стояла на своем Элиза.

— Да, я понимаю вас — вы действовали, конечно, из самых лучших побуждений, — поспешил успокоить ее Фурнье. — Но теперь я прошу вас — выслушайте меня внимательно, очень внимательно: *мадам была убита!* Вполне возможно, что она была убита человеком, о котором располагала определенными компрометирующими

сведениями. Эти сведения были в тех самых бумагах, что вы сожгли. Я хочу задать вам один вопрос, только не спешите с ответом, сначала подумайте как следует. Вполне возможно — *я и в самом деле считаю, что в этом нет ничего предосудительного*, — вполне возможно, вы заглянули в эти бумаги, прежде чем предать их огню. И в этом случае вам не следует стыдиться своего поступка. Напротив, любая информация, полученная вами, может оказать величайшую услугу полиции, может помочь нам наказать убийцу по справедливости. Поэтому, мадемуазель, не бойтесь ответить правду. Заглянули ли вы в эти бумаги, прежде чем их сжечь?

Элиза тяжело дышала. Она наклонилась вперед и заговорила, подчеркивая каждое слово.

— Нет, мсье, — сказала она. — Я никуда не заглядывала. Я ничего не читала. Я сожгла конверт, не распечатав его.

Глава X

ЧЕРНАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Фурнье некоторое время не отводил от нее пристального взгляда. Затем, поняв, что она говорит правду, отвернулся, не в силах скрыть разочарования.

— Очень жаль, — сказал он. — Вы поступили честно, мадемуазель, но тем не менее — очень жаль!

— Ничем не могу вам помочь, мсье. Извините. Фурнье сел и вытащил из кармана записную книжку.

— В прошлый раз вы сказали мне, мадемуазель, что не знаете имен клиентов мадам. А только что вы заявили, что они хнычут и умоляют о пощаде. То есть вы все-таки хоть *что-то* о клиентах мадам Жизели знаете?

— Сейчас я вам объясню, мсье. Мадам никогда не называла имен. Она никогда не обсуждала свои дела. Но тем не менее — все мы люди, не так ли? Бывало так, что и у нее вырывались какие-то восклицания, комментарии. Мадам иногда говорила что-то при мне, словно разговаривая сама с собой.

Пуаро подался вперед.

— Например? — спросил он.

— Дайте-ка вспомнить... Ах да, ну, скажем, приходит письмо. Мадам его вскрывает, презрительно хмыкает и говорит: *«Вы скулите и хнычете, моя милая леди, но вам все равно придется платить»*. Или она могла вдруг сказать мне: *«Какие дураки! Какие дураки! Думают, что я ссудила бы им крупную сумму без надежного обеспечения. Знания — это гарантия, Элиза. Знания — это власть»*. Вот примерно так она говорила.

— Случалось ли вам видеть кого-нибудь из клиентов мадам, приходивших к ней домой?

— Нет, мсье, во всяком случае — едва ли. Они сразу поднимались на второй этаж, к тому же они приходили обычно, когда уже было темно.

— Перед поездкой в Англию мадам Жизель не покидала Париж?

— Она вернулась в Париж лишь накануне утром.

— А где она была?

— Она провела две недели в Довилле, Ле-Пинэ, Пари-Пляж и Вимро — ее обычный сентябрьский маршрут.

— Теперь, мадемуазель, подумайте хорошенько — не говорила ли она что-нибудь — хотя бы *что-нибудь*, — что могло бы нам помочь?

Элиза задумалась на какое-то время, потом отрицательно покачала головой.

— Нет, мсье, — сказала она. — Не могу припомнить ничего такого. У мадам было прекрасное настроение, дела, по ее словам, шли хорошо. Поездка оказалась удачной. Потом она велела мне позвонить в «Юниверсал эйрлайнз» и заказать на следующий день билет в Англию. На ранний рейс не было мест, пришлось взять билет на двенадцатичасовой.

— Она говорила вам, с какой целью отправляется в Англию? У нее были какие-нибудь неотложные дела?

— О нет, мсье. Мадам ездила в Англию довольно часто. И всегда сообщала мне об этом накануне.

— Кто-то из клиентов приходил к мадам в тот вечер?

— Мне кажется, кто-то был, но я не уверена, мсье. Жорж, вероятно, сможет сказать вам определеннее. Мне мадам ничего не говорила.

Фурнье вытащил из кармана пачку фотографий. Это были снимки свидетелей, выходящих из здания суда, где проходило коронерское следствие, сделанные в большинстве своем репортерами.

— Не узнаете ли вы кого-нибудь на этих фотографиях, мадемуазель?

Элиза взяла фотографии и внимательно их рассмотрела. Затем покачала головой:

— Нет, мсье.

— Хорошо. Теперь мы должны показать их Жоржу.

— Конечно, мсье. Но, к сожалению, у Жоржа не очень хорошее зрение. Мне очень жаль.

Фурнье поднялся:

— Ну, мадемуазель, мы пойдем, пожалуй, если вы, конечно, вполне уверены, что ничего — абсолютно ничего — не забыли нам сказать.

— Я? Что, что вы имеете в виду? — Элиза, казалось, была смущена.

— Нет? Ну тогда ладно. Пойдемте, мсье Пуаро. Прошу прощения, вы ищете что-нибудь?

Пуаро и в самом деле бродил по комнате, словно высматривая что-то.

— Действительно, — ответил Пуаро. — Я ищу кое-что, но не нахожу.

— Что?

— Фотографии. Фотографии родственников мадам Жизели, ее семьи.

Элиза покачала головой:

— У мадам не было семьи. Она была одна-одинешенька в целом мире.

— У нее была дочь, — возразил Пуаро.

— Да, это верно. Дочь у нее была.

Элиза вздохнула.

— Нет ли здесь фотографий дочери? — настаивал Пуаро.

— О, мсье так и не понял. Это правда, что у мадам была дочь. Но, понимаете, это было очень давно. Я думаю, что мадам последний раз видела свою дочь, когда та была совсем маленьким ребенком.

— Как же так? — резко спросил Фурнье.

Элиза всплеснула руками:

— Я не знаю. В то время мадам была очень молода. Я слыхала, что она была тогда очень хорошенькой и бедной. Вероятно, она была замужем, а может быть, и нет. Но, вне всякого сомнения, относительно ребенка была достигнута какая-то договоренность. Что касается мадам, она перенесла оспу — она была очень тяжело больна, чуть не умерла. А когда она поправилась, от ее красоты ничего не осталось. И уже больше не было никаких романтических бредней, никаких романов. Мадам стала деловой женщиной.

— Но она завещала деньги дочери?

— Вот это действительно так и есть, — подтвердила Элиза. — Кому же еще оставить свои деньги, как не собственной плоти и крови? Кровь все-таки гуще воды, а друзей у мадам не было. Она всегда была одна. Деньги были ее страстью — делать все больше и больше денег. Тратила она очень мало. Она не любила роскошь.

— Она и вам кое-что завещала — вы об этом знаете?

— Ну конечно, я в курсе. Мадам всегда была очень щедрой. Кроме жалованья я получала от нее ежегодно солидную сумму денег. Я очень благодарна мадам.

— Ну, — сказал Фурнье, — мы, пожалуй, пойдем. Мне еще нужно поговорить перед уходом со старым Жоржем.

— Позвольте, друг мой, присоединиться к вам через минутку, — сказал Пуаро.

— Как вам угодно. Фурнье вышел.

Пуаро обошел еще раз комнату, затем сел и в упор стал смотреть на Элизу не отводя глаз.

Под его пристальным взглядом француженка слегка забеспокоилась.

— Мсье хочет узнать еще что-нибудь?

— Мадемуазель Грандье, — спросил Пуаро, — вы знаете, кто убил вашу хозяйку?

— Нет, мсье, богом клянусь.

Она произнесла это чрезвычайно серьезно, почти торжественно. Пуаро испытующе посмотрел на нее и кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я вам верю. Но одно дело — знать наверняка, и совсем другое — подозревать. У вас есть какие-либо предположения — хотя бы *предположения*, — кто мог это сделать?

— Не имею ни малейшего представления, мсье. Я уже говорила это полицейскому агенту.

— Одно дело — сказать ему, а другое — мне.

— Но почему, мсье? Что вы имеете в виду?

— Потому что одно дело — давать информацию полиции и совсем другое — частному лицу.

— Да, — согласилась Элиза. — Это верно.

Какая-то нерешительность появилась на ее лице. Казалось, Элиза раздумывала. Не сводя с нее пристального взгляда, Пуаро наклонился ближе и заговорил:

— Хотите, я вам кое-что объясню, мадемуазель Грандье? В своей работе я придерживаюсь принципа — не верить ничему, что мне говорят, ничему, что *не доказано*. Я не подозреваю сначала этого человека, а потом того. Я подозреваю *всех*. Любого, кто хоть каким-то

образом связан с преступлением, я считаю потенциальным преступником, пока не будет доказано, что он невиновен.

Элиза Грандье нахмурилась:

— Вы что хотите этим сказать, что вы подозреваете меня — *меня!* — в убийстве мадам? Ну, это уж слишком! Подобное предположение невероятно настолько, что похоже на злонамеренную клевету!

Элиза едва переводила дух от возмущения.

— Нет, Элиза, — сказал Пуаро. — Я не подозреваю вас в убийстве мадам. Кто бы ни был убийцей мадам, он находился в салоне самолета. Следовательно, это не могло быть сделано вашей рукой. Но вы могли стать соучастницей еще *до совершения убийства*. Вы могли сообщить кому-нибудь все детали предстоящей поездки.

— Я тут ни при чем. Клянусь вам, я тут ни при чем.

Пуаро пристально вглядывался в нее какое-то время, затем кивнул.

— Я вам верю, — сказал он. — Но тем не менее есть что-то такое, что вы скрываете. Да, в этом нет никаких сомнений! Вот что я вам скажу: в каждом случае, связанном с преступлением, всегда при допросе свидетелей сталкиваешься с одним и тем же — *все что-то скрывают*. Иногда — чаще всего — это что-нибудь вполне безобидное и, возможно, совершенно не связанное с преступлением. Но, повторяю, всегда *что-то* есть. Вот и с вами то же самое. О, не пытайтесь отрицать! Меня зовут Эркюль Пуаро, и я знаю, что говорю. Когда мой друг мсье Фурнье спросил вас, уверены ли вы в том, что ничего не утаили, вы оказались в затруднении. Вы ответили ему нерешительно, можно сказать, уклончиво. И теперь, когда я предположил, что вы можете рассказать мне нечто, чем не захотели рассказывать полиции, вы основательно призадумались. Таким образом, *что-то* вы знаете. Я хочу знать, что именно.

— Но в этом нет ничего, представляющего для вас интерес.

— Возможно. И тем не менее не лучше ли вам будет рассказать мне об этом? Имейте в виду, — добавил он, заметив, что она медлит, — я ведь не из полиции.

— Это верно, — согласилась Элиза Грандье. Помедлив немного, она продолжала: — Мсье, я в затруднении. Я не знаю, какова была бы воля мадам в подобном случае.

— Есть пословица: ум — хорошо, а два — лучше. Почему бы вам не посоветоваться со мной? Давайте обсудим этот вопрос вместе.

Женщина по-прежнему смотрела на него с сомнением. Пуаро улыбнулся:

— Элиза, вы верно служили своей хозяйке. Насколько я понимаю, вы сомневаетесь, будет ли ваш поступок лоялен по отношению к покойной?

— Совершенно верно, мсье. Мадам доверяла мне. С тех пор как я поступила к ней на службу, я добросовестно выполняла все ее инструкции.

— Вы были ей благодарны, не так ли? За какую-то важную услугу, которую она вам оказала?

— Вы весьма проницательны, мсье. Да, верно. Я могу вам в этом признаться. Меня жестоко обманули, мсье, мои сбережения были украдены, и, кроме того, я осталась с маленьким ребенком на руках. Мадам была очень добра ко мне. Она все устроила — моего ребенка взяли на воспитание добрые люди на ферме — хорошей ферме, мсье. И люди были честные. Это именно тогда она и упомянула, что она тоже мать.

— Она сообщила какие-нибудь подробности — возраст ребенка, где он находится?

— Нет, мсье. Она говорила об этом периоде своей жизни как о чем-то давнем, о чем не стоит вспоминать. Так лучше, она говорила. Малышка была отлично обеспечена. О ней должны были позаботиться — чтобы она получила хорошую профессию или обучилась ремеслу. Кроме того, она должна была унаследовать деньги после смерти мадам.

— А больше она ничего вам не говорила о ребенке или о его отце?

— Нет, мсье, но у меня есть одно предположение...

— Говорите, мадемуазель Элиза.

— Как вы, конечно, понимаете, это всего лишь предположение...

— Конечно, конечно.

— Мне кажется, что отцом ребенка был англичанин.

— Что именно навело вас на такую мысль?

— Так, ничего определенного. Просто в голосе мадам всегда слышалась неприязнь, когда она говорила об англичанах. И еще я

думаю, что в деловых операциях ей доставляло удовольствие держать в своей власти именно англичан. Но это только мое впечатление...

— Да, но оно может оказаться весьма ценным. Это дает возможность... А ваш собственный ребенок, Элиза, — мальчик или девочка?

— Девочка, мсье. Но она умерла, вот уже пять лет как умерла.

— О, сочувствую вам... Они помолчали.

— А теперь, мадемуазель Элиза, — сказал Пуаро, — в чем же состояло то *нечто*, о котором вы воздержались нам сообщить?

Элиза встала и вышла из комнаты. Через несколько минут она вернулась с маленькой записной книжкой в черном потрепанном переплете.

— Это записная книжка мадам. Мадам всегда возила её с собой. Когда мадам собиралась уже выезжать в аэропорт, чтобы лететь в Англию, она не смогла ее найти. Ее не оказалось на обычном месте. Когда мадам уехала, мне удалось найти книжку. Она завалилась за изголовье кровати. Я отнесла ее в мою комнату, чтобы сохранить до возвращения мадам. Я сожгла все бумаги, как только услышала о смерти мадам, но книжку я не сожгла. На этот счет мне не было дано никаких указаний.

— Когда вы узнали о смерти мадам?

Элиза медлила с ответом.

— Вы узнали об этом от полиции, не так ли? — спросил Пуаро. — Полицейские пришли сюда и стали осматривать комнаты мадам. В сейфе они ничего не нашли, и вы сказали им, что сожгли бумаги. На самом деле вы сожгли бумаги позже.

— Это верно, мсье, — призналась Элиза. — Пока они искали в сейфе, я убрала бумаги из сундука и сказала им, что бумаги сожжены. И это было почти правдой — я сожгла их при первой же возможности. Я должна была выполнить приказ мадам. Вы понимаете, в каком сложном положении я оказалась, мсье? Вы не сообщите об этом полиции? Ведь это может привести к серьезным последствиям для меня.

— Я верю, мадемуазель Элиза, что вы действовали с наилучшими намерениями. И тем не менее жаль... очень жаль. Но бессмысленно сожалеть о том, что уже сделано. Я не вижу особой необходимости сообщать нашему славному мсье Фурнье о точном времени сожжения

бумаг. Теперь давайте посмотрим — нет ли в этой книжечке чего-нибудь, что могло бы помочь нам?

— Не думаю, чтобы там что-нибудь было, мсье, — сказала Элиза, покачав головой. — Мадам делала пометки себе для памяти, к тому же там только номера. Без документов и счетов здесь ничего нельзя понять.

Она неохотно протянула книжку Пуаро. Он взял ее и перелистал страницы. Там было много неразборчивых записей. Все они были похожи — номер и краткие пояснения, например:

*SX 256. Жена полковника. Служил в Сирии. Полковая казна.
GF 342. Французский депутат. Связан с делом Стависки.*

Всего таких записей было около двадцати. В конце книжки карандашом были записаны для памяти даты и места, например:

*Ле-Пинэ, понедельник. Казино, 10.30. Отель «Савой», 5 часов.
АВС. Флит-стрит, одиннадцать часов.*

Все записи были отрывочными, казалось, Жизель сделала их только для того, чтобы не забыть о намечавшихся встречах.

Элиза с беспокойством смотрела на Пуаро.

— Вы здесь не обнаружите никакого смысла, мсье. Так, по крайней мере, мне кажется. Это было понятно только мадам, и больше никому.

Пуаро закрыл книжку и положил ее в карман.

— Все это может оказаться очень ценным, мадемуазель. Вы поступили мудро, отдав книжку мне. А ваша совесть может быть спокойна. Мадам ведь не просила вас сжигать эту книжку?

— Верно, — согласилась Элиза, и лицо ее несколько прояснилось.

— Таким образом, раз других инструкций у вас не было, ваша прямая обязанность — отдать книжку полиции. Я все улажу с мсье Фурнье, чтобы вас не обвинили в том, что вы не сделали этого раньше.

— Мсье очень добр. Пуаро встал:

— Ну что ж, а теперь пойду присоединюсь к моему коллеге. Да, последний вопрос: когда вы заказывали место в самолете для мадам Жизели, вы звонили на аэродром Ле-Бурже или в контору авиакомпания?

— Я звонила в офис «Юниверсал эйрлайнз», мсье.

— Это, насколько мне известно, на бульваре Капуцинов?

— Да, мсье. Дом двести пятьдесят четыре по бульвару Капуцинов.

Пуаро записал номер в свою записную книжку и, дружески кивнув, вышел из комнаты.

Глава XI

АМЕРИКАНЕЦ

Фурнье был увлечен разговором со старым Жоржем. Детектив казался разгоряченным и раздосадованным.

— Все полицейские одинаковы, — ворчал привратник хриплым басом. — Задают одни и те же вопросы снова и снова. На что они надеются? На то, что рано или поздно человек перестанет говорить правду и вместо этого соврет? И соврет, разумеется, так, чтобы было похоже на то, что записано в книжке у мсье?

— Мне не нужна ложь. Мне нужно, чтобы вы говорили правду.

— Отлично, вот я и говорю вам правду. Да, к мадам приходила женщина — за день до того, как та уехала в Англию. Вы показываете мне вот эти фотографии и спрашиваете, не узнаю ли я среди них ту женщину. И я опять повторяю вам то, что твержу уже давно: у меня слабое зрение, а было уже темно — вблизи я ее не видел. Я не могу опознать эту леди. Если бы я даже увидел ее лицом к лицу, и то вполне возможно, что я не узнал бы ее. Вот! Теперь вы это слышите от меня в четвертый или в пятый раз.

— И вы не можете даже вспомнить, была она высокая или низкая, темная или светлая, старая или молодая? В это верится с большим трудом. — Фурнье говорил с нескрываемым сарказмом.

— Ну и не верьте, мне какое дело. Приятная штука — связаться с полицией! Мне стыдно за вас. Если бы мадам не убили высоко в воздухе, вполне возможно, вы заподозрили бы меня в том, что я отравил ее. Все полицейские такие.

Пуаро, предвидя возможную реакцию со стороны Фурнье, удержал его, тактично положив руку ему на плечо:

— Пойдемте, старина. Желудок зовет. Простая, но сытная еда — вот что мне сейчас нужно. Ну, например, omelette aux champignons, sole a la Normande^[22], сыр «Порт-Салю» и ко всему этому красное вино. Какое именно вы предпочитаете?

Фурнье взглянул на часы.

— В самом деле, — сказал он. — Уже час. Пока я пытался объясниться с этим животным... — Он кивнул на Жоржа.

Пуаро ободряюще улыбнулся старику.

— Все понятно, — сказал он. — Эта безымянная леди была не высокая и не маленькая, не темная и не светлая, не толстая и не худая. Но в конце концов вы ведь можете сказать — она была из высшего света? Ведь светский шик сразу бросается в глаза.

— Шик?? — переспросил Жорж, похоже растерявшись от такого вопроса.

— Я удовлетворен вашим ответом, — сказал Пуаро. — У нее был шик, и в связи с этим у меня возникла одна маленькая идея, друг мой. Мне кажется, что эта леди прекрасно смотрелась бы в купальнике.

Жорж уставился на него в изумлении.

— В купальнике? При чем тут купальник?

— Просто мне кажется, что очаровательная женщина выглядит еще более очаровательной в купальнике. Вы со мной согласны? Взгляните сюда!

Он передал старику вырванную из «Скетча» страницу. На мгновение воцарилась тишина. Старик едва заметно вздрогнул.

— Вы со мной согласны, не так ли? — спросил Пуаро.

— Они оба выглядят неплохо, — сказал старик, возвращая листок. — С таким же успехом они могли вообще ничего не надевать.

— А это все потому, — сказал Пуаро, — что сейчас открыто благоприятное воздействие солнечных лучей на кожу. К тому же это очень удобно.

Жорж снизошел до хриплого смешка и посторонился, выпуская Фурнье и Пуаро на залитую солнцем улицу.

Заказав еду, Пуаро достал маленькую записную книжку.

Увидев ее, Фурнье пришел в радостное возбуждение, хотя и был раздосадован скрытностью Элизы. Пуаро стал с ним спорить:

— Но это же естественно, совершенно естественно. Полиция? Это слово ужасает таких людей. Они боятся, что их впутают бог знает во что. Так везде — в каждой стране.

— Очко в вашу пользу, — согласился Фурнье. — Частному детективу удастся вытащить из свидетелей больше информации, чем этого можно добиться официальным путем. Однако есть и другая сторона медали — мы можем официально получить гораздо больше

данных: в нашем распоряжении целая система, гигантская организация.

— Ну так давайте сотрудничать, — улыбнулся Пуаро. — Омлет просто великолепен.

В промежуток между омлетом и рыбой Фурнье пролистал черную записную книжку и сделал для себя какие-то выписки.

— Вы прочитали это, не так ли? — взглянул он на Пуаро, оторвавшись наконец от записной книжки.

— Нет, я только взглянул. Вы позволите? Он взял книжку у Фурнье.

Когда принесли сыр, Пуаро положил книжку на стол и поймал на себе взгляд Фурнье.

— Там есть записи, которые, мне кажется, могут нас заинтересовать, — начал Фурнье.

— Пять, — уточнил Пуаро.

— Согласен — пять.

И Фурнье пометил в своей записной книжке:

CL 52. Англичанка. Жена пэра. Муж.

RT 362. Доктор. Харли-стрит.

MR 24. Фальшивый антиквариат.

XVB 724. Англичанин. Присвоение чужого имущества.

GF 45. Попытка убийства. Англичанин.

— Прекрасно, мой друг, — сказал Пуаро. — Как это ни странно, но на этот раз мы с вами рассуждаем одинаково. Из всех записей в маленькой записной книжке эти пять кажутся и мне единственными, которые могут иметь хоть какое-то отношение к пассажирам «Прометей». Давайте рассмотрим их по порядку.

— *«Англичанка. Жена пэра. Муж»*, — прочитал Фурнье. — Это вполне может относиться к леди Хорбери. Она, насколько мне известно, заядлый игрок и деньги, скорее всего, занимала у Жизели. Обычно Жизель имела дело именно с такими клиентами. Слово «муж» может означать одно из двух — или Жизель рассчитывала, что муж заплатит долги своей жены, или у нее была какая-то информация о леди Хорбери, некая тайна, которую она грозилась выдать мужу.

— Вполне с вами согласен, — сказал Пуаро. — Обе эти версии одинаково вероятны. Мне лично больше по душе вторая, тем более что я готов биться об заклад, — женщина, приходившая к Жизели накануне полета, была леди Хорбери.

— Вы уверены?

— Да. Я думаю, что и вы со мной согласитесь. Жорж вел себя слишком уж по-рыцарски. Его категорический отказ вспомнить хоть что-нибудь о приходившей к мадам особе сам по себе достаточно показателен. Леди Хорбери — чрезвычайно красивая женщина. Кроме того, я заметил, как он вздрогнул — чуть-чуть, совсем почти незаметно, — когда я дал ему страницу из «Скетча», где она сфотографирована в купальнике. Да, это была леди Хорбери. Именно она приходила к Жизели в тот вечер.

— И в Париж она уехала из Ле-Пинэ вслед за мадам, — медленно проговорил Фурнье. — Складывается впечатление, что она оказалась в отчаянном положении.

— Да-да, вполне может быть.

Фурнье взглянул на него с любопытством:

— Но это, похоже, никоим образом не совпадает с вашими собственными идеями, а?

— Друг мой, я вам уже говорил, что нашел, как мне кажется, верный ключ к разгадке, — но указывающий пока не на того человека. Я словно бреду на ощупь во мраке. Ключ, вне всяких сомнений, правильный, тем не менее...

— А вы не хотите рассказать мне, что это за ключ? — поинтересовался Фурнье.

— Нет. Понимаете, я ведь могу и ошибаться. Абсолютно во всем ошибаться. В таком случае я могу и вас сбить с правильной дороги. Нет, пусть уж каждый из нас работает в соответствии со своими собственными идеями. Продолжим, однако, изучение интересующих нас записей.

— «RT 362. Доктор. Харли-стрит», — прочитал Фурнье.

— Это, возможно, имеет отношение к доктору Брайанту. Здесь опереться больше не на что, но и этой линией расследования мы не должны пренебрегать.

— Этим, разумеется, займется инспектор Джэпп.

— И я тоже, — сказал Пуаро. — Я тоже хочу внести свою лепту.

— «*MR 24. Фальшивый антиквариат*», — продолжал Фурнье. — Конечно, это кажется натяжкой, но в принципе может иметь отношение к Дюпонам. Хотя с трудом верится. Мсье Дюпон — археолог с мировым именем. У него безукоризненная репутация.

— Что могло весьма облегчить его задачу, — сказал Пуаро. — Вспомните, мой дорогой Фурнье, насколько безукоризненна была репутация, насколько достойна была восхищения и полна самых возвышенных чувств жизнь большинства негодяев — до того, как их разоблачили!

— Это верно. Ах как это верно, — согласился со вздохом француз.

— Безукоризненная репутация, — продолжал Пуаро, — в первую очередь необходима для деятельности мошенников. Интересная мысль... Однако вернемся к списку.

— «*XVB 724*» — довольно неопределенно. «*Англичанин. Присвоение чужого имущества*».

— Не очень-то нам это поможет, — сказал Пуаро. — Кто может присвоить? Поверенный в делах? Банковский клерк? Служащий торговой фирмы, имеющий право самостоятельно совершать сделки? Едва ли это может относиться к писателю, дантисту или врачу. Мистер Джеймс Райдер — единственный представитель коммерции. Он мог присвоить деньги. Он мог занять их у Жизели, чтобы скрыть свое воровство. Что же касается последней записи: «*GF 45. Попытка убийства. Англичанин*», то это дает нам широкое поле для предположений. Писатель, врач, дантист, бизнесмен, стюард, ассистент парикмахера, леди по рождению и воспитанию — любой из них может оказаться GF 45. Только Дюпонов можно исключить по причине их национальности.

Он жестом подозвал официанта и попросил счет.

— И куда вы теперь, мой друг? — поинтересовался он.

— В Сюртэ, возможно, у них есть для меня какие-нибудь новости.

— Хорошо, я пойду с вами. А после этого я собираюсь лично провести небольшое расследование и надеюсь, что вы не откажетесь мне помочь.

В Сюртэ Пуаро встретился с начальником криминальной полиции, своим старым знакомым, — они сотрудничали несколько лет назад при расследовании одного преступления. Мсье Жиль был вежлив и весьма дружелюбно настроен.

— Меня очень обрадовало то, что вы лично заинтересовались этим случаем, мсье Пуаро.

— Еще бы, мой дорогой мсье Жиль, — ведь это произошло под самым моим носом! Это просто оскорбительно, не правда ли? Эркюль Пуаро спал, в то время как рядом было совершено убийство.

Мсье Жиль сочувственно кивнул:

— Ох уж эта техника! В плохую погоду самолет просто немилосердно трясет. Я сам пару раз чувствовал себя просто ужасно!

— Ну а у меня в животе начинаются такие катаклизмы... — сказал Пуаро. — Все-таки насколько сильно влияет пищеварение на нежные мозговые извилины. Когда меня терзает морская болезнь, я, Эркюль Пуаро, полностью теряю над собой контроль — становлюсь безликим представителем рода человеческого, к тому же с интеллектуальным уровнем заметно ниже среднего. Прискорбно, но это факт. Кстати, как поживает мой приятель Жиро?

Игнорируя многозначительное словечко «кстати», мсье Жиль ответил, что Жиро успешно продвигается по служебной лестнице.

— Он работает с невероятным рвением. Его энергия просто неистощима.

— Он всегда был таким, — сказал Пуаро. — Бегает туда-сюда, ползает на четвереньках: он здесь, он там, он везде — он просто вездесущ. И никогда — ни на один миг — он не остановится и не задумается.

— А, мсье Пуаро, вот оно — ваше слабое место. Такой, как Фурнье, придется вам больше по душе. Вот он — представитель новейшей школы — ко всему приплетает психологию. Это должно вам понравиться.

— Что верно, то верно.

— Он превосходно знает английский, поэтому мы и послали его в Кройдон — участвовать в расследовании этого дела. Очень интересного дела, мсье Пуаро. Мадам Жизель была весьма известной в Париже личностью. И такая необычная смерть! Выпустить в самолете отравленную стрелу из духовой трубки! Нет, вы мне ответьте: да могло ли такое произойти на самом деле?

— Вот именно! — воскликнул Пуаро. — Вот именно. Вы как всегда, попали в самую точку. А вот и наш дорогой Фурнье. Я вижу, у вас есть новости.

Обычно невозмутимый, на этот раз Фурнье казался сильно возбужденным.

— Ну еще бы! Греческий торговец антиквариатом Зеропулос сообщил, что он продал духовую трубку и стрелы за три дня до убийства. Я считаю, мсье, — он слегка поклонился своему начальнику, — что этого человека необходимо немедленно расспросить.

— Вне всякого сомнения, — поддержал его Жиль. — Мсье Пуаро пойдет с вами?

— С вашего позволения, — сказал Пуаро. — Это интересно, очень интересно.

Магазин мсье Зеропулоса находился на улице Сен-Оноре. Это было процветающее заведение по торговле антиквариатом. Товары были самые разнообразные — персидская керамика, бронза из Луристана, индийские драгоценности, шелка и вышивки из самых разных стран, масса решительно ничего не стоящих бус и дешевых египетских сувениров. Это было заведение, где с вас могли взять миллион франков за предмет, стоивший полмиллиона, или десять франков за что-нибудь стоимостью пятьдесят сантимов. Основными клиентами здесь были американские туристы и заядлые коллекционеры.

Мсье Зеропулос оказался маленьким человечком плотного телосложения, с черными глазками-бусинками. Он был весьма словоохотлив.

Джентльмены из полиции? Он очень рад с ними встретиться. Может быть, они согласятся пройти в его контору? Да, он продал трубку и стрелы — довольно редкая вещица из Южной Америки.

— Вы понимаете, джентльмены, я торгую всем понемножку! Но у меня есть и своя специализация. Персия — моя специализация. Мсье Дюпон — многоуважаемый мсье Дюпон — может меня вам порекомендовать. Он часто приходит полюбоваться на мою коллекцию, посмотреть на мои новые приобретения — и подтвердить подлинность некоторых сомнительных вещей. Какой человек! Настоящий ученый! А какой наметанный глаз! Какое *чутье*! Но я отклонился от темы. У меня есть моя коллекция — очень ценная коллекция, прекрасно известная всем знатокам, — но у меня есть также, ну, честно говоря, мсье, это можно назвать барахлом.

Иностранное барахло, само собой разумеется, всего понемногу — с южных морей, из Индии, из Японии, с Борнео. Неважно откуда! Обычно у меня нет определенной цены на эти вещи. Если кто-нибудь заинтересуется чем-либо, я запрашиваю свою цену, со мной, естественно, торгуются, и в конце концов я получаю только половину. И я соглашаюсь — ведь я все равно получаю неплохую прибыль. Эти вещи я скупаю у матросов по дешевке.

Мсье Зеропулос перевел дыхание и продолжал, очень довольный собой, собственной значительностью и плавным течением своего повествования:

— Трубка и стрелы валялись у меня довольно долго — наверное, не меньше двух лет. Они лежали вот здесь, на этом подносе, вместе с ожерельем из раковин каури, головным убором индейцев, парой деревянных идолов и дрянными нефритовыми бусами. Никому они не были нужны, и никто не обращал на них никакого внимания, пока не зашел американец и не поинтересовался, что это такое.

— Американец? — резко переспросил Фурнье.

— Да, да, американец, без всякого сомнения, американец. И не из самых лучших — такой тип, который не имеет ни о чем ни малейшего представления и просто хочет похвалиться дома какой-нибудь редкостью. Он как раз из тех, на ком наживаются продавцы древностей в Египте — кто покупает нелепейших скарабеев, сделанных в Чехословакии. Ну, я-то быстро его раскусил и стал рассказывать об обычаях диких племен, о том, что они используют смертельные яды. Я объяснил ему, насколько это редкий, необыкновенный случай, что такая вещь появилась в продаже. Он спросил о цене. Я назвал. Это была цена для американцев — хотя и не такая высокая, как раньше, увы! — у них ведь сейчас там депрессия. Я ожидал, что он будет торговаться, но он сразу же выложил деньги. Получается, что я просто остался в дураках! Мне было очень обидно — ведь я мог запросить и больше! Я упаковал ему трубку и стрелы, и он ушел. Вот и все. А потом я прочитал в газете об этом ужасном убийстве и был поражен, можно даже сказать, потрясен и сразу связался с полицией.

— Мы вам очень признательны, мсье Зеропулос, — вежливо сказал Фурнье. — А что касается трубки и стрел — как вы думаете, вы сможете их узнать? В данный момент они еще находятся в Лондоне, но вам будет предоставлена возможность опознать их.

— Трубка была примерно такой вот длины, — мсье Зеропулос показал руками, — и такой толщины. Ну, вроде моей авторучки. Только светлая. Стрел было четыре. Острия у них были длинные, на кончиках немного светлее. Оперение было сделано из лоскутков красного шелка.

— *Красного шелка?* — переспросил Пуаро с нескрываемым интересом.

— Да, мсье, красного, немного выцветшего...

— Это любопытно, — сказал Фурнье. — А вы уверены, что среди них не было черных и желтых лоскутков?

— Черных и желтых? Нет, мсье. — Торговец покачал головой.

Фурнье взглянул на Пуаро. Тот улыбался, словно был чем-то доволен. Фурнье это показалось странным: чему он мог радоваться? Тому, что Зеропулос лгал, или еще чему-то?

— Весьма возможно, что эта трубка и стрелы не имеют никакого отношения к нашему случаю, — с сомнением проговорил Фурнье. — Тем не менее я хочу, чтобы вы описали внешность этого американца как можно подробнее.

Зеропулос в растерянности развел руками:

— Обычный американец. Говорил в нос. По-французски не понимал. Жевал резинку. На нем были большие очки в черепаховой оправе. Он был высокого роста и, по-моему, не слишком старый.

— А цвет волос?

— Я не заметил. На нем была шляпа.

— Вы сможете узнать его, если еще раз увидите? Зеропулос, казалось, был озадачен.

— Боюсь, что вряд ли. Здесь каждый день бывает столько американцев. Он ничем не выделялся среди других.

Фурнье показал ему фотографии свидетелей, но безрезультатно. Ни на одной из них, по мнению Зеропулоса, того человека не было.

— Похоже, мы сходили впустую, — сказал Фурнье, когда они вышли из лавки.

— Возможно, — согласился Пуаро. — А может быть, и нет. Ценники там точно такие же, кроме того, в рассказе мсье Зеропулоса были один или два весьма примечательных момента. А теперь, мой друг, сходя впустую в одно место, доставьте мне удовольствие и посетите вместе со мной еще одно.

— Где?

— На бульваре Капуцинов.

— Позвольте, там, кажется, находится...

— Контора авиакомпании «Юниверсал эйрлайнз».

— Ах да, верно. Но мы уже навели там кое-какие справки.

Похоже, они не смогут рассказать ничего, представляющего для нас интерес.

Пуаро дружески потрепал его по плечу:

— Видите ли, в чем дело, — полученные ответы зависят от заданных вопросов. Вы просто не знали, о чем нужно спрашивать.

— А вы знаете?

— Ну, у меня есть одна идея.

Больше он не стал ничего объяснять, и они отправились напрямиком на бульвар Капуцинов.

Контора «Юниверсал эйрлайнз» была небольшой. Прилично одетый темноволосый мужчина стоял за отлично отполированной стойкой, а мальчик лет пятнадцати сидел за пишущей машинкой.

Фурнье предъявил свое полицейское удостоверение, и мужчина, представившийся Жюлем Перро, заявил, что он полностью к их услугам.

По требованию Пуаро мальчика, печатавшего на машинке, отправили в самый дальний угол.

— То, о чем мы с вами хотим говорить, сугубо конфиденциально, — объяснил он.

Жюль Перро, казалось, был приятно польщен.

— Слушаю вас, мсье.

— Мы обратились к вам в связи с убийством мадам Жизели.

— Ах да, я припоминаю. Но ведь я уже отвечал на вопросы, связанные с этим делом.

— Совершенно верно. Но понимаете ли, нам крайне важно установить все факты с абсолютной точностью. Итак, мадам Жизель купила билет на самолет — когда?

— Мне кажется, на этот вопрос я уже ответил совершенно определенно. Она заказала себе билет по телефону семнадцатого числа.

— Билет на двенадцатичасовой рейс следующего дня?

— Да, мсье.

— Но, насколько я понял из рассказа ее служанки, мадам заказывала билет на утренний рейс — в 8.45?

— Нет, нет, то есть произошло вот что. Служанка мадам попросила билет на рейс в 8.45, но на этот рейс все билеты были уже заказаны, и мы предложили билет на двенадцатичасовой рейс.

— Ах да, понятно. Понятно.

— Да, мсье.

— Понятно, понятно, но все равно это любопытно, это просто весьма любопытно.

Служащий удивленно посмотрел на него.

— Дело в том, что один мой знакомый решил вдруг полететь в Англию по неотложному делу и отправился как раз в то утро рейсом 8.45 — самолет был наполовину пуст.

Мсье Перро перелистал какие-то бумаги. Затем высморкался.

— Может быть, ваш знакомый перепутал день. Вот днем раньше или позже...

— Отнюдь. Это было как раз в день убийства, потому что знакомый сказал мне, что если бы он опоздал на самолет — а он чуть было и в самом деле не опоздал, — то он был бы одним из пассажиров «Прометея».

— Ах вот оно что. Да, весьма любопытно. Конечно, бывает так, что кто-то из пассажиров в последний момент опаздывает, и тогда, разумеется, остаются свободные места... а иногда просто случаются ошибки. Я вынужден все время звонить в аэропорт Ле-Бурже, а они там не всегда бывают аккуратны...

Внимательный взгляд Пуаро, казалось, сильно смущал Жюля Перро. Он умолк, и глаза у него забегали. На лбу появилась испарина.

— Ну что ж, два вполне правдоподобных объяснения, — сказал Пуаро. — И все же я полагаю, что все это ложь. Мне кажется, будет, гораздо лучше, если вы расскажете наконец правду.

— Рассказать правду? Я не понимаю вас.

— Да бросьте! Все вы отлично понимаете. Речь идет об убийстве — *убийстве*, мсье Перро. Будьте любезны не забывать об этом. Если вы скрываете какую-то информацию, это может иметь для вас серьезные последствия, очень серьезные последствия. Полиция в таких случаях беспощадна. Вы препятствуете исполнению правосудия...

Жюль Перро изумленно уставился на него. Челюсть у него отвисла. Руки дрожали.

— Говорите, — приказал Пуаро. Голос у него стал уверенным и властным. — Нам нужна точная информация, так что будьте любезны. Сколько вам заплатили и кто вам заплатил?

— Я не хотел ничего плохого... я и понятия не имел... я даже подумать не мог...

— Кто и сколько?

— П-пять тысяч франков. Я этого человека никогда не видел раньше. Я... это меня погубит...

— Единственное, что и в самом деле может вас погубить, — это молчание. Ну, продолжайте, самое главное нам уже известно. Расскажите подробнее, как это случилось.

Пот струился по его лицу. Жюль Перро заговорил быстро, отрывисто.

— Я не хотел ничего плохого... Клянусь честью, я не хотел ничего плохого. Вошел человек. Он сказал, что собирается на следующий день лететь в Англию. Он хотел бы переговорить с мадам Жизелью по поводу определенной суммы денег, которую он намеревался одолжить у нее, но он предпочел бы, чтобы их встреча выглядела случайной. Он сказал, что тогда у него будет больше шансов. Ему было известно, что она собирается в Англию на следующий день. Единственное, что я должен был сделать, — это сказать, что на утренний рейс все билеты проданы, и предложить ей место номер два в «Прометее». Я клянусь вам, господа, что я не усмотрел в том ничего дурного. «Какая, в конце концов, разница?» — вот что я подумал. Американцы все такие — ради бизнеса они готовы на самые необычные уловки.

— Американцы? — прервал его Фурнье.

— Да, тот мсье был американцем.

— Опишите его.

— Он был высоким, сутулым, у него были седые волосы, большие очки в черепаховой оправе и козлиная бородка.

— А себе он купил билет?

— Да, мсье, на место номер один — соседнее с тем... с тем, которое я должен был предложить мадам Жизели.

— На чье имя он заказал билет?

— Сайлес... Сайлес Харпер.

— Но в самолете не было человека с таким именем и место номер один было свободно.

Пуаро в задумчивости покачал головой.

— Да, я прочитал в газетах, что никого с таким именем в самолете не было. Поэтому я и подумал, что все это не имеет никакого значения. Поскольку тот человек не полетел на «Прометее»...

Фурнье взглянул на него холодно.

— Вы скрыли от полиции важную информацию, — сказал он. — Это все очень серьезно.

И они с Пуаро вышли из конторы, даже не взглянув на испуганно тарасившегося им вслед Жюля Перро. На тротуаре Фурнье снял шляпу и поклонился:

— Поздравляю вас, мсье Пуаро! Что вас натолкнуло на эту мысль?

— Две совершенно не связанные между собой фразы. Одну я услышал утром в нашем самолете: какой-то человек сказал, что, когда он летел в день убийства, салон самолета был наполовину пуст. Вторую фразу произнесла Элиза — она сказала, что звонила в офис «Юниверсал эйрлайнз» и на утренний рейс не было билетов. Эти два высказывания противоречили друг другу. Я вспомнил, что стюард на «Прометее» сказал, что раньше он видел мадам на утреннем рейсе — ясно, что обычно мадам летала рейсом 8.45.

Но кто-то хотел, чтобы она полетела двенадцатичасовым рейсом, — кто-то уже купил билет на «Прометей». Почему служащий сказал, что билетов на утренний рейс нет? Было это ошибкой или умышленной ложью? Я предположил последнее... И оказался прав.

— С каждой минутой этот случай становится все более загадочным! — воскликнул Фурнье. — Сначала нам показалось, что мы вышли на след женщины. Теперь мы обнаружили, что замешан мужчина. Этот американец... — Он умолк и многозначительно посмотрел на Пуаро.

Тот кивнул.

— Да, мой друг, — сказал он. — Так легко быть американцем — здесь, в Париже! Нужно говорить в нос... жевать резинку... небольшая козлиная борода... огромные очки в черепаховой оправе — все аксессуары настоящего американца...

Он достал из кармана страничку, вырванную из журнала «Скетч».

— Что это вы там рассматриваете?

— Графиню в купальном костюме.

— Вы думаете... Ну нет, она ведь маленькая, очаровательная, хрупкая — она не могла перевоплотиться в высокого сутулого американца. Она была раньше актрисой, верно, но такая роль ей явно не по плечу — в этом не может быть сомнений.

— А я и не говорил ничего подобного, — возразил Эркюль Пуаро.

И с серьезным видом продолжал рассматривать вырванную из журнала страницу.

Глава XII

В ХОРБЕРИ-ЧЕЙС

Лорд Хорбери стоял возле буфета и с рассеянным видом накладывал себе в тарелку почки.

Стивену Хорбери было двадцать семь лет, у него был продолговатый череп и решительный подбородок. Он выглядел именно так, как и должен был выглядеть спортивный молодой человек, проводящий много времени на свежем воздухе и не наделенный особо блестящим умом. Он был добродушен, слегка педантичен, чрезвычайно порядочен и невероятно упрям.

Он поставил полную тарелку на стол и принялся за еду. Развернув было газету, он тотчас же, нахмурившись, отложил ее в сторону. Затем он отодвинул недоеденную тарелку, пригубил кофе и встал из-за стола. Помедлив минуту в нерешительности, он слегка кивнул и вышел из столовой. Пройдя через просторный холл, он поднялся наверх и, постучав в дверь, замер в ожидании. Изнутри отозвался высокий мелодичный голос: «Войдите!» Лорд Хорбери вошел.

Спальня была большая, светлая, с окнами на южную сторону. Сисели еще не вставала — она лежала в великолепной, елизаветинского стиля, дубовой кровати. Сисели была очень хороша в розовом шифоновом халате, с золотистыми локонами, ниспадающими на плечи. На столике перед ней стоял поднос с остатками завтрака — апельсиновым соком и кофе. Сисели просматривала письма. В комнате неслышно хлопотала горничная.

У кого угодно захватило бы дух при виде столь очаровательного создания, но на лорда Хорбери прелести жены не производили ни малейшего впечатления.

В свое время — три года назад — от красоты Сисели у него кружилась голова и перехватывало дыхание. Он был страстно, дико, безумно влюблен. Все это давно прошло. Он был тогда сумасшедшим. Теперь он вполне нормален.

Леди Хорбери посмотрела на него с удивлением:

— В чем дело, Стивен?

— Я хотел бы поговорить с тобой наедине, — раздраженно ответил он.

— Мадлен, — обратилась леди Хорбери к горничной, — оставь все это и выйди.

— Tres bien^[23], — пробормотала француженка и, бросив украдкой взгляд на лорда Хорбери, вышла из комнаты.

Лорд Хорбери подождал, пока она закроет за собой дверь, и сказал:

— Я хочу знать, Сисели, с чего это у тебя вдруг возникла идея приехать сюда.

Леди Хорбери пожала плечами:

— А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? Мне кажется, вполне достаточно причин, чтобы мы держались на расстоянии.

— Ах, причин... — пробормотала его жена.

— Да, причин. Я надеюсь, ты не забыла, что, принимая во внимание наши нынешние отношения, мы договорились прекратить этот фарс с совместным проживанием. Ты получила дом и щедрое — очень щедрое — содержание. Ты вольна поступать как тебе заблагорассудится, в определенных пределах, разумеется. К чему же это внезапное возвращение?

Сисели опять пожала плечами:

— Я подумала, так будет лучше.

— Я полагаю, тебе нужны деньги?

— Боже мой, как я ненавижу тебя, — ответила леди Хорбери. — Ты самый скупой человек на свете.

— Скупой? Ты говоришь, скупой, а ведь именно из-за тебя, из-за твоей безумной расточительности пришлось заложить Хорбери.

— Хорбери! Тебя ничто не волнует, кроме твоего Хорбери. Лошади и охота, стрельба и урожай, да еще эти занудные старые фермеры. Боже мой, что за жизнь для женщины!

— Некоторым женщинам это нравится.

— Да, таким, как Венеция Керр, которая сама наполовину лошадь. Вот на такой тебе и надо было жениться.

Лорд Хорбери подошел к окну.

— Поздно об этом говорить. Я женился на тебе.

— И теперь тебе никуда от этого не деться. — Сисели злорадно засмеялась. — Ты бы очень хотел от меня избавиться, но у тебя ничего не выйдет.

— Может быть, не стоит об этом? — сказал он.

— Ну конечно, ты ведь так богобоязнен и воспитан в старых традициях! Все мои друзья просто лопаются от смеха, когда я им пересказываю твои рассуждения.

— Ну и пожалуйста, если это доставляет им удовольствие. Давай лучше вернемся к предмету нашего разговора — причинам твоего здесь появления.

Но жена продолжала свое:

— Ты поместил объявление в газетах, что не несешь ответственности за мои долги. Может быть, ты считаешь это джентльменским поступком?

— Мне очень жаль, но я был вынужден пойти на этот шаг. Я ведь тебя предупреждал, вспомни — я платил дважды. Должны же быть какие-то пределы! Твое опасное пристрастие к азартным играм... Впрочем, не стоит об этом... Я хочу знать, что побудило тебя вернуться в Хорбери. Ты всегда ненавидела сельскую жизнь, тебе всегда было смертельно скучно здесь.

Сисели Хорбери нахмурилась и неохотно ответила:

— Я думала, так будет лучше, по крайней мере сейчас.

— Лучше, по крайней мере сейчас? — в задумчивости повторил он ее слова. Затем резко спросил: — Сисели, ты занимала деньги у этой старой французенки?

— Ты о ком? Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем идет речь. Я говорю о той женщине, которая была убита в самолете, летевшем из Парижа, — в самолете, на котором ты возвращалась домой. Ты занимала у нее деньги?

— Нет, конечно же нет. Что это тебе пришло в голову!

— Подумай хорошенько, не пытайся меня обмануть, Сисели. Если эта женщина ссужала тебя деньгами, ты должна мне признаться. Вспомни — следствие по делу еще не закончилось, в коронерском вердикте говорится о преднамеренном убийстве, совершенном неизвестным или неизвестными. Расследованием занята полиция двух стран. Они в конце концов докопаются до правды — это лишь вопрос

времени. Наверняка эта женщина оставила какие-то деловые записи. Мы должны быть готовы заранее к тому, что кто-то может найти какие-то факты, свидетельствующие о твоей связи с ней. Нужно проконсультироваться с Фулксом. — «Фулкс, Вилбрахам и Фулкс» — так называлась семейная адвокатская контора, которая в течение столетий вела дела рода Хорбери.

— Но разве недостаточно того, что я уже выступала на этом чертовом суде и сказала, что никогда в жизни не слышала ничего об этой женщине?

— Не думаю, чтобы это было очень убедительно, — сухо сказал муж. — Если у тебя и в самом деле были какие-то дела с Жизелью, то можешь быть уверена — полиция обязательно докопается.

Возмущенная Сисели резко села.

— Может, ты думаешь, это я ее убила? Встала там в самолете и пульнула в нее стрелой из трубки. Бред!

— Все это действительно звучит странно, — согласился Стивен, — но я хочу, чтобы ты осознала свое положение.

— Какое положение? Нет никакого положения. Да ты ведь не веришь ни единому моему слову! Ужасно! И кстати, ты-то почему так волнуешься за меня? Просто необычайно волнуешься. Ты ведь не любишь меня. Ты меня ненавидишь. Ты будешь счастлив, если я завтра помру. К чему притворство?

— Мне кажется, ты несколько преувеличиваешь. Я знаю, ты считаешь меня старомодным, и я действительно прежде всего забочусь о чести моего имени, о репутации Хорбери. Тебе, возможно, подобные чувства кажутся устаревшими, и ты презираешь меня за это. И тем не менее.

Резко повернувшись, он вышел из комнаты.

У него на виске стала вдруг пульсировать жилка. Множество мыслей роилось в его голове:

«Не люблю? Ненавижу? Да, верно. Обрадуюсь, если завтра она умрет? Боже мой, это и в самом деле так. Я бы почувствовал себя узником, выпущенным из тюрьмы. Какая все-таки чудовищно странная штука — жизнь. Когда я впервые увидел ее в „Ду ит нау“, она казалась ребенком, восхитительным ребенком — такая чистая, такая милая... Желторотый дурак! Я просто сходил с ума по ней... Идиот! Я считал ее совершенством, а она всегда была такой, как сейчас, —

вульгарной, порочной, глупой, злобной... А сейчас я уже даже не замечаю, насколько она привлекательна».

Он свистнул — тут же подбежал и уставился на него преданными глазами его любимый спаниель.

— Ну что, старушка Бетси? — сказал лорд Хорбери и потрепал лохматые уши.

Он подумал: «Довольно странное оскорбление — назвать женщину сукой. Такая сука, как ты, Бетси, стоит почти всех женщин, с которыми мне доводилось встречаться, вместе взятых».

Он напялил свою старую рыбацкую шляпу и вышел из дома, сопровождаемый собакой. Неторопливая бесцельная прогулка по окрестностям начала понемногу успокаивать его взвинченные нервы. Он потрепал за холку своего любимого охотничьего пса, перекинулся парой слов с грумом, затем пошел на ферму и поболтал немного с женой фермера. Когда он с Бетси, бежавшей следом, прогуливался по узкой аллее, ему повстречалась Венеция Керр — она была верхом на гнедой кобыле.

На лошади она выглядела просто великолепно. Лорд Хорбери посмотрел на нее с восхищением и любовью.

— Привет, Венеция!

— Привет, Стивен!

— Ты откуда? Проехалась по участку?

— Да, славная лошадка, не правда ли?

— Первоклассная. А ты видела ту двухлетку, которую я купил на аукционе в Чаттислее?

Они поговорили немного о лошадях. Потом он сказал:

— Кстати, Сисели здесь.

— Здесь, в Хорбери?

Венеция не хотела показывать свое удивление, но не смогла сдержаться, и голос выдал ее.

— Да, вернулась вчера вечером.

Они помолчали. Затем Стивен спросил:

— Венеция, ты была на коронерском следствии. Как... э-э... как оно проходило?

Она на какое-то мгновение задумалась.

— Ну, никто не сказал ничего такого — ты понимаешь, что я имею в виду.

— Полицейским не удалось ничего разузнать?

— Нет.

— Наверное, все это было для тебя весьма неприятно?

— Да, удовольствия, конечно, в этом мало. Но не могу сказать, чтобы это было особенно тяжело. Коронер был довольно любезен.

Стивен уставился на изгородь с отсутствующим видом.

— Я вот что хочу спросить, Венеция, — у тебя есть какие-нибудь подозрения, кто это сделал?

Венеция медленно покачала головой:

— Нет.

Она помолчала, обдумывая, как бы ей потактичнее выразить то, что она хотела сказать. Наконец ей удалось подобрать слова, и, слегка усмехнувшись, она проговорила:

— Во всяком случае, не Сисели и не я. Это мне точно известно. Она все время видела меня, а я ее.

Стивен тоже рассмеялся.

— Ну, тогда все в порядке, — с облегчением сказал он.

Он постарался свести все к шутке, но она ясно слышала, что в его голосе звучала неподдельная радость. То есть он и в самом деле предполагал...

Она не стала додумывать свою мысль до конца.

— Венеция, — сказал Стивен, — мы ведь так давно с тобой знакомы, не так ли?

— О да. Ты помнишь эти ужасные танцевальные классы, куда мы с тобой ходили в детстве?

— Еще бы не помнить!.. Наверное, я могу говорить с тобой откровенно?..

— Ну конечно же. — Она помедлила, а потом продолжала спокойно, словно говорила о чем-то само собой разумеющемся: — О Сисели, очевидно?

— Да. Послушай, Венеция, как ты думаешь, могли быть у Сисели какие-нибудь дела с этой Жизелью?

— Я не знаю, — медленно ответила она. — Я ведь была в это время на юге Франции. Я не в курсе ле-пинэетских сплетен.

— А как ты думаешь?

— Честно говоря, я не слишком бы удивилась, если это так.

Стивен задумчиво кивнул. Венеция проговорила тихо:

— Стоит ли тебе так из-за этого волноваться? Вы ведь живете довольно... э-э... обособленно друг от друга. Это все касается только ее, ты тут ни при чем.

— Поскольку она все еще моя жена, это касается и меня.

— А смог бы ты... э-э... пойти на развод?

— То есть предоставить в ее распоряжение достаточно убедительный повод? Я сомневаюсь, что она на это согласится.

— А ты развеялся бы с ней, если бы у тебя появилась такая возможность?

— Разумеется, если у меня будут основания, — мрачно ответил он.

— Мне кажется, — сказала задумчиво Венеция, — ей это отлично известно.

— Да.

Они помолчали. Венеция думала: «У нее мораль кошки. Уж я-то прекрасно знаю. Но она осторожна. В таких делах она хитра и изворотлива». Вслух она сказала:

— И что же, ничего нельзя поделать?

Он покачал головой. Затем спросил:

— Если бы я был свободен, Венеция, ты вышла бы за меня замуж?

Глядя прямо между ушей своей лошади, она ответила нарочито спокойным голосом:

— Думаю, что да.

Стивен! Она всегда любила Стивена. Еще в те давние времена, когда они, совсем юные, ходили в танцевальные классы, охотились на лисят и разоряли птичьи гнезда. Стивен тоже любил ее. Правда, любил недостаточно сильно, чтобы это могло уберечь его от дикой, отчаянной, сумасшедшей страсти к этой хористке — умной, расчетливой кошке...

Стивен сказал:

— Мы чудесно жили бы вместе...

Перед его глазами вставали картины: охота... чай со сдобными булочками... запах прелой земли и листьев... дети... Все то, чего не могло быть у них с Сисели. Глаза его затуманились. И тут он услышал, что Венеция говорит ему все тем же — спокойным и ровным — голосом:

— Стивен, послушай, как ты думаешь, послушай, что я тебе скажу... Если мы убежим вместе, Сисели будет вынуждена дать тебе развод?

Он возмущенно оборвал ее:

— Боже мой, неужели ты думаешь, что я позволил бы тебе пойти на это?

— Последствия меня не волнуют.

— Меня волнуют. — Он дал понять ей, что разговор закончен.

Венеция думала: «Вот так вот. Жаль, очень жаль. Он полон предрассудков, и с этим ничего нельзя поделать. Но он такой чудесный. Я не хотела бы, чтобы он изменился».

Вслух она сказала:

— Ну, Стивен, мне пора.

Она пяткой тронула лошадь с места. Когда Венеция повернулась, чтобы помахать ему на прощание, их глаза встретились. И в этом взгляде было все то, чего не было в их осторожных словах.

Свернув за поворот аллеи, Венеция уронила свой хлыст. Случайный прохожий поднял его с несколько преувеличенно вежливым поклоном.

«Иностранец, — поблагодарив его, подумала она. — Мне кажется, я уже где-то видела его лицо». Она стала рассеянно перебирать в памяти летние дни, проведенные в местечке Жюан-ле-Пен, в то время как мысли ее были заняты Стивеном.

Только когда она уже подъезжала к дому, ее словно что-то толкнуло и вывело из состояния напоминающей легкую дремоту забывчивости.

«Это тот самый человек, который уступил мне свое место в самолете. На коронерском следствии говорили, что он сыщик».

И тут же ее пронзила другая мысль: «Что он здесь делает?»

Глава XIII

У АНТУАНА

На следующее утро после коронерского следствия Джейн пришла на работу к Антуану не без некоторого душевного трепета.

Настоящее имя человека, обычно представлявшегося мсье Антуаном, было Эндрю Лич, и единственным основанием для его притязаний на иностранное происхождение могло служить только то, что мать у него еврейка. Он приветствовал Джейн зловещим кивком.

Он уже привык говорить на ломаном английском в районе Брутон-стрит. Это стало его второй натурой.

Он считал, что Джейн вела себя в этой истории как абсолютная imbecile^[24]. И кстати, с чего это она вдруг решила лететь самолетом? Что за странная идея!

Ее неосторожность может создать для его заведения множество проблем. Когда он, сорвав на ней свое скверное настроение, отпустил наконец Джейн, ее подруга Глэдис ободряюще ей подмигнула.

Глэдис была хрупкой блондинкой с надменными манерами, с клиентами она разговаривала негромко, профессионально бесстрастным голосом, хотя обычно говорила хрипло и язвительно.

— Не расстраивайся, милочка, — сказала она Джейн. — Эта старая скотина держит нос по ветру. А ветер, поверь мне, будет для тебя попутным. Ну вот тебе и на, милочка, заходит моя старая карга, черт бы ее побрал. Наверняка у нее, как всегда, один сплошной приступ раздражения. Надеюсь, она не притащила с собой эту проклятушую собачонку?

Всего лишь через минуту голос Глэдис звучал негромко, с профессионально любезными интонациями:

— Доброе утро, мадам. А что же вы не взяли с собой вашего очаровательного мопса? Сначала мы вымоем голову шампунем, а когда у нас все будет готово, вами сможет заняться мсье Анри.

Джейн в этот момент вошла в смежный кабинет, где ее ждала женщина с рыжими, крашенными хной волосами. Она внимательно рассматривала свое лицо в зеркало и говорила подруге:

— Милочка, сказать по правде, сегодня я выгляжу слишком уж безобразно...

Подруга, со скучающим видом перелистывавшая «Скетч» трехнедельной давности, равнодушно ответила:

— Ты так считаешь, дорогая? А по-моему, как всегда.

При появлении Джейн скучавшая подруга прервала тщательное изучение «Скетча» и с нескрываемым любопытством уставилась на нее.

Потом она закончила свою фразу:

— Да, да, милочка, я абсолютно в этом уверена.

— Доброе утро, мадам! — сказала Джейн с радостным выражением, которого от нее ожидали и которое появлялось у нее на лице совершенно автоматически, без каких бы то ни было усилий.

— Вы долго не заглядывали к нам. Наверное, отдыхали за границей?

— В Антибе, — сказала женщина с крашеными рыжими волосами и тоже уставилась на Джейн с искренним интересом.

— Как это чудесно, — сказала Джейн с наигранным энтузиазмом. — Позвольте-ка взглянуть. Вымыть шампунем и уложить, или сегодня вы хотите их подкрасить?

Отвлекшись на мгновение от Джейн, рыжеволосая женщина наклонилась вперед, чтобы тщательно осмотреть свою прическу.

— Да нет, пожалуй. Лучше я зайду через недельку. Боже мой, как ужасно я выгляжу!

Ее подруга сказала:

— Но, дорогая, чего же ты еще хочешь в такую рань.

— О, подождите немного, и мсье Жорж сможет вами заняться, — сказала Джейн.

— Послушайте. — Женщина снова повернулась к ней. — Вы та самая девушка, которая давала вчера показания на коронерском следствии, — девушка из самолета?

— Да, мадам.

— Как все это ужасно. Расскажите-ка мне поподробнее.

Джейн постаралась ей угодить:

— Да, мадам, действительно, было очень страшно. Это верно.

Она стала рассказывать, по ходу дела отвечая на вопросы. Как выглядела эта старушка? А правда ли, что там были два французских

детектива и что все это связано со скандалом во французском правительстве? И леди Хорбери летела тем же самолетом? Она и в самом деле так хороша, как говорят? И кто, по мнению Джейн, был убийцей? Говорят, что это дело замалчивается по соображениям государственной важности... и так далее в том же духе... Этот разговор был первым из множества других, абсолютно таких же. Все хотели, чтобы их обслужила непременно «девушка, которая была в самолете». После этого можно было рассказывать подругам: «Знаешь, дорогая, просто невероятно. Девушка в моей парикмахерской — *та самая*... На твоём месте я бы тоже сходила. Там прекрасно делают причёску... Ее зовут Жанна — худенькая такая, большеглазая. Она тебе все расскажет, если ее как следует попросить...»

К концу недели Джейн почувствовала, что ее нервы на пределе. Иногда ей казалось, что если ей придется повторить все еще хотя бы раз, то она закричит и запустит в любопытную клиентку сушилкой.

Однако в конце концов она нашла более приемлемый способ облегчить свои страдания — она подошла к мсье Антуану и дерзко потребовала повысить ей жалованье.

— И вы еще смеете требовать? И у вас еще хватает на это наглости, когда я только по доброте своего сердца держу вас здесь — после того, как вы оказались замешаны в деле об убийстве. Многие, менее добросердечные, чем я, выгнали бы вас немедленно.

— Ерунда, — холодно ответила Джейн. — Я привлекаю сюда клиентов, и вам это известно. Если вы хотите, чтобы я ушла, я уйду. Я легко могу получить то, что мне нужно, у Анри или в «Мэзон Рише».

— Да кто узнает о том, что вы перешли работать туда? Что вы за птица такая важная?

— На коронерском следствии я познакомилась с парой репортеров, — сказала Джейн. — Любой из них сделает все необходимое, чтобы о моем новом месте работы стало широко известно.

Испугавшись, что Джейн и в самом деле собирается так сделать, мсье Антуан с ворчанием уступил всем ее требованиям. Глэдис, узнав об этом, захлопала в ладоши от радости за подругу.

— Все великолепно, дорогая моя! — воскликнула она. — Куда уж теперь нашему Эндрю с тобой тягаться. Девушка должна уметь

постоять за себя, иначе я даже не представляю, что со всеми нами будет. Ты стала такой храброй, дорогая, я просто без ума от тебя.

— Что ж, я могу за себя постоять, — сказала Джейн, воинственно вздернув подбородок. — Я вынуждена была этим заниматься всю свою жизнь.

— Ты весьма решительно настроена, милочка, и продолжай вести себя с Эндрю в том же духе. Он тебя станет уважать еще больше. Кротость в нашем мире не ценится, впрочем, я не думаю, что кто-нибудь из нас страдает от ее избытка.

Повторяя изо дня в день свое повествование с небольшими вариациями, Джейн постепенно стала воспринимать это как своего рода роль.

Ужин и посещение театра, о которых они договорились с Норманом Гейлом, прошли как нельзя лучше. Это был один из тех чудесных вечеров, когда каждое слово и каждое признание, которыми они обменивались, все более обнаруживали сходство их вкусов и связывали их взаимной симпатией.

Они любили собак и не любили кошек. Они терпеть не могли устриц и были без ума от копченой лососины. Им нравилась Грета Гарбо и не нравилась Кэтрин Хепберн. Им не нравились полные женщины и нравились черные, как вороново крыло, волосы. Они не выносили слишком ярко покрашенных ногтей. Им не нравились громкие голоса, шумные рестораны и негры. Они предпочитали ездить на автобусе, а не в метро.

Казалось просто чудом, что у двух разных людей может быть столько общего.

Однажды, когда Джейн была на работе, у Антуана, она, открывая сумочку, выронила письмо от Нормана. Когда она, слегка покраснев, поспешила поднять его, Глэдис заметила это и накинулась на нее:

— Ну-ка, ну-ка, кто он, твой приятель?

— Я не понимаю, о чем ты, — отбивалась Джейн, покраснев еще больше.

— Ну-ну, давай рассказывай! Я же вижу, что это письмо не от двоюродного дедушки твоей мамы. Я не вчера на свет появилась. Кто он, Джейн?

— Это один... человек... с которым я познакомилась в Ле-Пинэ. Он дантист.

— Дантист... — повторила Глэдис с явным отвращением. — И у него, конечно, белоснежные зубы и ослепительная улыбка.

Джейн была вынуждена подтвердить, что так оно и есть на самом деле.

— У него очень загорелое лицо и яркие голубые глаза.

— Загорелое лицо может быть у кого угодно, — сказала Глэдис. — Для этого достаточно поваляться на морском берегу или купить в аптеке пузырек за два шиллинга одиннадцать пенсов. *«Мужчине к лицу легкий загар»*. Глаза — это другое дело. Но — дантист!.. Представь, если он решит тебя поцеловать, тебе будет казаться, что он вот-вот скажет: «Откройте, пожалуйста, немного пошире!»

— Не будь идиоткой, Глэдис.

— Ну нельзя же быть такой обидчивой, дорогая моя. Я вижу, ты всерьез влипла. Да, мистер Генри, уже иду... Пропади он пропадом, этот Генри! Судя по тому, как он отдает нам, девушкам, приказания, он, похоже, воображает себя самым Господом Всемогущим!

В письме Гейл предлагал поужинать в субботу вечером. В обеденный перерыв, получив свое повышенное отныне жалованье, Джейн почувствовала себя в самом бодром расположении духа.

«Подумать только, — сказала себе Джейн, — а я ведь так беспокоилась из-за того, что оказалась в самолете в тот самый день. А вышло, что все к лучшему... Жизнь и в самом деле удивительна».

Она ощутила себя настолько богатой, что решила позволить себе такую роскошь, как обед в Корнер-Хаус, где во время еды можно послушать музыку.

Столик, за который она села, был на четверых — там уже сидели женщина средних лет и молодой человек.

Женщина уже пообедала — она как раз потребовала счет, собрала свои многочисленные пакетики и ушла.

Джейн по привычке во время еды читала. Переворачивая страницу, она оторвалась на мгновение от книги и заметила, что молодой человек, сидящий напротив, пристально на нее смотрит. Его лицо показалось ей смутно знакомым.

Не успела она это подумать, как молодой человек поймал ее взгляд и поклонился:

— Прошу прощения, мадемуазель, вы меня не узнаете?

Джейн посмотрела на него внимательнее. У него было открытое симпатичное лицо, более привлекавшее своей выразительностью, чем правильностью черт.

— Нас не представили друг другу, это верно, — продолжал молодой человек, — если не считать достаточным основанием для знакомства убийство и коронерское следствие, на котором мы оба давали показания.

— Ну конечно! — воскликнула Джейн. — Как это глупо с моей стороны! Я и в самом деле подумала, что мне ваше лицо знакомо. Вас зовут...

— Жан Дюпон, — ответил молодой человек и довольно элегантно отвесил забавный поклон.

Джейн невольно вспомнила слова Глэдис, считавшей вообще излишней всякую ложную деликатность.

«Если у тебя появился парень, рядом немедленно появляется еще один. Похоже, что это закон природы. Иногда их появляется трое или четверо».

Теперь Джейн уже не вела аскетичную жизнь, в которой не было ничего, кроме утомительной работы. О ней самой можно было раньше сказать только то, что обычно пишут в официальных сообщениях о пропавших девушках: «Это была умная, жизнерадостная девушка, у нее не было поклонников...» — и т. д. Это раньше Джейн была «умной, жизнерадостной и без поклонников». Теперь, похоже, поклонники у нее уже были — мужчины так и вились вокруг нее. Не было никаких сомнений, что на лице Жана Дюпона, когда он склонился над столом, было написано нечто большее, чем обычное вежливое любопытство. Он был чрезвычайно доволен, что Джейн села за его столик. Он был не просто доволен — он был в восторге.

Джейн подумала с некоторой опаской:

«Однако он француз. Говорят, что с французами нужно держать ухо востро».

— Так, значит, вы все еще в Англии, — сказала Джейн, мысленно обругав себя за предельную бессмысленность своего замечания.

— Да. Мой отец был в Эдинбурге, он читал там лекцию, а мы остановились здесь у наших друзей. А теперь — завтра — мы возвращаемся во Францию.

— Вот оно что.

— А полиция, они все еще не произвели арест? — спросил Жан Дюпон.

— Нет, в газетах пока ничего об этом не было. Вероятно, они отступились.

Жан Дюпон покачал головой:

— Нет, нет, они не отступятся. Они работают бесшумно, — он сделал выразительный жест, — во мраке.

— Перестаньте! — встревоженно воскликнула Джейн. — У меня даже мурашки по коже пошли.

— Да, не очень-то приятно оказаться рядом, когда совершено убийство... — Додумав, он добавил: — А я оказался ближе, чем вы. Я был совсем рядом. Иногда мне даже думать об этом не хочется...

— Как вы думаете, кто это сделал? — спросила Джейн. — Я до сих пор ломаю себе голову над этим.

Жан Дюпон пожал плечами:

— Во всяком случае, не я. Она была слишком уж безобразна!

— Однако, — сказала Джейн, — я полагаю, вы охотнее убили бы безобразную женщину, чем хорошенькую?

— Отнюдь. Если женщина хорошенькая, вы ее любите... а она вас изводит... заставляет ревновать, просто сводит с ума от ревности. «Хорошо же, — говорите вы, — я ее убью. Это принесет мне облегчение».

— А разве это принесет облегчение?

— Вот это, мадемуазель, мне неизвестно, потому что я еще никогда не пробовал. — Он засмеялся, потом покачал головой. — Но безобразную старуху вроде Жизели — кому нужно ее убивать?

— Что же, можно, вероятно, взглянуть и с этой точки зрения, — сказала Джейн и вздохнула, — но, как бы то ни было, это просто ужасно — ведь когда-то и она, наверное, была молодой и хорошенькой.

— Да, да, как это верно. — Он помрачнел. — Это величайшая трагедия жизни — то, что женщины стареют.

— Вы, похоже, много думаете о женщинах и их внешности, — сказала Джейн.

— Разумеется. Едва ли есть что-нибудь интереснее этого. Вам это может показаться странным, потому что вы англичанка. Англичанин в первую очередь думает о своей работе — о деле, как он это

называет, — затем о спорте и только после этого — в лучшем случае — о своей жене. Да, да, так оно и есть. Ну, представьте себе, в маленьком отеле в Сирии поселился англичанин, и у него вдруг заболела жена. А ему самому нужно было оказаться к определенному числу где-то в Ираке. Eh bien, поверите ли, он бросил свою жену и отправился дальше, чтобы успеть по своей «служебной необходимости». И оба — он и его Жена — решили, что это совершенно естественно, они считали, что он поступил благородно и самоотверженно. Но врач, который не был англичанином, назвал его варваром. Жена, живой человек — вот что должно стоять на первом месте, а любое дело — это куда как менее важно.

— Не знаю, — сказала Джейн, — я полагаю, на первом месте должна быть работа.

— Но почему?! Ну вот и вы так же считаете. Работа нужна, чтобы зарабатывать деньги, а ухаживая за женщиной и доставляя ей удовольствие, деньги тратишь, и последнее намного благороднее и возвышенней, чем первое.

Джейн засмеялась.

— Ну что ж, — сказала она, — я, наверное, действительно предпочла бы, чтобы меня рассматривали как излишество, нужное для потакания чьим-то слабостям, чем как первейшую служебную необходимость. Я скорее предпочла бы, чтобы мужчина получал удовольствие, ухаживая за мной, и вовсе не хотела бы казаться ему службой, которую он обязан посещать.

— Никому в мире, мадемуазель, при виде вас и в голову не пришло бы ничего подобного.

Джейн слегка покраснела от серьезности его тона. Молодой человек быстро продолжал:

— До этого я был в Англии всего лишь один раз. И теперь мне было очень интересно на... следствии — так это у вас называется? — изучать трех молодых и очаровательных женщин, столь непохожих друг на друга.

— И какое у вас сложилось мнение о нас? — спросила Джейн, оживившись.

— Леди Хорбери... о, этот тип женщин мне прекрасно знаком. Весьма экзотичные и требующие огромных расходов. Вы только взгляните на такую, когда она сидит за столиком для игры в

баккара, — нежное лицо с застывшим на нем хищным выражением, и вы без труда можете себе представить, как оно будет выглядеть, ну, скажем, лет через пятнадцать. Ради острых ощущений — вот ради чего она живет. Во имя игры по-крупному, а еще, возможно, ради наркотиков... Au fond^[25], она не представляет для меня никакого интереса!

— А мисс Керр?

— О, она настоящая англичанка. Она принадлежит к тем, кому любой лавочник на Ривьере без колебаний откроет кредит, а они очень проницательны, наши лавочники. Ее одежда прекрасно сшита, но покроем напоминает отчего-то мужскую. Ходит она с таким видом, словно ей принадлежит весь земной шар. Она этим не чванится — просто она англичанка! Ей известно, кто из какой части Англии родом. Я это точно знаю. Я сам однажды слышал, как одна такая леди разговаривала с кем-то в Египте: «Что? Здесь Имяреки? Это Имяреки из Йоркшира? О, Имяреки из Шропшира».

Жан Дюпон так мастерски изобразил протяжное аристократическое произношение, что Джейн рассмеялась.

— И наконец, я, — сказала она.

— И наконец, вы. И я сказал тогда себе: «Как было бы хорошо, как было бы чудесно, если бы мне когда-нибудь вновь довелось увидеть ее». И вот я сижу напротив вас. Боги иногда все просто великолепно устраивают.

Джейн спросила:

— Вы ведь археолог, не так ли? Вы занимаетесь раскопками?

Жан Дюпон принялся рассказывать о своей работе. Джейн слушала с неподдельным интересом, потом вздохнула:

— Вы путешествовали по самым разным странам. Вы так много видели. Все это необычайно увлекательно. А я вот никогда никуда не поеду и ничего не увижу.

— А вам бы хотелось... съездить за границу... увидеть дикие уголки земли? Но имейте в виду, что там у вас не будет возможности завивать волосы.

— Они у меня сами выются, — со смехом ответила Джейн.

Она взглянула на часы и поспешила позвать официантку, чтобы расплатиться.

Жан Дюпон, слегка смутившись, проговорил:

— Мадемуазель, я хотел бы спросить, если бы вы позволили... как я вам уже говорил, завтра я возвращаюсь в Париж... если бы вы смогли поужинать со мной сегодня вечером.

— К сожалению, я не могу. Я уже приглашена сегодня на ужин.

— Ах! Какая жалость! Но вы ведь приедете в ближайшее время в Париж?

— Едва ли.

— А я, я даже не знаю, когда я снова смогу приехать в Лондон! Неправда ли, это весьма печально?

Прощаясь, он несколько дольше, чем принято, задержал руку Джейн в своей.

— Я надеюсь снова вас увидеть, я очень надеюсь, — сказал он с необычайно серьезным видом.

Глава XIV

В МАСВЕЛЛ-ХИЛЛ

Примерно в то же время, когда Джейн выходила от Антуана, Норман Гейл говорил профессионально доброжелательным тоном:

— Боюсь, придется вас немного побеспокоить... Дайте мне знать, если вам будет больно...

Его опытная рука ловко управлялась с бормашиной.

— Ну вот и все. Мисс Росс?

Сбоку в тот же миг возникла мисс Росс, растирая на дощечке какое-то белое месиво.

Норман Гейл закончил пломбировать зуб и сказал:

— Позвольте-ка взглянуть... значит, остальными мы займемся в следующий вторник?

Его пациентка, старательно прополоскав рот, пустилась в пространные объяснения. Дело в том, что она уезжает... она очень сожалеет... но она вынуждена отменить следующий визит. Да, конечно, она даст ему знать, когда вернется.

И она поспешила выйти из кабинета.

— Ну вот, — проговорил Норман Гейл, — на сегодня все.

Мисс Росс сказала:

— Звонила леди Хиггинсон. Она сообщила, что вынуждена отменить свое посещение на следующей неделе. Она не ответила, какой день ее устроил бы. Ах да, еще и полковник Блант не сможет прийти в четверг.

Норман Гейл кивнул. Его лицо окаменело.

Каждый день повторялось одно и то же. Звонили пациенты. Отменяли назначенные посещения. Можно было услышать всевозможные варианты извинений: они уезжают... уезжают за границу... простудились... не смогут сюда приехать...

Не имело значения, какие именно объяснения они приводили, подлинную причину отказов Норман только что совершенно явственно увидел в глазах своей последней пациентки, когда наклонился к ней с бором в руке, — охвативший ее внезапно ужас...

Ему казалось, что он читает ее мысли.

«Ох мамочки, ведь он был в том самом самолете, когда убили ту женщину... Хотелось бы мне знать... Не раз доводилось слышать о людях, теряющих над собой контроль и совершающих самые бессмысленные преступления. Похоже, это небезопасно. Он ведь может вдруг оказаться маньяком-убийцей. Я слышала, что внешне они часто ничем от нормальных людей не отличаются... И ведь действительно, я всегда чувствовала в его взгляде что-то не совсем обычное...»

— Ничего не поделаешь, — сказал Гейл, — похоже, мисс Росс, что следующая неделя выдаться довольно спокойной.

— Да, очень многие не смогут прийти. Ну что же, вы тогда отдохнете. Вы так много работали в начале лета.

— Похоже на то, что осенью мне едва ли доведется напряженно поработать, верно?

Мисс Росс не ответила. От необходимости отвечать ее избавил телефонный звонок. Она поспешила выйти из кабинета, чтобы снять трубку.

Норман, складывая инструменты в стерилизатор, напряженно думал:

«Так, нужно взглянуть правде в глаза. Не стоит заниматься самообманом. Вся эта история практически полностью подорвала мою практику. Забавно, но Джейн это, наоборот, принесло пользу. Клиентки приходят и глазеют на нее открыв рот. Подумать только, все поставлено с ног на голову — они *должны* были бы как раз у меня открывать рот, а им этого не хочется! Сидя в зубоврачебном кресле, ощущаешь себя ужасно беспомощным. Если зубной врач вдруг сойдет с ума...

Все-таки странная это штука — убийство. Казалось бы, оно должно привести к совершенно определенным последствиям, однако это отнюдь не так. Оно может затронуть совершенно неожиданные сферы и привести к совершенно непредсказуемым результатам... Однако вернемся к фактам. Как дантист я, кажется, близок к полному краху... Хотелось бы мне знать, чего следует ожидать, если арестуют эту Хорбери. Поспешат ли мои пациенты дружной толпой вернуться обратно? Трудно сказать. Если уж эта чертовщина однажды засела в мозгах... А, в конце концов, какая разница? Мне на это наплевать. Да, да, наплевать — ведь есть Джейн... Джейн просто восхитительна. Я не

могу без нее. И я не могу быть с ней — до тех пор, пока... Чертовски досадно. — Он улыбнулся. — Я чувствую, что все будет в порядке... Она тоже влюблена... Она будет ждать... Черт побери, я отправлюсь в Канаду, да, вот именно — в Канаду, и буду там заколачивать деньги».

Он рассмеялся про себя.

Мисс Росс вернулась в кабинет.

— Это была миссис Лорри. Она очень извинялась...

— Но ей нужно срочно отправляться в Тимбукту, — закончил Норман. — *Vive les rats*^[26]! Похоже, вам стоит поискать себе другое место, мисс Росс. Это судно, кажется, идет ко дну.

— О, мистер Гейл, я вовсе не собираюсь покидать вас...

— Вы хорошая девушка. Вы-то уж ни в коем случае не крыса. Но я говорил совершенно серьезно. Если ничего не произойдет и эта история не прояснится, то мне пришел конец.

— Но ведь *нужно* что-то делать! — запальчиво воскликнула мисс Росс. — Мне кажется, это просто *позор* для полиции. Они ведь *ничего* не предпринимают.

Норман засмеялся:

— Я думаю, они предпринимают все, что нужно.

— Но ведь должен хоть кто-нибудь что-то сделать!

— Вы совершенно правы. Я уже подумал — не предпринять ли мне самому что-нибудь, хотя я не вполне представляю себе, что именно.

— О, мистер Гейл, я бы на вашем месте попробовала. Вы такой умный.

«Этой девушке я кажусь настоящим героем, — подумал Норман Гейл. — Она охотно помогла бы мне в моей затее со слезкой, но у меня уже есть на примете другой компаньон».

Это был тот самый вечер, когда они ужинали вместе с Джейн. Он притворялся, что находится в прекрасном расположении духа, но Джейн была слишком проницательна, чтобы ее можно было провести. Она заметила, что время от времени он становился рассеянным, хмурился, губы его плотно сжимались.

Наконец она спросила:

— Что, Норман, дела идут неважно?

Он бросил на нее быстрый взгляд, потом отвел глаза в сторону.

— Ну, скажем, все не так великолепно, как обычно. Сейчас не самое удачное для работы время года.

— Не притворяйтесь идиотом! — оборвала его Джейн.

— Джейн!

— Вот именно. Думаете, я не вижу, что вы чем-то до смерти встревожены?

— И вовсе я не до смерти встревожен. Я просто несколько обеспокоен.

— Вы имеете в виду, что пациенты опасаются...

— Лечить зубы у подозреваемого в убийстве? Вот именно.

— Но это же чертовски несправедливо!

— Да, к сожалению. Ведь если говорить честно, Джейн, я очень хороший дантист. И я не убийца.

— Но нельзя же это так оставлять! Должен ведь хоть кто-нибудь что-то сделать.

— Именно это сказала сегодня утром моя ассистентка, мисс Росс.

— А что она собой представляет?

— Мисс Росс?

— Да.

— О, даже трудно сказать. Она огромная... очень костлявая... нос как у игрушечной лошадки... ужасно компетентная в своей области.

— Судя по вашему описанию, она очень мила, — великодушно заметила Джейн.

По этой реплике Норман понял, что его искусство дипломата оценено должным образом. На самом деле кости мисс Росс не были такими уж громадными, как он их расписал, и к тому же у нее была хорошенькая головка с прекрасными рыжими волосами, но он подозревал, и совершенно справедливо, что об этом Джейн лучше не рассказывать.

— Мне хотелось бы хоть что-нибудь предпринять, — сказал он. — Если бы я был героем из книжки, я непременно нашел бы ключ к тайне или выследил кого-нибудь.

Неожиданно Джейн дернула его за рукав:

— Взгляните, здесь мистер Кланси — ну, вы его знаете, писатель, — сидит вон там, у стены, в одиночестве. Мы можем выследить его.

— Но мы собирались пойти в кино?

— Кино — ерунда! У меня такое чувство, что это может оказаться знаком свыше. Вы сказали, что хотите выследить кого-нибудь; и вот, пожалуйста, как раз появляется некто, кого можно выследить. Как знать, возможно, нам удастся что-нибудь обнаружить.

Энтузиазм Джейн оказался заразительным. Норман довольно охотно принял ее план.

— Вы верно сказали, — согласился он, — как знать, что из этого может выйти. Скоро он там справится со своим ужином? Мне, чтобы увидеть его, нужно повернуться, — не хотелось бы привлекать к себе внимание.

— Он начал, вероятно, одновременно с нами, — сказала Джейн. — Так что стоит немного поторопиться и обогнать его, тогда мы заранее оплатим счет и будем наготове, чтобы пойти за ним.

План был принят единогласно. Когда наконец коротышка мистер Кланси встал и вышел на Дин-стрит, Норман и Джейн отправились за ним по пятам.

— На тот случай, если он вздумает взять такси, — объяснила Джейн.

Но мистер Кланси не стал брать такси. Перекинув плащ через руку (так, что тот волочился по земле), он не спеша прогуливался по лондонским улицам. Передвижения его были совершенно хаотичны. То он решительно бросался вперед, а то замедлял шаги настолько, что чуть не останавливался. Собравшись было перейти через дорогу, он вдруг замер и так и стоял, с поднятой над краем тротуара ногой, словно в замедленной киносъемке.

Направление, в котором он двигался, тоже невозможно было определить. В одном квартале он столько раз повернул под прямым углом, что по два раза пересек одни и те же улицы.

Джейн воодушевилась.

— Видите? — спросила она возбужденно. — Он опасается слежки. Он старается сбить нас со следа.

— Вы так думаете?

— Ну конечно. Никто ведь не будет просто так ходить кругами.

— Верно.

Они поспешно завернули за угол и чуть не сбили с ног объект своей слежки. Тот стоял, уставившись на витрину мясной лавки.

Лавка, разумеется, была закрыта, но на уровне второго этажа, очевидно, находилось нечто, приковавшее внимание мистера Кланси.

Он громко воскликнул:

— Отлично! Это как раз то, что нужно. Какая удача!

Он достал небольшую книжку и старательно что-то записал. Затем бодрым шагом отправился дальше, мурлыкая себе под нос какую-то мелодию.

Теперь он явно направлялся в сторону Блумсбери. Время от времени, когда он поворачивал голову, двое, шедшие следом, могли видеть, что его губы шевелятся.

— Что-то сейчас должно произойти, — сказала Джейн, — он чем-то сильно взволнован. Он разговаривает сам с собой и даже не замечает этого.

Пока мистер Кланси ждал разрешающего сигнала, чтобы перейти улицу, Норман и Джейн приблизились к нему вплотную.

Так оно и было: мистер Кланси разговаривал сам с собой. Лицо у него было бледным, на нем застыло напряженное выражение. Норман и Джейн уловили из его бормотания несколько слов:

— Почему она не говорит? Почему? Должна быть причина...

Загорелся зеленый свет. Когда они перешли на другую сторону, мистер Кланси сказал:

— Теперь понятно. Ну конечно! Так вот почему она вынуждена молчать!

Джейн сильно ущипнула Нормана.

Мистер Кланси шел теперь очень быстро. Плащ покорно волочился следом. Размашистым шагом коротышка писатель спешил куда-то, не замечая, что за ним по пятам идут двое.

Вдруг, к их полному разочарованию, он остановился у какого-то дома, открыл дверь ключом и вошел внутрь.

Норман и Джейн переглянулись.

— Это его собственный дом, — сказал Норман, — Кардингтон-сквер, сорок семь. На коронерском следствии он назвал именно этот адрес.

— Ну ладно, — сказала Джейн, — может быть, он вскоре снова выйдет. И, как бы то ни было, что-то мы все-таки услышали. Кого-то — какую-то женщину — хотят заставить молчать, а какая-то другая

женщина не будет говорить. О боже, это ужасно напоминает детективную историю.

Из темноты раздался голос.

— Добрый вечер, — произнес он.

Обладатель голоса шагнул вперед. В свете фонаря стали видны великолепные усы.

— Eh bien, — сказал Эркюль Пуаро. — Прекрасный вечер для охоты, не правда ли?

Глава XV

В БЛУМСБЕРИ

Джейн и Норман Гейл остолбенели. Норман Гейл первым пришел в себя.

— Ну конечно, — сказал он, — это же мсье... мсье Пуаро. Вы все еще стараетесь снять с себя подозрения?

— О, вы помните наш короткий разговор? А вы, оказывается, подозреваете этого беднягу, мистера Кланси?

— Так же, как и вы, — проницательно заметила Джейн, — иначе что вам тут делать.

Он какое-то время задумчиво смотрел на нее.

— Вы никогда не размышляли об убийстве, мадемуазель? Я имею в виду — абстрактно размышляли, хладнокровно и бесстрастно.

— Мне кажется, что до последнего времени я вообще ни о чем подобном не задумывалась, — ответила Джейн.

Эркюль Пуаро кивнул:

— Да, а теперь вы об этом задумались, потому что убийство задело вас лично. А я, я занимаюсь преступлениями уже много лет. У меня выработался собственный подход к таким вещам. Что, по вашему мнению, самое главное, о чем нельзя ни на мгновение забывать, когда вы пытаетесь раскрыть убийство?

— Найти убийцу, — сказала Джейн.

Норман Гейл ответил:

— Свершить правосудие.

Пуаро покачал головой:

— Есть вещи более важные, чем найти убийцу. Правосудие — это, конечно, замечательное слово, но иногда бывает трудно сказать точно, что под ним имеется в виду. По моему мнению, самое главное — оправдать невиновных.

— Ну конечно, — согласилась Джейн. — Само собой разумеется. Если кого-то несправедливо обвиняют...

— И не только в этом случае. Возможно, что никого и не обвиняют прямо. Но пока неопровержимо не доказана чья-то

виновность, все остальные, кто так или иначе может иметь отношение к преступлению, тоже неизбежно страдают в той или иной степени.

— О, как верно! — воскликнул Норман Гейл.

— Нам ли не знать об этом, — согласилась Джейн.

Пуаро посмотрел на них с сочувствием:

— Я вижу. Вы уже могли убедиться в этом на собственном опыте.

Неожиданно он оживился.

— Послушайте, мне нужно кое-что предпринять. Поскольку наши цели совпадают, давайте-ка мы все трое объединимся. Я собираюсь навестить нашего талантливого друга, мистера Кланси. Я предложил бы мадемуазель сопровождать меня — в качестве моего секретаря. Вот, мадемуазель, блокнот и карандаш для того, чтобы вы могли стенографировать.

— Но я не умею стенографировать. — Джейн открыла от изумления рот.

— Ну разумеется, не умеете. Но вы весьма находчивая, смышленная девушка, вы ведь сможете достаточно правдоподобно рисовать карандашом каракули в блокноте, разве нет? Отлично. Что касается мистера Гейла, то я полагаю, мы можем встретиться с ним, скажем, через час. Ну, например, во французском ресторане, наверху. Вон! Там мы сможем обменяться впечатлениями.

И он, не медля ни секунды, подошел к двери и нажал на звонок.

Джейн, слегка ошарашенная, пошла за ним следом, стиснув в руке блокнот.

Гейл открыл было рот, чтобы возразить что-то, но, поразмыслив хорошенько, согласился.

— Хорошо, — сказал он, — через час во французском ресторане.

Дверь открыла довольно грозного вида пожилая женщина, одетая во все черное. Пуаро сказал:

— Мы хотели бы видеть мистера Кланси.

Она отступила назад, впустив Пуаро и Джейн.

— Ваше имя, сэр?

— Мистер Эркюль Пуаро.

Суровая женщина провела их наверх по лестнице, в комнату на втором этаже.

— Мистер Эйр Кьюл Протт, — объявила она.

Пуаро сразу понял, насколько был прав мистер Кланси, когда заявил в Кройдоне, что он не слишком аккуратен. В довольно длинной, в три окна комнате, заставленной книжными шкафами и полками, царил полнейший хаос. Повсюду разбросаны бумаги, картонные папки, бананы, пивные бутылки, раскрытые книги, диванные подушки, самые разные фарфоровые чашки и статуэтки, гравюры и ужасающее количество авторучек.

Посреди всей этой неразберихи стоял мистер Кланси и сражался с кинокамерой и рулоном пленки.

— О боже! — воскликнул мистер Кланси, услышав о приходе гостей, и поднял глаза. Он положил камеру, а рулон пленки тут же свалился на пол и сам собой размотался. Мистер Кланси пошел им навстречу с протянутыми руками: — Очень рад вас видеть.

— Надеюсь, вы помните меня? — спросил Пуаро. — А это мой секретарь, мисс Грей.

— Здравствуйте, мисс Грей, — он потряс ей руку и снова повернулся к Пуаро: — Да, конечно, я помню вас... по крайней мере... да, где же мы, собственно, с вами встречались? Случайно не в клубе «Череп и кости»?

— Мы летели вместе из Парижа, когда в самолете произошел известный вам роковой случай.

— Ах да, ну конечно, — сказал мистер Кланси. — И мисс Грей тоже! Только я не знал, что она ваш секретарь. Честно говоря, я почему-то думал, что она работает где-то в салоне красоты или что-то в этом роде.

Джейн сердито посмотрела на Пуаро. Тот несколько не растерялся.

— Совершенно верно, — сказал он. — Но поскольку мисс Грей весьма квалифицированный секретарь, она берется иногда выполнить определенную работу временного характера — вы понимаете?

— Конечно, — сказал мистер Кланси, — я просто запамятовал. Вы — сыщик. Настоящий, не из Скотленд-Ярда. Частное расследование. Присаживайтесь, мисс Грей. Нет, не сюда, по-моему, на это кресло я пролил апельсиновый сок. Если я переложу вот эту папку... черт побери, все вывалилось! Не обращайтесь внимания. А вы садитесь сюда, мсье Пуаро, — я правильно назвал вашу фамилию? Пуаро? *На самом деле* спинка не сломана. Она просто немного

скрипит, если на нее опереться. Однако лучше все-таки не опираться на нее *слишком* сильно. Да, частный сыщик, как и мой Вилбрахам Райс. Публика просто без ума от моего Вилбрахама Раиса. Он грызет ногти и поедает огромное количество бананов. Я не знаю, почему я некогда заставил его грызть ногти, — это довольно неприятно, но теперь уже ничего не поделаешь. Раз он начал когда-то грызть ногти, то теперь он должен делать это в каждой новой книге. Это, конечно, довольно однообразно. А вот с бананами получилось не так уж плохо, с ними можно придумать массу забавного — ну хотя бы преступник, поскальзывающийся на банановой кожуре. Я и сам все время ем бананы — вот почему они пришли мне в голову. А вот ногтей я не грызу. Не хотите пива?

— Нет, благодарю вас.

Мистер Кланси вздохнул, уселся сам и с серьезным видом посмотрел на Пуаро:

— Я догадываюсь, в связи с чем вы пришли ко мне, — вы расследуете убийство Жизели. Я очень много думал об этом случае. Что там ни говори, но, по-моему, это просто поразительно — отравленные стрелы и духовая трубка в самолете. Подобной идеей я и сам воспользовался, я вам уже говорил, как в романе, так и в одном коротком рассказе. Конечно, такое происшествие кого угодно взволновало бы, но должен вам признаться, мсье Пуаро, что я был просто потрясен.

— Да, конечно, — сказал Пуаро, — но мне кажется, что это преступление должно было заинтересовать вас с профессиональной точки зрения, мистер Кланси.

Мистер Кланси просиял:

— Вы попали в самую точку! Может быть, вы полагаете, что это понятно каждому, в том числе и официальной полиции?! Как бы не так. Подозрение — вот что выпало на мою долю как со стороны инспектора, так и на коронерском следствии. Я бросаю свои дела, чтобы помочь правосудию, и в результате что я получаю в награду? Совершенно откровенное идиотское подозрение!

— Все равно, — сказал Пуаро с улыбкой, — вас, похоже, это не слишком задевает.

— Э, — сказал мистер Кланси, — видите ли, Ватсон, у меня свои собственные методы. Если вы не возражаете против того, чтобы я

называл вас Ватсоном. Я вовсе не собирался вас этим обидеть. Интересно, кстати, насколько устойчиво сохраняется в детективе прием использования друга-простака. Я лично считаю, что достоинства рассказов о Шерлоке Холмсе сильно преувеличены. Какое множество ошибок — просто поразительных ошибок — можно обнаружить в этих рассказах... о чем, собственно, я говорил?

— Вы сказали, что у вас свои собственные методы.

— Ах да. — Мистер Кланси подался вперед. — Этого инспектора — как там его зовут, Джэпп? — да, этого инспектора я вставлю в мою следующую книгу. Вот увидите, как Вилбрахам Райе разделается с ним.

— Не успев доесть банан, если можно так выразиться.

— Да, не успев доесть банан — это вы хорошо сказали. — Мистер Кланси ухмыльнулся.

— У вас, как у писателя, есть огромное преимущество, мсье, — сказал Пуаро. — Вы можете дать выход вашим чувствам при помощи печатного слова. Вы можете побеждать ваших врагов силой своего пера.

Мистер Кланси осторожно откинулся в кресле.

— Знаете ли, — сказал он, — я начинаю думать, что это убийство может оказаться для меня удачной находкой. Я пишу сейчас большую вещь — описываю все, как оно было на самом деле, ну, беллетризуя, разумеется; книга будет называться «Тайна авиапочты». Точные портреты всех пассажиров. Она будет распродаваться со скоростью лесного пожара, если я, конечно, успею кончить ее вовремя.

— А вас не привлекут к ответственности за клевету или что-нибудь в этом роде? — спросила Джейн.

Сияющий мистер Кланси повернулся в ее сторону:

— Нет, нет, моя дорогая леди. Конечно, если бы я сделал убийцей одного из пассажиров — ну, тогда, разумеется, меня можно было бы привлечь к ответственности за причиненный ущерб. Но это-то как раз самое главное в моем замысле — в последней главе предусмотрена совершенно неожиданная развязка.

Пуаро энергично наклонился вперед:

— И какая же у вас развязка? Мистер Кланси снова ухмыльнулся.

— Остроумнейшая, — сказал он. — Остроумнейшая и сенсационная. Переодевшись пилотом, девушка проникает в самолет в

Ле-Бурже и ловко прячется под креслом мадам Жизели, У нее с собой ампула с новейшим газом. Она выпускает газ — все теряют сознание на три минуты, она вылезает наружу, выпускает отравленную стрелу и прыгает с парашютом из задней двери салона.

И Джейн и Пуаро вытаращили глаза от изумления.

— А она сама почему не потеряла сознание от газа? — спросила Джейн.

— Респиратор, — пояснил мистер Кланси.

— И она прыгает прямо в Ла-Манш?

— Это необязательно должен быть Ла-Манш — у меня это будет французское побережье.

— И потом, никто не сможет залезть под сиденье — там просто нет места.

— В моем самолете там будет достаточно места, — убежденно ответил мистер Кланси.

— Epatant^[27], — сказал Пуаро. — А каковы же мотивы этой леди?

— Я еще не решил определенно, — задумчиво произнес мистер Кланси. — Возможно, Жизель разорила любовника этой девушки, и тот покончил жизнь самоубийством.

— А где она взяла яд?

— Это у меня детально продумано, — сказал мистер Кланси. — Девушка увлекается змеями. Она собирает яд у своего любимого питона.

— Mon Dieu! — воскликнул Эркюль Пуаро и добавил: — А не кажется ли вам, что это, возможно, слишком уж сенсационно?

— Нельзя написать ничего чересчур сенсационного, — убежденно сказал мистер Кланси, — особенно когда имеешь дело с ядом для стрел, которым пользуются южноамериканские индейцы. Мне известно, что и в самом деле был использован змеиный яд, так что в принципе нет никакой разницы. И потом, вы же не хотите, чтобы детектив был совершенно похож на реальную жизнь? Вы почитайте уголовную хронику в газетах — это ужасно банально и скучно.

— Ну, ну, мсье, не хотите ли вы сказать, что наша с вами история тоже банальна и скучна?

— Нет, — признался мистер Кланси. — Иногда, знаете ли, мне самому не верится, что все это и в самом деле произошло.

Пуаро подвинул скрипнувший стул немного ближе к хозяину и заговорил, доверительно понизив голос:

— Мсье Кланси, вы человек, привычный к умственной работе, и у вас богатое воображение. Полиция, как вы говорите, отнеслась к вам с подозрением. Не нужны были им ваши советы. Но я, Эркюль Пуаро, считаю просто необходимым проконсультироваться с вами.

Мистер Кланси вспыхнул от удовольствия:

— Это очень мило с вашей стороны.

Он выглядел взволнованным и польщенным.

— Вы изучали криминологию. Ваше мнение несомненно окажется весьма ценным. Для меня было бы в высшей степени интересно знать, кто, по-вашему, совершил преступление.

— Ну... — Мистер Кланси помедлил, машинально потянулся за бананом и принялся его есть. Затем он поскущел и покачал головой: — Видите ли, мсье Пуаро, это же совершенно разные вещи. Когда вы пишете книгу, вы можете сделать убийцей кого захотите, но в настоящей жизни это, разумеется, реальный человек. У вас нет возможности распоряжаться фактами. Я боюсь, знаете ли, что я совершенно ни на что не годился бы в качестве настоящего сыщика.

Он с досадой покачал головой и бросил кожуру от банана на каминную решетку.

— Однако было бы весьма занятно нам вместе поразмышлять об этом случае? — предложил Пуаро.

— Ну разумеется.

— Допустим для начала, что вы решили рискнуть и поставить на кого-нибудь, — кого бы вы выбрали?

— Ну, я думаю, что одного из двух французов.

— А почему?

— Ну, она сама была француженка. И потом, это выглядит правдоподобнее всего. Да и сидели они как раз напротив, не так далеко от нее. Но нет, на самом деле я не имею ни малейшего представления.

— Очень многое, — заметил глубокомысленно Пуаро, — зависит от мотива.

— Конечно, конечно. Я полагаю, вы подошли научно и свели все возможные мотивы в таблицу?

— Я старомоден в своих методах. Я следую древнему изречению: ищи, кому преступление выгодно.

— Очень хорошо, — сказал мистер Кланси. — Но я думаю, что в таком случае, как наш, это довольно сложно. Я слышал, что у нее есть дочь, которая наследует деньги. Но очень многим из находившихся в салоне, насколько нам известно, это могло быть выгодно в том случае, если они одалживали у нее деньги, — теперь им не нужно будет их возвращать.

— Верно, — сказал Пуаро. — Но я не могу исключить и других возможных версий. Давайте предположим, что мадам Жизели было известно нечто — ну, скажем, о попытке убийства, совершенной одним из этих людей.

— Попытка убийства? — переспросил мистер Кланси. — Однако почему именно попытка убийства? Довольно странное предположение.

— В таких случаях, как этот, — заметил Пуаро, — можно предполагать все, что угодно.

— А-а, — махнул рукой мистер Кланси, — нет никакого толку в предположениях. Нужно *знать*.

— Вы правы, вы абсолютно правы, очень точное замечание.

Потом Пуаро спросил:

— Я прошу прощения, но эта духовая трубка, которую вы купили...

— К черту духовую трубку, — сказал мистер Кланси. — Было бы лучше, если бы я вообще никогда не упоминал о ней.

— Вы говорили, что купили ее в магазине на Чаринг-Кросс-роуд? Не помните ли вы случайно название этого магазина?

— Ну, — сказал мистер Кланси, — возможно, это было в «Эбсоломз»... или в «Митчелл и Смит». Я не помню. Но я все это уже сказал тому надоедливому инспектору. Сейчас он, наверное, все уже проверил.

— Э-э, видите ли, — сказал Пуаро, — я спрашиваю совсем по другой причине. Я хотел бы купить такую же штуку и проделать небольшой эксперимент.

— А, понятно. Но я сомневаюсь, что вы найдете точно такую же. Они ведь, знаете ли, не держат их целыми партиями.

— И все равно я попытаюсь. Может быть, мисс Грей, вы будете настолько любезны, что запишете эти два названия?

Джейн открыла блокнот и быстро изобразила несколько закорючек, похожих, как она надеялась, на профессиональную

стенографическую запись. Затем она исподтишка написала эти названия обычными буквами на обороте листка — на тот случай, если Пуаро они и в самом деле понадобятся.

— А теперь, — сказал Пуаро, — прошу прощения, я и так несколько злоупотребил вашим вниманием. Позвольте мне откланяться, приношу вам тысячу благодарностей за вашу любезность.

— Ну что вы, что вы, — сказал мистер Кланси. — Разрешите мне угостить вас бананом.

— Вы чрезвычайно любезны.

— Ну что вы, нисколько. Честно говоря, сегодня вечером я просто счастлив. У меня была одна загвоздка в рассказе, который я сейчас пишу, — он никак не выстраивался должным образом: я не мог придумать хорошее имя преступнику. Мне хотелось что-нибудь этакое, особенное. Ну и вот, всего лишь капля везения, и я увидел то самое имя, которое мне было нужно, на вывеске мясной лавки. Парджитер. Как раз то, что я искал. Оно звучит как-то весомо, основательно. А минут через пять я решил еще одну проблему. В рассказах возникает всегда одна и та же загвоздка: почему девушка молчит? Молодой человек пытается заставить ее говорить, но она заявляет, что на ее устах печать. Конечно, на самом деле нет никакой настоящей причины, чтобы не выболтать все сразу, но я вынужден что-нибудь придумывать, да еще чтобы это не казалось совершенным идиотизмом! К несчастью, каждый раз это должно быть что-то новое!

Он дружелюбно улыбнулся Джейн:

— Тяжек крест автора!

Кланси направился к книжной полке, находившейся за спиной у Джейн.

— Позвольте все же подарить вам одну вещь. — Он вернулся обратно с книгой в руке. — «Ключ к тайне багрового лепестка». Мне кажется, в Кройдоне я уже упоминал, что в этой моей книге речь как раз идет об отравленных стрелах аборигенов и о яде.

— Тысяча благодарностей. Вы так любезны.

— Ну что вы, что вы. Я заметил, — неожиданно обратился мистер Кланси к Джейн, — что вы пользуетесь не питмановской системой стенографии?

Джейн вспыхнула. Пуаро поспешил к ней на выручку:

— Мисс Грей идет в ногу со временем. Она пользуется самой последней системой стенографии, разработанной в Чехословакии.

— Да что вы говорите? Какая, должно быть, это поразительная страна — Чехословакия. Кажется, оттуда к нам идет абсолютно все — обувь, стекло, перчатки, а теперь вот система стенографии. Совершенно поразительно.

Он пожал им обоим руки:

— Жаль, что больше ничем не могу вам помочь. Они вышли, оставив печально улыбающегося Кланси в его заваленной мусором комнате.

Глава XVI

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ

От мистера Кланси они на такси отправились во французский ресторан, где их дожидался Норман Гейл.

Пуаро заказал порцию *consomme* и *chaud-froid*^[28] из цыпленка.

— Ну что? — спросил Норман. — Как ваши успехи?

— Мисс Грей, — ответил Пуаро, — оказалась секретарем просто экстра-класса.

— По-моему, я оказалась не на высоте, — сказала Джейн, — он разоблачил мой обман, когда заглянул сзади в мой блокнот. Знаете, он, наверное, очень наблюдателен.

— А, вы тоже заметили? Наш славный мистер Кланси вовсе не такой рассеянный, как может показаться на первый взгляд.

— Вам и в самом деле нужны эти два адреса? — спросила Джейн.

— Да, я думаю, они могут пригодиться.

— Но если полиция...

— А, полиция! Я не собираюсь задавать те же вопросы, что и полиция. Хотя, собственно, я вообще сомневаюсь, задавала ли полиция хоть какие-нибудь вопросы. Видите ли, им уже известно, что найденная духовая трубка куплена в Париже американцем.

— В Париже? Американцем? Но в самолете не было никаких американцев.

Пуаро доброжелательно улыбнулся ей:

— Совершенно верно. Американец здесь нужен только для того, чтобы все усложнить. *Voila tout*^[29].

— Но она была куплена мужчиной? — спросил Норман Гейл.

Пуаро посмотрел на него с каким-то странным выражением.

— Да, — ответил он, — *куплена* она была мужчиной.

Норман казался озадаченным.

— В любом случае, — сказала Джейн, — это был не мистер Кланси. У него уже была одна трубка, так что он не стал бы покупать еще одну.

Пуаро кивнул:

— Именно так нужно продолжать и дальше. Подозревать всех по очереди, а затем вычеркивать его или ее из списка.

— И многих вы уже успели вычеркнуть? — спросила Джейн.

— Не так много, как вы могли бы предположить, мадемуазель, — ответил Пуаро, и глаза его блеснули. — Видите ли, все зависит от мотива.

— А не было ли... — Норман Гейл запнулся и добавил извиняющимся тоном: — Я не хочу, разумеется, посягать на служебные тайны, но не сохранилось ли каких-нибудь записей этой женщины о ее деловых операциях?

Пуаро покачал головой:

— Все записи сожжены.

— Какая досада!

— Evidemment! Но, судя по всему, мадам Жизель успешно применяла небольшой шантаж в своей деятельности, и это оставляет нам широкое поле для предположений. Мадам Жизель владела определенной информацией криминального характера — скажем, покушение на убийство, совершенное ее клиентом.

— Есть реальные основания подозревать что-либо подобное?

— Ну да, — медленно проговорил Пуаро. — Конечно, есть — это одно из немногих документальных свидетельств по нашему делу.

Он посмотрел на их заинтересованные лица и вздохнул.

— Ну ладно, — сказал он, — не будем пока об этом. Поговорим о чем-нибудь другом, например о том, как трагедия повлияла на судьбы двух молодых людей.

— Это звучит ужасно, но я извлекла из этого пользу, — сказала Джейн.

Она рассказала о том, как ей повысили жалованье.

— Вы говорите, мадемуазель, что извлекли из этого пользу, но вполне возможно, что это ненадолго. Даже девятидневное чудо не может длиться больше девяти дней, помните об этом.

Джейн засмеялась:

— Это точно.

— Я боюсь, что со мной это может продлиться больше, чем девять дней, — сказал Норман.

Он рассказал о ситуации, в которой очутился. Пуаро сочувственно его выслушал.

— Вы верно сказали, — заметил он глубокомысленно, — это может длиться больше, чем девять дней, — может быть, девять недель или даже девять месяцев. Сенсация умирает быстро — страх долговечен.

— Вы думаете, я собираюсь с этим мириться?

— У вас есть какой-то выход?

— Да, я намерен бросить все это. Уеду в Канаду или еще куда-нибудь и начну все сначала.

— Было бы очень жаль, — решительно заявила Джейн. Норман взглянул на нее.

Пуаро с преувеличенным вниманием занялся своим цыпленком.

— Мне, конечно, уезжать не хочется, — сказал Норман.

— Если я найду убийцу мадам Жизели, вам не нужно будет уезжать, — бодро заявил Пуаро.

— Вы и в самом деле думаете, что сможете его найти? — спросила Джейн.

Пуаро посмотрел на нее с упреком.

— Если заниматься любой проблемой по порядку и методично, не представляет особого труда ее решить, — строго сказал Пуаро.

— О, я понимаю, — сказала Джейн, которая на самом деле ничего не поняла.

— Но я мог бы решить эту проблему намного быстрее, если бы вы оказали мне помощь, — сказал Пуаро.

— Какая именно помощь вам нужна?

Пуаро помедлил, потом произнес:

— Помощь мистера Гейла. А позднее, возможно, и ваша.

— Чем я могу помочь? — спросил Норман.

Пуаро взглянул на него искоса.

— Вам это не понравится, — сказал он предостерегающе.

— Что именно? — нетерпеливо повторил молодой человек.

Очень деликатно, так, чтобы не шокировать англичан, Пуаро воспользовался зубочисткой. Затем он сказал:

— Говоря откровенно, мне нужен шантажист.

— Шантажист? — воскликнул Норман. Он уставился на Пуаро с таким видом, словно не поверил собственным ушам.

Пуаро кивнул.

— Вот именно, — сказал он. — Шантажист.

— Но зачем?

— Parbleu^[30]! Чтобы шантажировать, конечно.

— Это и так понятно, но кого? И зачем?

— Зачем, — сказал Пуаро, — это мое дело. А вот кого... — Он помолчал немного, затем продолжал спокойным деловым тоном: — Я вам обрисую в общих чертах мой план. Вы напишете записку, то есть это, конечно, я напишу записку, а *вы* ее перепишите — графине Хорбери. Вы напишете на конверте: «Лично». В записке вы попросите ее о встрече. Вы напишете, что вы тот человек, с которым она вместе летела в Англию во время известного случая. Вы также упомянете некие деловые бумаги мадам Жизели, попавшие в ваши руки.

— И что потом?

— А потом вы получите ее согласие на встречу. Вы пойдете и поговорите с графиней — о чем именно, я вас проинструктирую. Вы потребуете — дайте-ка подумать — десять тысяч фунтов.

— Вы сошли с ума!

— Ни в коем случае, — сказал Пуаро, — возможно, я несколько эксцентричен, но то, что я не сумасшедший, это точно.

— А если леди Хорбери пошлет за полицией? Меня посадят в тюрьму.

— Она не пошлет за полицией.

— Вы не можете этого *знать* наверняка.

— Mon cher, по сути дела, я знаю практически все.

— И тем не менее мне все это не нравится.

— Десять тысяч фунтов вы не получите — может быть, это может успокоить вашу совесть, — сказал Пуаро, и глаза его блеснули.

— Да, но подумайте только, мсье Пуаро, это не просто рискованный план, это может погубить всю мою жизнь.

— Та-та-та, леди не пойдет за полицией — это я вам гарантирую.

— Она может сказать мужу.

— Она не скажет мужу.

— Мне это не по душе.

— А по душе вам потерять всех пациентов и погубить свою карьеру?

— Нет, но...

Пуаро ободряюще улыбнулся ему:

— Вы испытываете отвращение, верно? Это совершенно естественно. Кроме того, в вас силен рыцарский дух. Но я могу вас заверить, что леди Хорбери недостойна благородных чувств, — если позволите мне использовать ваше английское выражение, она всего лишь довольно дрянной товарец.

— И все равно, она не может быть убийцей.

— Почему?

— Почему? Потому что мы бы увидели. Джейн и я сидели как раз напротив.

— У вас слишком много предвзятых идей. Что касается меня, то мне нужно привести все факты в систему, а для этого я должен знать.

— Мне не нравится сама идея — шантажировать женщину.

— Ах, mon Dieu^[31], что вы прицепились к этому слову! Никакого шантажа не будет. Вам нужно всего лишь произвести определенный эффект. После этого, когда будет подготовлена почва, в игру вступаю я.

Норман сказал:

— Если из-за вас меня посадят в тюрьму...

— Нет, нет, нет, меня очень хорошо знают в Скотленд-Ярде. Если что-нибудь случится, я возьму вину на себя. Но не случится ничего, кроме того, что я уже предсказал.

Норман со вздохом сдался:

— Хорошо. Я согласен. Но все равно мне это совершенно не нравится.

— Отлично. Тогда вот что вы должны написать. Возьмите карандаш...

Он медленно продиктовал.

— Voila^[32], — сказал он, — позднее я проинструктирую вас, что нужно будет говорить. Скажите, мадемуазель, бываете ли вы в театре?

— Да, довольно часто, — сказала Джейн.

— Хорошо. Вам не довелось случайно посмотреть пьесу под названием «Там, внизу»?

— Да. Я видела ее около месяца назад. Неплохая пьеса.

— Это американская пьеса, не так ли?

— Да.

— Вы помните роль Гарри, его играл мистер Раймонд Барраклу?

— Да. Он мне очень понравился.

— Вы считаете его привлекательным, да?

— Ужасно привлекательным.

— А-а, il est sex appeal^[33]?

— Определенно, — ответила со смехом Джейн.

— Только это — или он еще и хороший актер?

— О, мне кажется, играет он очень хорошо.

— Мне тоже нужно сходить посмотреть.

Джейн уставилась на него в изумлении.

Какой странный маленький человечек — он перепрыгивает с предмета на предмет, словно птичка, порхающая с ветки на ветку!

Он, похоже, прочитал ее мысли и улыбнулся:

— Вы не одобряете меня, мадемуазель? Вам не нравятся мои методы?

— Вы, по-моему, несколько разбрасываетесь.

— Так только кажется. Я строго следую своим курсом, действую методично и по порядку. Нельзя сразу перескакивать к выводам. Нужно постепенно исключать лишнее.

— Исключать? — переспросила Джейн. — Так вот в чем заключается ваш метод. — Она на мгновение задумалась. — Понятно. Вы исключили мистера Кланси...

— Возможно... — сказал Пуаро.

— И вы исключили нас, а теперь вы, вероятно, собираетесь исключить леди Хорбери. О!

Она умолкла, так как неожиданная мысль пришла ей в голову.

— В чем дело, мадемуазель?

— А этот разговор о покушении на убийство? Так это было *проверкой*?

— Вы очень проницательны, мадемуазель. Да, это было частью того плана, в соответствии с которым я действую. Я упоминаю о покушении на убийство и наблюдаю за мистером Кланси, за вами, за мистером Гейлом, — никто из вас троих никак не реагирует, даже глазом не моргнул. И позвольте заметить, что уж тут меня нельзя провести. Убийца готов отразить любую атаку, которую он ожидает. Но эта пометка в маленькой записной книжке не могла быть известна никому из вас. Так что, как видите, я удовлетворен.

— Какой вы ужасный, какой вы хитрый человек, мсье Пуаро, — сказала Джейн, вставая, — никогда не знаешь, чего от вас ожидать.

— Но все ведь так просто. Я должен выяснить истину.

— Мне кажется, у вас какие-то очень хитроумные способы выяснения истины.

— Есть один очень простой способ.

— И какой же?

— Позволить людям рассказывать все самим.

Джейн рассмеялась:

— А если они не захотят?

— Все очень любят рассказывать о себе.

— Мне кажется, вы правы, — согласилась Джейн.

— Да, именно так какой-нибудь шарлатан и огребает сумасшедшие деньги. Он вызывает клиентов на откровенный разговор — те усаживаются и начинают рассказывать все подряд. Как они в два годика выпали из детской коляски, и как их мама ела грушу и сок капал на оранжевое платье, и что когда им было полтора года, они таскали отца за бороду, а потом он уверяет их, что они теперь больше не будут страдать от бессонницы, и берет с них две гиней, и они уходят, получив большое удовлетворение — о, просто огромное, — и, может быть, в самом деле смогут нормально заснуть.

— Как забавно, — сказала Джейн.

— Нет, это не так забавно, как вам кажется. Это основано на фундаментальной потребности человеческой природы — потребности выговориться. Вам самой, мадемуазель, разве не хочется вернуться к детским воспоминаниям — к матери и к отцу?

— Ко мне это, очевидно, не имеет отношения. Я выросла в приюте.

— А, совсем другое дело. Это очень печально.

— Я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, будто это был благотворительный приют, где сирот одевают в ярко-красные шапки и плащи. Там было довольно весело, нет, в самом деле.

— Это было в Англии?

— Нет, в Ирландии, неподалеку от Дублина.

— Так вы ирландка. Вот почему у вас темные волосы и серо-голубые глаза, такие...

— Словно их вставляли грязными руками, — со смехом закончил Норман.

— Comment? Что вы сказали?

— Есть такая пословица о глазах ирландцев — что их вставляли грязными руками.

— В самом деле? Это не слишком элегантно, однако. И тем не менее довольно яркий образ. — Он поклонился Джейн. — Это производит сильный эффект, мадемуазель.

Джейн засмеялась, вставая.

— Вы вскружите мне голову, мсье Пуаро. Спокойной ночи, и благодарю вас за ужин. Вам придется угостить меня еще одним, если Нормана посадят в тюрьму за шантаж.

При упоминании об этом Норман нахмурился.

Пуаро пожелал обоим спокойной ночи.

Придя домой, он отпер ящик стола и достал список из одиннадцати имен.

Напротив четырех из этих имен он поставил небольшие птички. Затем задумчиво кивнул.

— Мне кажется, я уже знаю, — пробормотал он про себя. — Но я должен быть уверен. Il faut continuer^[34].

Глава XVII В УОНДЗУОРТЕ

Мистер Генри Митчелл едва успел приняться за ужин, состоявший из сосисок и картофельного пюре, как к нему кто-то пришел.

К некоторому удивлению стюарда, это был джентльмен с необычайно пышными усами, один из пассажиров, летевших роковым рейсом.

Мсье Пуаро был весьма любезен и вел себя самым деликатным образом. Он настоял на том, чтобы мистер Митчелл продолжал свой ужин, и отпустил изящный комплимент миссис Митчелл, которая стояла и пялилась на него открыв рот.

Он уселся в предложенное кресло, заметил, что для этого времени года погода довольно теплая, а затем ненавязчиво перешел к цели своего визита.

— У меня есть опасение, что Скотленд-Ярд не слишком продвинулся в расследовании этого случая, — сказал он.

Митчелл покачал головой:

— Это просто поразительный случай, сэр, просто поразительный. Я не представляю, что они могут тут сделать. Ну ведь в самом деле, если никто в самолете ничего не видел, так любой поневоле окажется в затруднении.

— Совершенно справедливо, я полностью с вами согласен.

— Генри это ужасно взволновало, — вмешалась его жена, — он ночами спать не может.

Стюард пояснил:

— У меня до сих пор кошки на душе скребут, сэр, это просто что-то ужасное. Хорошо еще, что в компании ко мне отнеслись по-человечески. Должен вам сказать, я сначала боялся, что меня могут выгнать с работы...

— Генри, они бы не посмели! Это было бы жестоко и несправедливо.

Голос его жены дрожал от негодования. Это была полная, краснолицая женщина с блестящими темными глазами.

— Справедливость не всегда торжествует, Рут. Хотя со мной получилось лучше, чем я ожидал. Они не стали меня ни в чем обвинять. Но я все равно испытывал чувство вины, если вы понимаете, что я имею в виду. Ведь, по сути дела, на мне лежала ответственность.

— Я понимаю ваши переживания, — сказал Пуаро с сочувствием. — Но смею вас заверить, что вы чрезмерно суровы к себе. В случившемся совершенно не было вашей вины.

— Вот и я говорю то же самое, — перебила его миссис Митчелл. Митчелл покачал головой:

— Я должен был раньше заметить, что леди мертва. Если бы я попытался разбудить ее, когда в первый раз разносил счета...

— От этого ничего бы не изменилось. Врачи полагают, что смерть была практически мгновенной.

— Он все это принимает чересчур близко к сердцу, — сказала миссис Митчелл. — А я его уговариваю не забивать этим голову. Мало ли какие могут быть у иностранцев причины убивать друг друга, и если хотите знать мое мнение, то я считаю, что это просто подлость — проделать такое в британском самолете.

Она завершила свое заявление негодующим патриотическим фырканьем.

Митчелл озадаченно покачал головой:

— У меня до сих пор, так сказать, камень на сердце. Каждый раз, когда я иду на службу, меня терзает это чувство. Да еще джентльмен из Скотленд-Ярда спрашивает меня снова и снова, не случилось ли во время рейса чего-либо неожиданного или необычного. От этого мне кажется, что я *наверняка* что-то забыл, хотя абсолютно точно знаю, что ничего не забыл. Это с любой точки зрения был самый обычный полет, пока не случилось *это*.

— Духовые трубки и стрелы — это настоящее варварство, вот что я вам скажу, — вмешалась миссис Митчелл.

— Вы правы, — сказал Пуаро, обращаясь к ней весьма почтительно, словно пораженный точностью ее замечания, — это какое-то совершенно не английское убийство.

— Это точно, сэр.

— Знаете, миссис Митчелл, мне кажется, я мог бы почти наверняка сказать, из какой части Англии вы родом.

— Из Дорсета, сэр. Это недалеко от Бридпорта. Там моя родина.

— Ну конечно же, — воскликнул Пуаро, — прекраснейший уголок земли.

— Как это верно, сэр. Лондон ничто в сравнении с Дорсетом. Мои предки поселились в Дорсете две сотни лет назад, и, как говорится, Дорсет у меня в крови.

— О, конечно. — Он вновь повернулся к стюарду: — Есть еще кое-что, о чем я хотел бы спросить вас, Митчелл.

Тот нахмурился:

— Я рассказал вам все, что знаю, — ей-богу, абсолютно все, сэр.

— Да, да, но речь идет о совершеннейшем пустяке. Я только хотел бы знать, не было ли на ее столике — то есть на столе мадам Жизели — какого-нибудь беспорядка?

— Вы имеете в виду, когда... когда я обнаружил, что она?..

— Да. Ну, например, ложки или вилки... солонка — что-нибудь вроде этого.

Стюард покачал головой:

— Нет, ничего такого там не было. Все уже было убрано, кроме кофейных чашечек. Я лично ничего подобного не заметил. Да я и не смог бы ничего заметить. Я был слишком потрясен. Но полиции это все должно быть известно, они обыскали самолет вдоль и поперек.

— Ну да, верно, — сказал Пуаро. — Впрочем, это неважно. Мне нужно будет как-нибудь потом переговорить еще с вашим коллегой — Дейвисом.

— Он сейчас работает на утреннем рейсе, сэр, на 8.45.

— Его сильно потрясла эта история?

— О, видите ли, сэр, он ведь еще молодой парень. Если вы хотите знать мое мнение, то, по-моему, он даже получил удовольствие. Это пощекотало ему нервы, да тут еще каждый угощает его выпивкой и просит обо всем рассказать.

— А у него есть подружка? — спросил Пуаро. — То, что он оказался каким-то образом замешан в преступлении, вряд ли ей понравится.

— Он ухаживает за дочкой старого Джонсона из «Короны и перьев», — сказала миссис Митчелл. — Она девушка здравомыслящая, у нее голова правильно привинчена. Уж она-то ни в коем случае не пожелает оказаться замешанной в деле об убийстве.

— Очень здравая точка зрения, — сказал Пуаро, вставая. — Ну что же, благодарю вас, мистер Митчелл, и вас, миссис Митчелл, и я умоляю вас, друг мой, не позволяйте печальным мыслям отягощать вашу душу.

Когда он ушел, Митчелл сказал:

— Тупоголовые присяжные на коронерском следствии решили, что это сделал он. Но если меня спросят, то я скажу: он из секретной службы.

— Если спросят меня, — сказала миссис Митчелл, — то я скажу: за всем этим видна рука большевиков.

Пуаро выразил желание как-нибудь потом переговорить со вторым стюардом, Дейвисом. На самом деле он встретился с ним всего лишь через несколько часов в баре гостиницы «Корона и перья».

Он задал Дейвису тот же вопрос, что и Митчеллу.

— Все было в порядке, да, сэр. Вы имеете в виду какой-нибудь беспорядок? Что-нибудь в этом роде?

— Я имею в виду... ну, скажем, не пропало ли что-нибудь со стола, или, наоборот, не появилось ли что-нибудь такое, чего там не должно быть?..

Дейвис медленно проговорил:

— Кое-что было... я заметил это, когда убирал со стола после того, как полиция все осмотрела. Но я не думаю, что это то, что вам нужно. Просто у мертвой леди было две кофейные ложечки в блюде. Иногда так случается, если мы накрываем в спешке. Я это заметил, потому что есть такая примета: говорят, что две ложечки в блюде — к свадьбе.

— Не пропала ли у кого-нибудь другого ложечка из блюда?

— Нет, сэр, ничего такого я не заметил. Митчелл или я, должно быть, принесли обе вместе с чашкой и блюдцем. Я уже говорил, что так иногда бывает — когда спешка и все такое. Я вот на прошлой неделе положил два комплекта ножей и вилок для рыбы. Это все-таки лучше, чем недоложить, потому что иначе придется идти еще раз за ножом или еще там чем-нибудь.

Пуаро задал еще один вопрос, впрочем не вполне серьезный:

— Какого мнения вы о французских девушках, Дейвис?

— Для меня и английские достаточно хороши, сэр.

И он во весь рот улыбнулся полной светловолосой девушке за стойкой бара.

Глава XVIII

КУИН-ВИКТОРИЯ-СТРИТ

Мистер Джеймс Райдер был несколько удивлен, когда ему принесли визитную карточку Эркюля Пуаро.

Имя показалось ему знакомым, но какое-то время он не мог вспомнить, в связи с чем. Затем пробормотал про себя:

— А, это *тот самый* парень! — и велел секретарю провести посетителя к себе.

Мсье Эркюль Пуаро выглядел франтом — в руке он держал тросточку, в петлице красовался цветок.

— Я надеюсь, вы простите меня за причиненное беспокойство, — сказал Пуаро. — Это в связи с убийством мадам Жизели.

— Да? — сказал мистер Райдер. — И чем могу быть полезен? Будьте любезны, присаживайтесь. Не желаете ли сигару?

— Нет, благодарю вас. Я курю только собственные сигареты. Не хотите ли штучку?

Райдер с подозрением посмотрел на крошечные сигаретки Пуаро.

— Думаю, мне лучше взять свою, если вы не имеете ничего против. А то боюсь, что вашу я могу ненароком проглотить. — И он весело рассмеялся. — Инспектор вертелся тут несколько дней назад, — сказал мистер Райдер, прикуривая от зажигалки. — Эти парни слишком уж любопытны, суют свой нос повсюду. Не могут заниматься своим собственным делом.

— Им, я полагаю, нужны сведения, — кротко заметил Пуаро.

— Им не нужно, черт возьми, быть столь настырными в своих поисках, — резко возразил мистер Райдер. — Нужно подумать о нервах человека и о его деловой репутации.

— Возможно, вы чересчур чувствительны.

— У меня, знаете ли, вообще положение деликатно — сказал мистер Райдер, — особенно если иметь в виду, где я сидел, — прямо напротив нее. Я думаю, это действительно может вызвать подозрение. Но так уж меня угораздило сесть. Если бы я знал, что эту женщину должны убить, я вообще не полетел бы на этом самолете. А впрочем, не знаю, может, все равно полетел бы.

Он, казалось, задумался.

— Пытаетесь отыскать что-нибудь хорошее в нашей скверной истории? — спросил Пуаро с улыбкой.

— Забавно, что об этом говорите вы. И да и нет, если можно так выразиться. Я имею в виду, что мне это принесло множество забот. В меня они вцепились с особым пристрастием — приписали мне бог знает что. А почему именно мне — вот о чем я вас хочу спросить. Почему они не пристают к доктору Хаббарду, то есть Брайанту? Вот врач как раз мог бы разжиться где-нибудь этими вашими пресловутыми, не оставляющими следов ядами. Ну откуда я мог бы взять змеиный яд? Я вас спрашиваю!

— Вы говорили, — сказал Пуаро, — что хотя это все принесло вам множество беспокойства...

— Ах да, все-таки здесь была и своя светлая сторона. Я не стану скрывать от вас, что разжился некоторой, совершенно, правда, незначительной, суммой — благодаря газетам. Они напечатали мои свидетельства очевидца, хотя там было больше репортерского воображения, чем моих впечатлений, но это просто к слову.

— Весьма интересно, — сказал Пуаро, — как преступление влияет на жизнь людей, которые не имеют к нему никакого отношения. Взять, к примеру, вас — вы совершенно неожиданно получаете некоторую сумму денег — сумму, которая, возможно, именно в тот момент была особенно кстати.

— Деньги всегда кстати, — сказал мистер Райдер и внимательно посмотрел на Пуаро.

— Иногда нужда в них становится особенно острой. Некоторые из-за этого растрачивают чужие деньги... подделывают документы, — он развел руками, — возникают всяческие проблемы.

— Ну, давайте не будем о мрачном, — сказал мистер Райдер.

— Верно. Зачем так мрачно смотреть на вещи? Эти деньги были для вас приятной неожиданностью, поскольку в Париже вам не удалось занять в долг.

— Черт побери, откуда вам известно? — сердито спросил мистер Райдер.

Эркюль Пуаро улыбнулся:

— Не важно. Во всяком случае, так оно и есть.

— Да, верно, но я очень не хотел бы, чтобы об этом стало известно.

— Я гарантирую вам полную конфиденциальность, заверяю вас.

— Странно, — задумался мистер Райдер, — сколь мизерная сумма может иногда поставить человека в безвыходное положение. Всего лишь ничтожная сумма наличными, чтобы преодолеть кризис, и если он не сможет достать эту бесконечно малую сумму, то может распрощаться, ко всем чертям, со своей репутацией. Да, это чертовски странно. Да и вообще все странно — деньги, репутация. Если уж на то пошло, то и жизнь тоже очень странная штука!

— Вы абсолютно правы.

— Кстати, по какому поводу я вам понадобился?

— Вопрос довольно деликатный. Мне стало известно — такая уж у меня профессия, понимаете ли, — что, несмотря на ваши заверения, у вас все-таки *были* дела с Жизелью.

— Кто вам сказал? Это ложь! Я ее даже никогда не видел.

— Неужели? Весьма любопытно!

— Любопытно?! Это злостная клевета.

Пуаро посмотрел на него задумчиво.

— Хм, — сказал он, — я должен разобраться.

— Что вы имеете в виду? В чем это вам нужно разобраться?

Пуаро покачал головой:

— Не стоит выходить из себя. Должно быть, произошла... м-м... ошибка.

— Хочется думать, что так оно и есть. Обвинять меня в связях с этими великосветскими ростовщиками! Светские дамы, погрязшие в игорных долгах, — вот их клиентура.

Пуаро встал.

— Я должен извиниться перед вами — меня ввели в заблуждение. — Он задержался у двери. — Кстати, так, из чистого любопытства, почему вы назвали только что доктора Брайанта доктором *Хаббардом*?

— Будь я проклят, если знаю. Позвольте-ка... ну да, я думаю, это связано с флейтой. Детский стишок, знаете ли. Пес матушки Хаббард — «*а когда она вернулась, он играл на флейте*». Странно, как путаются имена.

— Ах да, флейта... Такие вещи интересуют меня с точки зрения психологии.

Мистер Райдер фыркнул при слове «психология». Это напомнило ему о том, что он называл «для дураков», — о психоанализе.

Он посмотрел на Пуаро с подозрением.

Глава XIX

МИСТЕР РОБИНСОН ПОЯВЛЯЕТСЯ И ИСЧЕЗАЕТ

Графиня Хорбери неподвижно сидела в спальне своей квартиры на Гроссвенор-сквер перед роскошным туалетным столиком, уставленным шкатулочками, баночками с кремом для лица, коробочками с пудрой. Губы у нее потрескались, а косметика на лице лежала пятнами.

Она в четвертый раз перечитывала письмо.

«Графине Хорбери

(по поводу покойной мадам Жизели)

Милостивая сударыня!

В моем распоряжении находятся известные вам документы, ранее принадлежавшие покойной леди. Если вас или мистера Раймонда Барраклу это заинтересует, я был бы счастлив встретиться с вами для того, чтобы обсудить этот вопрос.

Или, может быть, вы предпочли бы, чтобы я обсудил этот вопрос с вашим мужем?

Преданный вам

Джон Робинсон».

Застыв в тупом оцепенении, она вновь и вновь перечитывала эти строки...

Как будто от этого могло хоть что-то измениться.

Она еще раз взглянула на конверт, вернее, на два конверта — на первом было написано: «Лично», на втором: «В собственные руки, строго конфиденциально».

«В собственные руки, строго конфиденциально...»

Скотина... какая скотина...

И эта старая лживая француженка, которая поклялась, что «все необходимое сделано для того, чтобы защитить клиентов в случае ее неожиданной кончины...».

Черт бы ее побрал... Жизнь была адом, адом...

«О боже, мои нервы, — подумала Сисели. — Как это подло... Как это подло...»

Она протянула дрожащую руку к пузырьку с золотой пробкой...

«Это успокоит меня, я смогу взять себя в руки...»

Она втянула в себя щепотку порошка.

Так. Теперь ей нужно подумать! Что делать? С этим человеком нужно, разумеется, встретиться. Хотя откуда ей взять денег? Может быть, попытаться счастья в том заведении на Карлос-стрит?..

Впрочем, еще достаточно времени, чтобы успеть подумать. Сначала нужно с ним встретиться — понять, что ему известно...

Она подошла к письменному столу и быстро написала крупным неровным почерком:

«Графиня Хорбери приветствует мистера Джона Робинсона и согласна встретиться с ним по его просьбе завтра в одиннадцать утра...»

— Ну как, сойдет? — спросил Норман.

Он слегка смутился под пристальным, полным ужаса взглядом Пуаро.

— Боже мой, — воскликнул Эркюль Пуаро, — в какой комедии вы собираетесь играть?

Норман Гейл смутился еще сильнее:

— Вы сказали, что небольшая маскировка не помешает, — пробормотал он.

Пуаро вздохнул, затем взял молодого человека под руку и подвел его к зеркалу.

— Посмотрите на себя, — сказал он. — Больше я вас ни о чем не прошу, только посмотрите на себя! Кто вы, по-вашему, — Санта Клаус, наряженный на потеху детям? Нет, я согласен, борода у вас не белая, нет, она черная — в самый раз для злодея. Но какая борода —

невероятная борода, бросающая вызов небесам! Дешевая борода, друг мой, и весьма несовершенно, по-дилетантски приделанная! А брови! У вас, вероятно, маниакальное пристрастие к фальшивым волосам? Резиновым клеем от них несет за несколько ярдов, и если вы думаете, что кто-нибудь не догадается, что у вас на зуб приклеен кусок липкого пластыря, то вы заблуждаетесь. Друг мой, это не ваш *metier*^[35], определенно нет, в артисты вы не годитесь.

— Я довольно долго играл в свое время в любительских театрах, — обиженно возразил Гейл.

— С трудом могу в это поверить. В любом случае я полагаю, что они не потворствовали вашему стремлению реализовать оригинальные идеи в области грима. Даже при свете ramпы ваша внешность будет весьма неубедительной. А на Гроссвенор-сквер, при дневном свете...

И Пуаро, не закончив фразы, красноречиво пожал плечами.

— Нет, *mon ami*, — сказал он, — вы ведь шантажист, а не комедиант. Я хочу, чтобы ее светлость испугалась, а не померла от смеха при виде вас. Я понимаю, что мои слова вас задевают. Мне очень жаль, но в данный момент я вынужден сказать вам правду. Возьмите вот это и это. — И он поставил перед ним несколько баночек. — Пойдите в ванную, и давайте положим конец тому, что у вас в стране называют... э-э... фиглярничеством.

Сокрушенный Норман Гейл молча повиновался. Когда через четверть часа он вышел из ванной, красный от смущения, Пуаро одобритительно кивнул:

— *Tres bien*^[36]. Фарс кончился. Начинается серьезное дело. Я позволю вам приклеить небольшие усы. Только, если вы не возражаете, я сам приклею их вам. Вот так... а теперь сделаем вам пробор по-другому — так. Этого вполне достаточно. А теперь позвольте мне убедиться, что вы помните хотя бы в общих чертах слова своей роли.

Он внимательно его выслушал, затем кивнул:

— Ну что, неплохо. *En avant*^[37]! И желаю вам удачи.

— Искренне надеюсь на это. Вероятно, я столкнусь там с разъяренным мужем и парой полисменов.

Пуаро успокаивал его:

— Не беспокойтесь. Все должно пройти абсолютно гладко.

— Это вы так считаете, — строптиво пробормотал Норман.

Совершенно упав духом, он отправился выполнять свою неприятную миссию.

На Гроссвенор-сквер его провели в небольшую комнатку на втором этаже. Через несколько минут туда вошла леди Хорбери.

Норман попытался взять себя в руки. Он не должен был, ни в коем случае не должен был дать ей понять, что занимается непривычным для себя делом.

— Мистер Робинсон? — спросила Сисели.

— К вашим услугам, — сказал Норман и поклонился.

«Черт бы все это побрал, ну точь-в-точь приказчик в лавке, — подумал он с неудовольствием. — Это от страха».

— Я получила ваше письмо, — сказала Сисели.

Норман взял себя в руки. «Старый дурак сказал, что я не смог бы играть в театре», — подумал он, ухмыльнувшись про себя.

А вслух он произнес довольно нагло:

— Ага, ну и как, леди Хорбери?

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Ну, ну, будет вам. Может, нам лучше сразу обсудить детали? Всем известно, насколько приятным может быть... э-э, ну, назовем это уик-энд на берегу моря, да мужья редко такое позволяют. Я полагаю, леди Хорбери, вам прекрасно известно, какие именно улики могут быть предъявлены. Прекрасная женщина эта старуха Жизель. У нее товар всегда отменный. Показания гостиничной прислуги и так далее — все просто великолепно. Вопрос теперь в том, кому это нужно больше — вам или лорду Хорбери? Вот в чем вопрос.

Леди Хорбери била дрожь.

— Я продавец, — сказал Норман, и его речь становилась все более грубой по мере того, как он входил в роль мистера Робинсона. — А будете ли вы покупателем? Вот в чем вопрос.

— Как к вам попали эти... сведения?

— В данный момент, леди Хорбери, это не имеет никакого значения. Они у меня есть, и это главное.

— Я вам не верю. Покажите их мне.

— О нет, — Норман покачал головой, криво ухмыльнувшись, — с собой я ничего не принес. Не считайте меня идиотом. Если мы с вами договоримся, тогда другое дело. Я покажу вам документы перед тем, как вы передадите мне деньги. Все честно и открыто.

— Сколько... сколько вы хотите?

— Всего лишь десять тысяч — фунтов, конечно, не долларов.

— Это невозможно. Я никогда даже не держала в руках такой суммы.

— Просто удивительно, чего удастся добиться, если очень захотеть. Конечно, за драгоценности не выручить столько, сколько они когда-то стоили, но все-таки жемчуг — это жемчуг. Ну ладно, только чтобы сделать одолжение леди — восемь тысяч. Это мое последнее слово. Я даю вам два дня, чтобы обдумать все как следует.

— Я не могу собрать такие деньги, я же говорю вам.

Норман вздохнул и покачал головой:

— Ну что же, может быть, и в самом деле стоит ввести в курс дела лорда Хорбери. Я думаю, не ошибусь, если скажу, что женщина, с которой муж развелся, имея для этого веские основания, не получает никакого содержания, — а мистер Барраклу весьма многообещающий молодой актер, но едва ли у него есть большие деньги. Я вам ни слова больше не скажу. Я вас покину, чтобы дать вам как следует поразмыслить над этим, и имейте в виду, что я шутить не намерен.

Помолчав немного, он добавил:

— Я так же, как и Жизель, не имею обыкновения шутить...

И прежде чем несчастная женщина успела что-нибудь ответить, он быстро покинул комнату.

— Уф! — воскликнул Норман, выйдя на улицу, и вытер пот со лба. — Слава богу, с *этим* наконец все!

Не прошло и часа после этого разговора, как леди Хорбери принесли визитную карточку:

— Мсье Эркюль Пуаро.

Она отбросила карточку в сторону:

— Кто это? Я не могу его принять!

— Он сказал, миледи, что он здесь по просьбе мистера Раймонда Барраклу.

— М-м, — она помедлила, — ну что ж, очень хорошо, пригласите его.

Дворецкий вышел и вскоре вернулся обратно:

— Мсье Эркюль Пуаро.

Мсье Пуаро, изысканно, даже несколько щеголевато одетый, вошел и поклонился.

Дворецкий закрыл дверь. Сисели шагнула навстречу Пуаро:

— Вас послал мистер Барраклу...

— Садитесь, мадам. — Он говорил вежливо, но не терпящим возражений тоном.

Она машинально повиновалась. Он уселся на стул рядом с ней и заговорил по-отечески мягко, доверительным тоном:

— Мадам, я умоляю вас считать меня своим другом. Я пришел дать вам хороший совет. Мне известно, что вам угрожает смертельная опасность.

Она невнятно пробормотала:

— Я не...

— *Ecoutez*^[38], мадам, я не прошу вас делиться со мной вашими секретами. В этом нет никакой нужды. Они и так мне уже известны. Чтобы быть хорошим сыщиком, в первую очередь нужно все знать.

— Сыщиком? — От удивления она широко раскрыла глаза. — Я припоминаю... в самолете... Это были вы...

— Совершенно справедливо, это был я. А теперь, мадам, перейдем к делу. Как я вам только что сказал, я не прошу вас поверять мне ваши тайны. Вам ничего не нужно будет рассказывать *мне*. Я буду рассказывать *вам*. Сегодня утром, меньше часа назад, у вас был посетитель. Посетителя этого звали, ну, например, Браун?..

— Робинсон, — с трудом выговорила Сисели.

— Неважно — Браун, Смит, Робинсон, — он пользуется этими именами по очереди. Он приходил сюда вас шантажировать, мадам. Он располагает определенными доказательствами, ну, скажем, вашей опрометчивости. Эти доказательства находились некогда в распоряжении мадам Жизели. Теперь они у этого человека. Он предлагает их вам, скажем, за семь тысяч фунтов.

— Восемь.

— Ну, восемь. И вам, мадам, будет весьма нелегко быстро собрать такую сумму?

— Я просто не в состоянии, просто не в состоянии собрать... Я и так уже в долгах. Я не знаю, что мне делать...

— Успокойтесь, мадам. Я пришел вам помочь.

Она изумленно уставилась на него:

— Откуда вам все это известно?

— Очень просто, мадам, ведь я — Эркюль Пуаро. Eh bien, не бойтесь, доверьтесь мне. С мистером Робинсоном я сам буду иметь дело.

— Ну да, — проговорила Сисели с сарказмом — и сколько за это попросите вы?

Пуаро наклонился в ее сторону:

— Я попрошу у вас всего лишь фотографию с автографом, фотографию прекрасной леди...

Она воскликнула:

— О боже, я не знаю, что мне делать... Мои нервы... Я схожу с ума.

— Нет, нет, все в порядке. Доверьтесь Эркюлю Пуаро. Только, мадам, мне нужно знать правду — всю правду, — не пытайтесь что-нибудь скрыть, это в ваших же интересах.

— И вы поможете мне выпутаться из этой истории?

— Я клянусь вам самым торжественным образом, что вы никогда больше не услышите о мистере Робинсоне.

— Хорошо, — сдалась она. — Я все вам расскажу.

— Отлично. В таком случае признавайтесь — вы занимали деньги у Жизели?

Леди Хорбери кивнула.

— Когда это произошло? Я имею в виду, когда это началось?

— Полтора года назад. Я оказалась в затруднительном положении.

— Проигрались?

— Да. Мне ужасно не везло.

— И она одолжила столько денег, сколько вам требовалось?

— Не сразу. Для начала небольшую сумму.

— Кто направил вас к ней?

— Раймонд... мистер Барраклу сказал мне, что, по слухам, она одалживает деньги женщинам из высшего света.

— Но позднее она ссудила вам больше?

— Да, столько, сколько мне было нужно. Тогда мне это показалось просто чудом.

— Это было фирменное чудо мадам Жизели, — сухо сказал Пуаро. — Я полагаю, что к тому времени вы и мистер Барраклу уже стали... э-э... друзьями?

— Да.

— Но вы очень беспокоились, как бы вашему мужу не стало что-нибудь известно?

Сисели сердито воскликнула:

— Стивен — старомодный педант. Я ему надоела. Он хочет жениться на другой и стал подумывать о разводе.

— А вы не хотели развода?

— Нет. Я... я...

— Вам нравилось ваше положение, и еще вас вполне устраивало довольно богатое содержание. Именно так. Les femmes^[39] должны, естественно, о себе заботиться. Итак, продолжим... Тут вдруг возник вопрос об уплате долга?

— Да, и я... я не смогла вернуть деньги. И тогда старая ведьма стала угрожать. Ей все было известно о нас с Раймондом. Она разнюхала и места, и даты — я не могу понять, каким образом.

— У нее были собственные методы, — сухо сказал Пуаро. — И она грозилась, я полагаю, предоставить все доказательства лорду Хорбери?

— Да, если я не заплачу.

— А вы не могли заплатить?

— Нет.

— Так что ее смерть была для вас как нельзя более кстати?

Сисели Хорбери ответила совершенно серьезно:

— Это показалось мне чудом, просто чудом!

— Ага, вот именно — просто чудом. Но, вероятно, это заставило вас немножко понервничать?

— Понервничать?

— Ну, в конце концов, мадам, только у вас во всем самолете был мотив для убийства.

Она судорожно вздохнула:

— Да, верно. Это было ужасно. Я была просто потрясена этим.

— Особенно после того, как накануне вечером вы встречались с ней в Париже и у вас произошло нечто вроде сцены?

— Старая ведьма! Она не уступила ни на йоту. По-моему, она испытывала от всего этого подлинное удовольствие. О, это была такая продувная бестия! Когда я уходила от нее, я была как выжатый лимон!

— И все же вы сказали на коронерском следствии, что никогда раньше не видели эту женщину?

— Ну конечно, а что еще я могла сказать?

Пуаро задумчиво посмотрел на нее:

— И в самом деле, *вы*, мадам, ничего другого сказать не могли.

— Это было просто ужасно — сплошная ложь, ложь, ложь. Этот мерзкий инспектор приходил сюда снова и снова и изводил меня своими вопросами. Но я чувствовала себя в полной безопасности. Я же видела, что он всего лишь пытается хоть что-нибудь разнюхать. Ему ничего не было известно.

— Если уж строишь догадки, нужно иметь определенные гарантии.

— Кроме того, — продолжала Сисели, — мне казалось, что если бы что-нибудь *могло* стать известно, то оно сразу стало бы известно. Я чувствовала себя в безопасности, пока не получила вчера это ужасное письмо.

— И вы все это время не боялись?

— Ну конечно же боялась!

— Но чего именно? Разоблачения или ареста по подозрению в убийстве?

Она побледнела.

— Убийство... но я не... но не думаете же вы, что это сделала я. Я не убивала ее! Я не убивала!

— Но вы желали ей смерти...

— Да, но я не убивала ее... О, вы должны мне поверить, вы должны. Я даже не вставала со своего места. Я...

Она осеклась. Ее прекрасные голубые глаза смотрели на него с мольбой.

Эркюль Пуаро ободряюще кивнул ей:

— Я верю вам, мадам, по двум причинам: первое — потому что вы женщина, и второе — из-за осы.

Она в изумлении уставилась на него:

— Осы?

— Именно. Я вижу, что вам это ни о чем не говорит. Тогда позвольте вернуться к обсуждавшемуся вопросу. Я договорюсь с этим мистером Робинсоном. Я даю вам слово, что вы никогда больше не увидите его и не услышите о нем. Как у вас говорится, я поубавлю

ему... резвости? Нет, как это слово... прыти! В свою очередь за оказанные вам услуги я потребую ответа на два маленьких вопроса. Находился ли мистер Барраклу в Париже за день до убийства?

— Да, мы обедали вместе. Но он думал, что будет лучше, если на встречу с этой женщиной я пойду одна.

— А, в самом деле? И еще один вопрос, мадам. Ваше сценическое имя до того, как вы вышли замуж, было Сисели Бленд. Это было ваше настоящее имя?

— Нет, мое настоящее имя было Марта Джебб. А то, другое...

— ...Просто лучше подходило к вашей профессии. А родом вы откуда?

— Из Донкастера. Но почему...

— Из чистого любопытства. Прошу меня извинить. А теперь, леди Хорбери, позволите ли вы мне дать вам совет? Почему бы вам не договориться с мужем и не пойти на развод по взаимному согласию, без излишнего шума?

— И позволить ему жениться на этой женщине?

— И позволить ему жениться на этой женщине. У вас великодушное сердце, мадам, и кроме того, вы были бы в безопасности, о, в полной безопасности... и ваш муж выплачивал бы вам содержание.

— Весьма скромное.

— Eh bien, когда вы станете свободны, вы сможете выйти замуж за миллионера.

— В наше время их уже нет.

— Ах, не верьте этому, мадам. У кого было три миллиона, у того, возможно, осталось сейчас только два — eh bien, этого все же вполне достаточно.

Сисели рассмеялась.

— Вы умеете убеждать, мсье Пуаро. А вы в самом деле уверены, что этот ужасный человек никогда больше не потревожит меня?

— Слово Эркюля Пуаро, — торжественно проговорил тот.

Глава XX

НА ХАРЛИ-СТРИТ

Инспектор Джэпп, бодро шагавший вверх по Харли-стрит, остановился у одной из дверей.

Войдя, он спросил, принимает ли доктор Брайант.

— Вы назначены на прием, сэр?

— Нет, но позвольте, я напишу ему несколько слов. На визитной карточке он написал:

«Я был бы весьма вам обязан, если бы вы смогли уделить мне несколько минут. Я не задержу вас надолго».

Он вложил карточку в конверт и вручил его швейцару.

Его провели в приемную. Там сидели две женщины и мужчина. Джэпп уселся тоже и принялся листать старый номер «Панча».

Швейцар вновь появился и, пройдя через всю комнату к Джэппу, сказал, понизив голос:

— Если вы не возражаете, сэр, вам придется немного подождать, доктор примет вас, но у него сегодня выдалось очень напряженное утро.

Джэпп кивнул. Он не возражал — собственно говоря, его это вполне устраивало. Женщины разговорились. Было совершенно очевидно, что они самого высокого мнения о квалификации доктора Брайанта. Вошли еще пациенты. Доктор Брайант был явно преуспевающим врачом.

«Да он деньги просто лопатой гребет, — подумал Джэпп. — Вот у него, похоже, нет никакой необходимости брать в долг, но, конечно, он мог взять займы очень давно. Как бы то ни было, у него процветающая практика, и даже намек на скандал может привести его к полному краху. Это самое неприятное в профессии врача».

Через четверть часа вновь появился швейцар и сказал:

— Сейчас доктор примет вас, сэр.

Джэппа провели в кабинет — комнату с большим окном, выходящим в противоположную от Харли-стрит сторону. Доктор сидел за столом. Он встал и пожал руку инспектору.

Его лицо с тонкими чертами казалось утомленным, но похоже было, что визит инспектора его не смутил.

— Чем могу быть полезен, инспектор? — спросил он, усевшись на свое место и показав жестом на стул напротив.

— Прежде всего я должен извиниться за то, что пришел к вам в ваши приемные часы, но я не задержу вас надолго, сэр.

— Ничего, ничего, я полагаю, это связано с убийством в самолете?

— Совершенно верно, сэр. Мы все еще расследуем этот случай.

— Есть какие-нибудь результаты?

— Мы еще не настолько продвинулись, как бы нам хотелось. Собственно говоря, я пришел задать вам несколько вопросов по поводу способа, которым было совершено убийство. Мне, знаете ли, не дает покоя вся эта история со змеиным ядом.

— Видите ли, я не токсиколог, — сказал с улыбкой доктор Брайант. — Это не по моей части. Вам нужно обратиться к Винтерспуну.

— Да, но видите ли, доктор, дело вот в чем. Винтерспун — эксперт, а вы знаете, что такое эти эксперты. Они говорят так, что обычный человек ничего не может понять. Но, насколько я могу судить, здесь есть еще и медицинский аспект. Верно ли, что змеиный яд применяется иногда для лечения эпилепсии?

— Увы, и по эпилепсии я тоже не специалист, — сказал доктор Брайант. — Кажется, инъекции яда кобры применялись при лечении эпилепсии — и с прекрасными результатами. Но, еще раз повторяю, я не специалист в этой области.

— Я знаю. Меня, собственно, интересует другое: мне показалось, что поскольку вы сами были в том самолете, то у вас могут быть какие-нибудь соображения по поводу этого происшествия. Они могут оказаться для меня весьма полезными. Мне нет никакого смысла идти к эксперту, если я не знаю, о чем его нужно спрашивать.

Доктор Брайант улыбнулся:

— В том, что вы говорите, инспектор, есть здоровое зерно. Я думаю, ни один нормальный человек не остался бы равнодушным, когда совсем рядом с ним совершается убийство. Не стану отрицать — меня действительно крайне озадачило это преступление, и я довольно много размышлял о нем на досуге.

— И к каким же выводам вы пришли, сэр?

Брайант медленно покачал головой:

— Просто ума не приложу! Все случившееся кажется просто нереальным, если можно так выразиться. Абсолютно невероятный способ совершить преступление. Всего один шанс из ста, что убийцу никто не увидит. Он должен быть совершенно безрассудным человеком, равнодушным к опасности.

— Абсолютно точно, сэр.

— Выбор яда тоже поразителен. Откуда он вообще мог оказаться у убийцы?

— Действительно. Это кажется совершенно неправдоподобным. Я думаю, едва ли один человек из тысячи хотя бы слышал о змее бумсланг, и еще меньше соприкасались с ее ядом. Ну вот взять хотя бы вас, сэр, — вы ведь сами врач, однако, я полагаю, вы вряд ли когда-нибудь имели дело с таким ядом?

— Да, у меня для этого не так уж много возможностей. Правда, один мой знакомый занимается исследованиями тропической фауны. В его лаборатории есть самые разные образцы змеиных ядов, кобры например, но я не могу припомнить, есть ли у него образец яда бумсланга.

— Я надеюсь, вы мне поможете. — Джэпп достал листок бумаги и вручил его доктору Брайанту. — Винтерспун написал три имени, он сказал, что я могу получить информацию у этих людей. Знаете ли вы кого-нибудь из них?

— Профессора Кеннеди я знаю плохо. С Хэйдлером я хорошо знаком, при разговоре с ним сошлитесь на меня, и я уверен, что он сделает для вас все, что сможет. Кармайкл работает в Эдинбурге, я с ним лично не знаком, но, насколько мне известно, они добились неплохих результатов.

— Я вам весьма обязан, сэр, благодарю вас. Ну что же, не смею больше вас задерживать.

Выходя на Харли-стрит, Джэпп улыбался, очень довольный собой.

— Все было предельно тактично, — пробормотал он про себя. — Такт — это все. Ни в коем случае нельзя было, чтобы он догадался о цели моего визита. Ну что же, так оно и вышло.

Глава XXI

ТРИ КЛЮЧА

Вернувшись в Скотленд-Ярд, Джэпп узнал, что его дожидается мсье Эркюль Пуаро.

Джэпп сердечно приветствовал своего приятеля:

— Ну, мсье Пуаро, что вас привело ко мне? Есть какие-нибудь новости?

— Я пришел узнать ваши новости, мой милейший Джэпп.

— На вас не похоже. Ну, если я скажу, что новостей негусто, то это будет чистой правдой. Тот парень, торговец в Париже, опознал духовую трубку — с этим все в полном порядке. А вот когда мы летели обратно из Парижа, Фурнье до смерти надоел мне со своим *moment psychologique*^[40]. Я расспрашивал стюардов до посинения, а они упорно продолжают утверждать, что не было никакого *moment psychologique*. Ничего странного или Необычного во время полета не произошло.

— Это могло случиться, когда они оба были в переднем салоне.

— Пассажиров я тоже расспросил. Не могут же врать все без исключения.

— Когда я расследовал один случай, в конце концов выяснилось, что врал абсолютно все!

— Ох уж эти ваши случаи! Говоря по правде, мсье Пуаро, я не слишком-то доволен своими достижениями. Чем больше я углубляюсь в это дело, тем меньше мне удастся обнаружить. Шеф начал посматривать на меня довольно холодно. Но что я могу поделать? К счастью, тут замешаны иностранцы. Мы здесь можем свалить все на французов, а они в Париже заявят, что преступление совершил англичанин и что это наша забота.

— Вы действительно полагаете, что это сделали французы?

— Ну, честно говоря, нет. Археолог, мне кажется, не та птица. Все они постоянно роются в земле и болтают всякую ерунду — что там произошло тысячелетия назад. И откуда это им известно, хотел бы я знать? Кто возьмется их опровергнуть? Они берут проржавевшие бусы и говорят, что им пять тысяч триста двадцать два года, и кто попробует

возразить? В общем, все археологи такие — в чем-то они, конечно, вруны, хотя, похоже, они сами себе верят, но вруны безобидные. У меня был тут недавно один такой старикан, у которого стащили скарабея, так он чуть с ума не сошел от отчаяния — милый старикашка, но беззащитный, как младенец. Нет, между нами говоря, я даже и на мгновение не поверил, что это сделали те двое французско-археологов.

— А кто, по вашему мнению, сделал это?

— Ну конечно же Кланси. Он очень подозрителен. Бродит по улицам, бормочет что-то себе под нос. Что-то он замышляет!

— Может быть, сюжет новой книги.

— Возможно... а может быть, и что-нибудь другое, но, как я ни бьюсь, никакого мотива я у него обнаружить не могу. Я и сейчас уверен, что CL 52 в черной книжке — это леди Хорбери, но из нее мне ничего не удалось выжать. Она крепкий орешек, должен вам сказать.

Пуаро улыбнулся.

Джэпп продолжал:

— Стюарды... ну, я не вижу, что могло бы связывать их с Жизелью.

— А доктор Брайант?

— А вот здесь, похоже, я набрел кое на что. Ходят слухи о его связи с пациенткой. Прелестная женщина... отвратительный муж... наркоман или что-то в этом роде. Если Брайант будет недостаточно осторожен, ему запретят практиковать. К тому же, возможно, это именно он — RT 362, и не стану скрывать от вас, что у меня появилось одно довольно интересное соображение, где он мог взять змеиный яд. Я заходил к нему побеседовать, и он проговорился. Однако это пока только догадки — фактов нет. Факты обнаружить не так-то просто. Вот, например, Райдер хочет казаться откровенным и бесхитростным — признается, что отправился в Париж одолжить денег, но у него из этой затеи ничего не получилось. Он охотно назвал имена, адреса — мы все проверили. Я между тем выяснил, что его фирма была на грани банкротства неделю или две назад, но сейчас они, похоже, начали выкарабкиваться. Так что и тут все пока безрезультатно. В этом деле сплошная путаница.

— Путаницы вообще не существует — есть некоторые неясности, это верно, а путаница может существовать только в неорганизованном

мозгу.

— Называйте это как хотите. Главное, что результат тот же. Фурнье тоже зашел в тупик. Вы-то, конечно, давно уже все распутали, да вот только нам рассказать не хотите!

— Это вы надо мной насмехаетесь. Я еще не все распутал. Я своевременно предпринял необходимые действия, методично и по порядку, но до цели все еще далеко.

— Я необычайно рад это слышать. Поделитесь же со мной, какие именно действия вы предприняли.

Пуаро улыбнулся:

— Я составил небольшую таблицу — вот такую. — Он достал из кармана листок бумаги. — Я рассуждал так: убийство есть действие, предпринятое для того, чтобы достичь определенного результата.

— Повторите, пожалуйста, еще раз, помедленнее.

— Но это ведь так просто.

— Возможно, но в вашем изложении звучит довольно сложно.

— Нет, нет, все очень просто. Скажем, вам нужны деньги — вы получите их после смерти вашей тетюшки. *Bien*, вы предпринимаете действие — убиваете тетюшку — и в результате наследуете деньги.

— Хотел бы я, чтобы у меня была парочка таких тетюшек, — вздохнул Джэпп. — Давайте дальше, я уловил вашу мысль. Вы имеете в виду, что обязательно *должен* быть мотив.

— Я предпочитаю свою формулировку. Действие предпринято, то есть совершено убийство, и каковы же теперь результаты этого действия? Изучив все результаты, мы можем получить ответ на нашу загадку. Результаты одного-единственного Действия могут оказаться весьма различными — в частности, в нашем конкретном случае действие затрагивает множество разных людей. *Eh bien*, я изучаю сегодня — через три недели после совершения преступления — результаты в одиннадцати различных случаях.

Он развернул лист бумаги.

Заинтересованный Джэпп наклонился и через плечо Пуаро прочитал:

«Мисс Грей. Результат — временная выгода. Увеличено жалованье.

Мистер Гейл. Результат плохой. Потеря клиентов.

Леди Хорбери. Результат хороший, если она — CL 52.

Мисс Керр. Результат плохой, поскольку из-за смерти Жизели едва ли у лорда Хорбери появятся улики, необходимые для развода с женой».

— Хм. — Джэпп оторвался от таблицы. — Так вы полагаете, что она увлечена его светлостью? Да вы специалист по разнохиванию любовных интрижек.

Пуаро улыбнулся. Джэпп снова склонился над схемой.

«Мистер Кланси. Результат хороший. Собирается подзаработать на книге, в которой описывается убийство.

Доктор Брайант. Результат хороший, если он — RT 362.

Мистер Райдер. Результат хороший. Заработал небольшую сумму на статьях об убийстве, что спасло его фирму в критический момент. Также хороший, если Райдер — XVВ 724.

Мсье Дюпон. Результат — никакого.

Мсье Жан Дюпон. То же самое.

Митчелл. Результат — никакого.

Дейвис. Результат — никакого».

— И вы считаете, это вам поможет? — скептически спросил Джэпп. — Я вот отнюдь не думаю, что если написать: «Я не знаю. Я не знаю. Ничего не могу сказать», то это принесет какую-то пользу.

— Это позволяет произвести четкую классификацию, — объяснил Пуаро. — В четырех случаях — мистер Кланси, мисс Грей, мистер Райдер, и, я полагаю, можно прибавить сюда и леди Хорбери — результат положительный. В случае мистера Гейла и мисс Керр он отрицательный. В четырех случаях результата вообще нет, насколько нам известно, и в одном случае, доктора Брайанта, результата или нет, или налицо явный выигрыш.

— И что из этого следует? — спросил Джэпп.

— Из этого следует, — ответил Пуаро, — что нам нужно продолжать поиски.

— Располагая столь мизерными результатами, — уныло сказал Джэпп. — А главное, мы ничего не сможем добиться, пока не получим необходимых сведений из Парижа. Копать нужно со стороны Жизели. Клянусь, я бы от этой служанки сумел бы добиться большего, чем Фурнье.

— Сомневаюсь, дружище. Самое загадочное в этом Деле — личность убитой. Женщина без подруг, без родственников, без — как это представляется со стороны — какой бы то ни было *личной* жизни. Женщина, которая была некогда молодой, любила, страдала, а затем твердой рукой захлопнула ставни, и со всем этим было покончено, не осталось ничего — ни фотографии, ни сувенира, ни какой-нибудь безделушки. Мари Моризо стала мадам Жизелью, ростовщицей.

— Вы думаете, ключ к разгадке — в ее прошлом?

— Возможно.

— Ну что же, придется как следует заняться этим ключом. Других-то в этом деле нет.

— Отнюдь. Есть, дружище, и не один.

— Ну, это, конечно, духовая трубка...

— Нет, нет, не трубка.

— Ну тогда поделитесь со мной, какие, по вашему мнению, у нас есть ключи к разгадке.

Пуаро улыбнулся:

— Я дам им такие же названия, какие мистер Кланси придумывает для своих книг: «Ключ к тайне осы», «Ключ к тайне багажа пассажиров», «Ключ к тайне лишней кофейной ложечки».

— Вы все шутите, — добродушно сказал Джэпп и переспросил: — А что это вы там насчет кофейной ложечки?

— В блюдечке мадам Жизели было две ложечки.

— Говорят, это к свадьбе.

— В данном случае, — заметил Пуаро, — к похоронам.

Глава XXII

ДЖЕЙН УСТРАИВАЕТСЯ НА НОВУЮ РАБОТУ

Когда Норман Гейл, Джейн и Пуаро после «инцидента с шантажом» встретились вечером за ужином, Норман с облегчением услышал, что в его услугах под именем «мистера Робинсона» нет больше необходимости.

— Он скончался, наш добрый мистер Робинсон, — сказал Пуаро и поднял свой бокал. — Давайте выпьем за упокой его души.

— Мир праху его, — со смехом воскликнул Норман.

— Что произошло? — спросила Джейн у Пуаро.

Тот улыбнулся ей:

— Я выяснил все, что мне было нужно.

— У нее все-таки были какие-то дела с Жизелью?

— Да.

— Это и так было ясно из моего с ней разговора, — сказал Норман.

— Совершенно верно, — согласился Пуаро, — но мне нужен был подробный рассказ со всеми деталями.

— И вы его слышали?

— Услышал.

Они оба взглянули на него вопросительно, но Пуаро, словно испытывая их терпение, принялся рассуждать о том, как связаны между собой жизнь человека и его профессиональные успехи.

— Вообще на свете не так уж много людей, занимающихся не своим делом, как можно было бы подумать. Большинство, что бы они вам ни говорили, выбирают именно то занятие, к которому втайне имеют склонность. Часто приходится слышать, как человек, работающий в конторе, говорит: «Я так хотел бы быть исследователем — путешествовать по далеким странам, преодолевая невероятные трудности», но стоит копнуть поглубже, как сразу обнаруживается, что он любит читать об этом в книгах, а сам предпочитает безопасность и умеренный комфорт конторского табурета.

— То есть, по-вашему, — сказала Джейн, — я на самом деле не так уж горю желанием путешествовать по разным странам, и мое подлинное призвание — возиться с чужими прическами. Но ведь это же *неправда*.

Пуаро улыбнулся ей:

— Вы еще молоды. Разумеется, каждый за свою жизнь пробует то одно, то другое, то третье, но вот что он в конце концов выбирает — это и есть тот образ жизни, который ему нравится.

— А если мне нравится быть богатой?

— Вот это действительно несколько сложнее!

— Не могу с вами согласиться, — сказал Гейл. — Я стал зубным врачом совершенно случайно, а вовсе не в результате сознательного решения. Мой дядя был дантистом, он хотел, чтобы я работал вместе с ним в его клинике, а я страстно жаждал путешествий и приключений. Я послал подальше зубоврачебное дело и уехал в Южную Африку — работать в питомнике. Однако ничего хорошего из этого не вышло: мне не хватало опыта. Я был вынужден принять предложение старика и вернуться, чтобы стать его компаньоном.

— А теперь вы опять подумываете о том, чтобы бросить зубоврачебное дело и уехать в Канаду. У вас, похоже, просто тяга к провинции Британского Содружества!

— Но сейчас мне поневоле придется уехать!

— О, просто невероятно, как часто обстоятельства вынуждают нас делать как раз то, чего нам хочется больше всего.

— А вот меня ничто не вынуждает путешествовать, — с грустью сказала Джейн, — а как бы мне этого хотелось.

— Eh bien, я хочу сделать вам предложение не откладывая. Я на следующей неделе отправляюсь в Париж. Если вы пожелаете, я могу взять вас к себе секретарем, — я предложу вам неплохое жалованье.

Джейн покачала головой:

— Я не могу уйти от Антуана. Это хорошая работа.

— У меня работа тоже неплохая.

— Да, но только временная.

— Потом я предложу вам аналогичное место.

— Благодарю вас, но боюсь, что я не отважусь рискнуть.

Пуаро посмотрел на нее и загадочно улыбнулся.

Через три дня у него раздался телефонный звонок.

— Мсье Пуаро, — сказала Джейн, — свободно ли еще то место, которое вы мне предлагали?

— Ну конечно. Я отправляюсь в Париж в понедельник.

— Вы говорите серьезно? Я могу ехать с вами?

— Да. Но что вдруг произошло, почему вы неожиданно изменили свое решение?

— Я разругалась с Антуаном. То есть, собственно говоря, я вышла из себя, обслуживая клиентку. Она была... абсолютной... я просто не могу сказать по телефону, кем она была. Я разнервничалась и вместо того, чтобы ублажать ее сладенькими любезностями, сорвалась и высказала ей все, что о ней думаю.

— А-а, мысль о бескрайних просторах...

— Что вы сказали?

— Я говорю, что мысли у вас были уже направлены на определенный предмет.

— Никакие это не мысли, это мой болтливый язык во всем виноват. Но знали бы вы, какое громадное я получила наслаждение, — глаза у нее стали точь-в-точь как у ее шавки — мерзкого мопса, словно вот-вот вывалятся... и вот я... вышвырнута за ухо, как бы вы сказали. Когда-нибудь, надеюсь, я смогу подыскать другую работу, а сейчас я хотела бы поехать в Париж.

— Отлично, считайте, что мы договорились. По пути я вам объясню ваши обязанности.

Пуаро и его новая секретарша не полетели на самолете, чему Джейн втайне очень обрадовалась. Она до сих пор еще не вполне оправилась от потрясения, вызванного последним полетом. Она не хотела, чтобы ей хоть что-нибудь вновь напомнило о той фигуре в черном, мешковато осевшей в кресле...

Из Кале в Париж они ехали в отдельном купе, и Пуаро поделился с Джейн своими планами.

— В Париже я должен повидать несколько человек. Во-первых, нотариуса — мэтра Тибо. Кроме того, мсье Фурнье из Сюртэ он порядочный меланхолик, но настоящий джентльмен. И еще мне нужно встретиться с мсье Дюпоном-отцом и мсье Дюпоном-сыном. Так что, мадемуазель Джейн, пока я буду беседовать с отцом, вам придется

заняться сыном. Вы очень обаятельная и привлекательная девушка, так что, я полагаю, мсье Дюпон запомнил вас еще во время коронерского следствия.

— Я с ним встретила как-то уже после этого, — сказала Джейн, слегка покраснев.

— В самом деле? И каким образом это произошло? Джейн, еще больше покраснев, рассказала, как они встретились в «Корнер-Хаусе».

— Отлично. Все складывается как нельзя лучше. О, это просто превосходная мысль пришла мне в голову — взять вас с собой в Париж. Теперь слушайте внимательно, мадемуазель Джейн. По мере возможности старайтесь не обсуждать дело Жизели, но не избегайте разговора, если Жан Дюпон сам затронет эту тему. Было бы неплохо, если бы вы, не говоря об этом прямо, дали бы понять, что в преступлении подозревается леди Хорбери. Вы можете сказать, что цель моего приезда в Париж — посоветоваться с мсье Фурнье и выяснить, какие конкретно дела могли быть у леди Хорбери с покойной.

— Несчастливая леди Хорбери — вы используете ее как ширму!

— Она не принадлежит к тому типу женщин, которые вызывают у меня симпатию, — *eh bien*, пусть от нее будет хоть какая-то польза.

Джейн, несколько помедлив, спросила:

— Но вы ведь не подозреваете в убийстве мсье Дюпона-младшего?

— Нет, нет, нет, мне нужна только кое-какая информация. — Он пристально посмотрел на нее. — Этот молодой человек... э-э... симпатичен вам? *Il est sex appeal?*

Джейн рассмешил этот вопрос.

— Нет, я бы так не сказала. Он очень наивный, но довольно милый.

— Так вы, значит, считаете, что он очень наивный?

— Но он *и в самом деле* наивный. Я думаю, это потому, что он живет прекрасной, хотя немного и не от мира сего, жизнью.

— Это верно, — согласился Пуаро. — Он, например, никогда не имел дела с чужими зубами. Его иллюзии не рассеивались в прах при виде кумира публики, трясущегося от страха в кресле дантиста.

Джейн рассмеялась.

— Я не думаю, что Норману хоть раз удалось заманить к себе какую-нибудь знаменитость в качестве пациента.

— Да и все равно это были бы пустые хлопоты, раз он собирается уезжать в Канаду.

— Теперь он поговаривает о Новой Зеландии, Он считает, что тамошний климат мне понравится больше.

— Все равно он патриот. Он остается верен Британскому Содружеству.

— Я все еще надеюсь, — сказала Джейн, — что в этом не будет необходимости.

И она со значением посмотрела на Пуаро.

— Вы намекаете, что все ваши надежда на папашу Пуаро? Ну что ж, я сделаю все, что смогу, — это я вам обещаю. Но у меня есть подозрение, мадемуазель, что некая персона не попала пока в центр нашего внимания... не сыграла еще свою главную роль... — Он нахмурился и покачал головой. — В этом деле, мадемуазель, есть неизвестный фактор. Все на это указывает...

Через два дня после приезда в Париж мсье Эркюль Пуаро и его секретарша обедали в небольшом ресторанчике вместе с Дюпонами — отцом и сыном, которых пригласил Пуаро.

Джейн нашла, что старший мсье Дюпон столь же мил, как и его сын, но у нее не было возможности перебраться с ним даже парой слов: с самого начала им всецело завладел Пуаро. Джейн общалась только с Жаном и обнаружила, что ей с ним так же легко, как и в Лондоне. Ей по-прежнему нравилось его мальчишеское поведение. Он остался все тем же наивным, дружелюбным парнем.

Но даже когда она от души смеялась и болтала с ним о всяких пустяках, то все равно была настороже и внимательно прислушивалась к обрывкам разговора старших. Она недоумевала, какая же информация нужна была Пуаро. Насколько она могла расслышать, разговор об убийстве ни разу даже и не зашел. Пуаро упорно расспрашивал своего собеседника о древнем мире. Его интерес к археологическим раскопкам в Персии казался глубоким и искренним. Мсье Дюпон был необычайно доволен проведенным вечером. Редко ему доводилось беседовать с таким умным и заинтересованным слушателем.

Было не совсем ясно, кто именно предложил, чтобы молодые люди сходили в кино, но когда они ушли, Пуаро придвинул свой стул поближе к столу и проявил еще более конкретный интерес к археологическим раскопкам.

— Я понимаю, — сказал он, — в наши тяжелые с финансовой точки зрения дни очень трудно собрать необходимые денежные средства. Вы принимаете частные пожертвования?

Мсье Дюпон рассмеялся:

— Дорогой мой друг, да мы на коленях их выпрашиваем! Но вот именно наши раскопки не вызывают интереса у широкой публики. Им нужны потрясающие результаты! Больше всего им нравится золото — золото в огромных количествах! Просто поразительно, насколько мало интересует среднего человека керамика. Керамика... да всю историю человечества можно выразить в терминах керамики. Рисунок... текстура...

Мсье Дюпон совершенно оторвался от реальности. Он умолял Пуаро, чтобы тот не позволил ввести себя в заблуждение правдоподобным на первый взгляд публикациям Б., чтобы не поверил поистине преступной ложной датировке Л. и безнадежно ненаучной стратификации Г. Пуаро торжественно поклялся, что его не сможет ввести в заблуждение ни одна из упомянутых особ.

Затем он сказал:

— А как бы вы отнеслись, например, к пожертвованию в размере пятисот фунтов?..

Мсье Дюпон чуть не свалился со стула от неожиданности.

— Вы... это предлагаете вы? Мне? Чтобы помочь нашим раскопкам? Но это замечательно, это просто изумительно! Самое большое частное пожертвование из всех, что мы когда-либо получали.

Пуаро кашлянул.

— Я позволю себе... попросить вас об одном одолжении...

— Ах да, конечно, какой-нибудь сувенир — образчик керамики...

— Нет, нет, вы меня неправильно поняли, — поспешил прервать его Пуаро, опасаясь, что мсье Дюпон опять оторвется от реальности, — речь идет о моей секретарше, той очаровательной молодой девушке, которую вы видели сегодня, — не могла бы она поехать с вами в экспедицию?

Мсье Дюпон, казалось, был озадачен.

— Ну, — проговорил он, пощипывая ус, — вероятно, можно как-нибудь это устроить. Я должен посоветоваться с сыном. Нас должны сопровождать мой племянник и его жена. Это должно было быть нечто вроде семейной экспедиции. Однако я поговорю с Жаном...

— Мадемуазель Грей страстно интересуется керамикой. Она просто очарована древностью. Это мечта ее жизни — заниматься раскопками. К тому же она просто восхитительно штопает носки и пришивает пуговицы.

— Весьма полезное умение.

— Разве нет? А теперь, позвольте-ка, вы, кажется, рассказывали что-то о керамике Сузы?

Счастливым мсье Дюпон вернулся к своей весьма оригинальной теории, касающейся Сузы I и Сузы II.

Когда Пуаро возвратился в отель, он увидел, как Джейн прощается в холле с Жаном Дюпоном.

Когда они поднимались в лифте, Пуаро сказал:

— Я нашел для вас очень интересную работу. Весной вы поедете вместе с Дюпонами в Персию.

Джейн с изумлением уставилась на него:

— Вы сошли с ума?

— Когда вам сделают такое предложение, вы примете его со всеми возможными проявлениями восторга.

— Но в Персию-то я уж никак не собираюсь. Весной я буду в Масвелл-Хилле или в Новой Зеландии с Норманом.

Пуаро взглянул на нее, и глаза у него блеснули.

— Дитя мое, — спокойно сказал он, — до марта еще несколько месяцев. Изобразить восторг еще не значит купить билет. Я тоже пообещал им крупное пожертвование, но ведь чек же я не подписал! Кстати, я вам принесу завтра утром справочник по доисторической керамике Ближнего Востока. Я сказал им, что вы страстно этим интересуетесь.

Джейн вздохнула:

— Да, похоже, должность вашего секретаря отнюдь не синекура... Что-нибудь еще?

— Да. Я сказал, что вы в совершенстве владеете искусством пришивать пуговицы и штопать носки.

— Это я тоже должна завтра продемонстрировать?

— Я думаю, было бы неплохо, — сказал Пуаро, — если бы они поверили мне на слово!

Глава XXIII

АННА МОРИЗО

На следующее утро в половине одиннадцатого меланхоличный мсье Фурнье вошел в номер Пуаро и сердечно пожал руку маленькому бельгийцу.

Он был необычайно оживлен.

— Мсье, — сказал он, — я должен кое-что вам сообщить. Думаю, я наконец догадался, что вы имели в виду, когда говорили в Лондоне о найденной духовой трубке.

— Ага! — Лицо Пуаро просияло.

— Да, — сказал Фурнье, усаживаясь на стул. — Я долго думал над тем, что вы говорили. Вновь и вновь я повторял себе: *преступление не могло быть совершено тем способом, который представлялся всем столь очевидным.* И в конце концов, в конце концов я увидел, какая связь существует между моим экспериментом в самолете и вашими словами о найденной духовой трубке.

Пуаро внимательно слушал его, но ничего не говорил.

— В тот день в Лондоне вы спросили: *«Почему духовая трубка была все-таки найдена, если ее так легко можно было выбросить в вентилятор?»* И думаю, что я нашел ответ. *«Трубка была найдена, потому что убийца хотел, чтобы ее нашли».*

— Bravo! — воскликнул Пуаро.

— Значит, и вы тоже так считали? Ну ладно, я так подумал, а после этого сделал еще один шаг. Я спросил себя: *«Почему убийца хотел, чтобы трубка была найдена?»* И на это я ответил: *«Потому что из духовой трубки не стреляли».*

— Bravo! Bravo! Я рассуждал точно так же.

— Я сказал себе: отравленный шип — это да, но не духовая трубка. Значит, что-то другое было использовано для того, чтобы выстрелить этим шипом, — что-нибудь такое, что мужчина или женщина может поднести к губам совершенно естественно, не привлекая чужого внимания. И я вспомнил, что вы настаивали на составлении полного списка всего обнаруженного в багаже пассажиров и у них самих. Две вещи особо привлекли мое внимание

— у леди Хорбери было два мундштука, и на столике перед Дюпонами лежали курдские трубки.

Мсье Фурнье умолк и посмотрел на Пуаро. Тот никак не реагировал.

— Любой из этих предметов можно было совершенно естественно поднести к губам, и никто не обратил бы на это внимания... Я прав, не так ли?

Пуаро помедлил, затем сказал:

— Вы на верном пути, да, но нужно пройти чуть-чуть дальше. И не забывайте об осе.

— Осе? — Фурнье посмотрел на него с изумлением. — Нет, тут я не могу уловить вашу мысль. Я не понимаю, какое отношение к этому имеет оса.

— Не понимаете? Но это как раз то, что я... Его прервал телефонный звонок.

Пуаро взял трубку:

— Алло, алло. А-а, доброе утро. Да, это я, Эркюль Пуаро. — Повернувшись к Фурнье, он пояснил: — Это Тибо...

— Да... да, разумеется. Очень хорошо. И вы? Мсье Фурнье? Совершенно верно. Да, он пришел. Он сейчас как раз здесь.

Прикрыв трубку ладонью, он передал Фурнье:

— Он пытался найти вас в Сюртэ. Ему сказали, что вы отправились сюда ко мне. Поговорите лучше с ним сами. Похоже, он чем-то взволнован.

Фурнье взял трубку:

— Алло... алло. Да, это говорит Фурнье... Что?.. *Что?!* В самом деле?.. Да, конечно. Да. Да, я уверен, что и он тоже. Мы немедленно выходим.

Он положил трубку и посмотрел на Пуаро:

— Появилась дочь. Дочь мадам Жизели.

— Что?

— Да, она приехала предъявить свои права на наследство.

— Откуда она приехала?

— Насколько я понял, из Америки. Тибо попросил ее зайти снова в половине двенадцатого. Он считает, что мы немедленно должны прийти к нему.

— Само собой. Мы сейчас же пойдем... Я только оставлю записку мадемуазель Грей.

Он написал:

Произошли некоторые события, вынудившие меня уйти. Если позвонит или зайдет мсье Жан Дюпон, будьте с ним любезны. Поболтайте о пуговицах и носках; о доисторической керамике пока не нужно. Он от вас без ума, но он не идиот!

Au re voir^[41] Эркюль Пуаро.

— А теперь пойдемте, дружище, — сказал он, вставая. — Это как раз то, чего я ждал, — появление на сцене таинственного персонажа, в существовании которого я все это время несколько не сомневался. Теперь — уже очень скоро — я смогу понять абсолютно все.

Мэтр Тибо встретил Пуаро и Фурнье весьма приветливо.

После того как они обменялись любезностями и приветствиями, которых требовала учтивость, юрист перешел к делу и рассказал о наследнице мадам Жизели.

— Вчера я получил письмо, — начал он, — а сегодня утром молодая леди сама пришла ко мне.

— Сколько лет мадемуазель Моризо?

— Мадемуазель Моризо — или, вернее, миссис Ричардс, так как она замужем, — ровно двадцать четыре года.

— У нее есть документы, удостоверяющие личность? — спросил Фурнье.

— Разумеется. Разумеется.

Он открыл папку, лежавшую у него возле локтя.

— С ними вам нужно ознакомиться в первую очередь. Среди документов была копия свидетельства о заключении брака между Жоржем Леманом, бакалавром, и Мари Моризо — оба родом из Квебека. Копия была датирована 1910 годом. Там было также свидетельство о рождении Анны Моризо Леман и некоторые другие документы и справки.

— Это в какой-то степени проливает свет на ранние годы жизни мадам Жизели, — сказал Фурнье.

Тибо кивнул.

— Насколько я смог понять из этих бумаг, — сказал он, — Мари Моризо была не то гувернанткой, не то белошвейкой, когда она встретила с этим Леманом. Он был, как я понял, скверным человеком и бросил ее вскоре после свадьбы. После этого она вернула себе девичью фамилию. Девочка была отдана на воспитание в Институт де Мари в Квебеке и выросла там. Мари Моризо, или Леман, покинула Квебек через какое-то время — я думаю, с мужчиной — и уехала во Францию. Периодически она переводила на имя девочки деньги и в конце концов прислала крупную сумму наличными, с тем чтобы их вручили Ребенку по достижении двадцати одного года. В это время Мари Моризо, или Леман, вела, без сомнения, довольно беспорядочную жизнь и решила, что будет лучше прервать какие бы то ни было личные отношения с дочерью.

— Откуда девушка узнала, что стала наследницей крупного состояния?

— Мы поместили краткие объявления в разных журналах. Похоже, один из них попался на глаза директрисе Института де Мари, и та написала или телеграфировала миссис Ричардс, находившейся тогда в Европе, но собиравшейся вот-вот возвращаться в Штаты.

— А кто такой Ричардс?

— Насколько я понял, он американец или канадец из Детройта, по профессии — специалист по изготовлению хирургических инструментов.

— Он не приехал вместе с женой?

— Нет, он до сих пор в Америке.

— Может ли миссис Ричардс пролить хоть какой-нибудь свет на возможные причины убийства матери?

Нотариус покачал головой:

— Девушка ничего о ней не знает. По сути дела, она не помнила даже девичью фамилию матери, хотя директриса и упоминала ее когда-то.

— Похоже, — сказал Фурнье, — что ее появление на сцене не окажет нам никакой помощи в раскрытии убийства. Да я на это, позвольте заметить, никогда и не рассчитывал. Передо мной в настоящее время стоит совсем другая задача. Благодаря моим исследованиям круг подозреваемых сузился до трех человек.

— Четырех, — сказал Пуаро.

— Вы полагаете, четырех?

— Нет, это не я полагаю, просто в соответствии с теорией, которую вы предложили моему вниманию, вы не можете ограничиться только тремя. — Он неожиданно резко взмахнул рукой. — Два мундштука, курдские трубки и флейта. Не забывайте о флейте, друг мой.

Фурнье издал изумленное восклицание, но в этот момент дверь открылась и пожилой клерк прошамкал:

— Леди вернулась.

— Ага, — сказал Тибо, — вот теперь вы сами сможете взглянуть на наследницу. Входите, мадам. Позвольте мне представить вам мсье Фурнье из Сюртэ, в чьи обязанности входит расследование у нас в стране обстоятельств смерти вашей матери. А это мсье Эркюль Пуаро, чье имя, вероятно, знакомо вам, — он великодушно согласился оказать нам содействие. Мадам Ричардс.

Дочь Жизели оказалась темноволосой молодой женщиной, довольно красивой. Она была одета изящно, хотя и скромно.

Она поздоровалась за руку со всеми по очереди, пробормотав приличествующие случаю слова приветствия.

— Хотя боюсь, господа, что едва ли я могу считать себя ее настоящей дочерью. Сколько себя помню, я всегда во всех отношениях была сиротой.

Отвечая на вопросы Фурнье, она тепло и с благодарностью рассказывала о матери Анжелике, директрисе Института де Мари.

— Она всегда была так добра ко мне.

— Когда, мадам, вы покинули Институт?

— В восемнадцать лет, мсье. Я сама стала зарабатывать себе на жизнь. Какое-то время я работала маникюршей. Работала в швейной мастерской. С мужем я познакомилась в Ницце. Он как раз собирался тогда возвращаться в Штаты. Потом он еще раз приехал по своим делам в Голландию, и мы поженились в Роттердаме месяц назад. К сожалению, он вынужден был вернуться в Канаду. Я несколько задержалась, но теперь собираюсь поехать к нему.

Анна Ричардс говорила по-французски бегло и непринужденно. Она казалась скорее француженкой, чем англичанкой.

— Каким образом вам стало известно о трагедии?

— Сначала, конечно, я прочитала об этом в газетах, о я не знала, то есть я *не осознала*, что жертвой преступления была моя мать. Затем я получила телеграмму — здесь,

Париже, от матери Анжелики, в которой она сообщила не адрес мэтра Тибо и напомнила девичью фамилию моей матери.

Фурнье глубокомысленно кивнул.

Они поговорили еще немного, но стало совершенно очевидно, что миссис Ричардс едва ли окажется им хоть чем-нибудь полезна при расследовании убийства. Она совершенно ничего не знала ни о своей матери, ни о ее деловых связях.

Узнав, в каком отеле она остановилась, Пуаро и Фурнье отпустили ее.

— Вы разочарованы, *mon vieux*^[42], — сказал Фурнье. — Вашем мозгу наверняка уже была какая-нибудь идея в связи с появлением этой девушки. Вы, вероятно, подозревали, что она может оказаться самозванкой? Или, может быть, вы и до сих пор думаете, что она самозванка?

Пуаро задумчиво покачал головой:

— Нет... я не думаю, что она самозванка. Документы, удостоверяющие ее личность, не вызывают сомнений в своей подлинности. Однако странно — мне кажется, что я или видел ее когда-то раньше, или она мне кого-то напоминает...

— Вы думаете, она похожа на покойную? — с сомнением предположил Фурнье. — По-моему, ничего общего.

— Нет, тут совсем другое... никак не могу вспомнить. Я уверен, что ее лицо кого-то мне напоминает...

Фурнье посмотрел на него с любопытством:

— Мне кажется, вас с самого начала волновала проблема исчезнувшей дочери?

— Естественно. — Пуаро слегка приподнял брови. — Из всех, кто мог получить выгоду от смерти Жизели, этой молодой женщине определенно достается самый крупный куш — звонкой монетой.

— Верно, но что это нам дает?

Минуты две Пуаро молчал, углубленный в свои мысли. Наконец он сказал:

— Дружище, этой девушке переходит по наследству очень большое состояние. Стоит ли удивляться, что с самого начала я был

уверен в ее причастности. В том самолете летели три женщины. Одна из них, мисс Венеция Керр, была из хорошей семьи, не вызывающей никаких сомнений. Но две другие? С того момента, как Элиза Грандье предположила, что отцом ребенка мадам Жизели был англичанин, я все время имел в виду, что одна из двух женщин может оказаться исчезнувшей дочерью. Обе они были примерно одного возраста. Леди Хорбери была некогда певичкой с довольно туманным прошлым и выступала под сценическим псевдонимом. Мисс Джейн Грей, как она однажды рассказала мне, выросла в детском доме.

— Ага! — воскликнул француз. — Так вот что, значит, вы предполагали! Наш друг Джэпп сказал бы, что вы переусердствовали в своем чрезмерном хитроумии.

— Верно, он всегда обвиняет меня в стремлении все чересчур усложнить.

— Ну вот видите!

— Но, в сущности, это вовсе не так — я поступаю всегда самым простым способом, какой только можно представить! И я никогда не отказываюсь признать факты.

— Но вы ведь разочарованы? Вы ожидали большего от появления этой Анны Моризо?

Они как раз входили в отель, в котором остановился Пуаро. Лежавший у портье на стойке ключ напомнил Фурнье об их утреннем разговоре.

— Я не успел поблагодарить вас, — сказал он, — за то, что вы указали мне на ошибку, которую я допустил. Я обратил внимание на два мундштука леди Хорбери и на курдские трубки Дюпонов. Но совершенно непростительно для меня было забыть о флейте доктора Брайанта, хотя всерьез я его не подозреваю...

— Неужели нет?

— Нет. Он, мне кажется, не принадлежит к тому типу людей...

Он вдруг умолк. Человек, разговаривавший у стойки с портье, повернулся — в руке у него был футляр для флейты. Человек заметил Пуаро, и глаза его мрачно блеснули: он узнал сыщика.

Пуаро направился ему навстречу, а Фурнье повернул назад и поспешил скрыться до того, как Брайант успел его увидеть.

— Доктор Брайант! — с поклоном приветствовал его Пуаро.

— Мсье Пуаро!

Они обменялись рукопожатием. Женщина, стоявшая рядом с Брайантом, пошла к лифту. Пуаро лишь мельком глянул ей вслед.

Затем он сказал:

— Ну что, *monsieur le docteur*^[43], придется вашим пациентам обойтись какое-то время без вас?

Доктор Брайант улыбнулся своей милой грустной улыбкой, так хорошо знакомой его собеседнику. Он выглядел усталым, но, как ни странно, совершенно умиротворенным.

— У меня больше нет пациентов, — сказал он. Затем, направляясь к столику, он спросил:

— Бокал шерри, мсье Пуаро, или, может быть, аперитив?

— Благодарю вас.

Они сели, и доктор отдал распоряжение официанту. Потом он медленно проговорил:

— Да, у меня больше нет пациентов. Я оставил практику.

— Довольно неожиданное решение...

— Не такое уж и неожиданное.

Он умолк, пережидая, пока официант поставит перед ними напитки. Затем, поднимая бокал, он сказал:

— Это решение было неизбежным. Я добровольно оставил свое дело, пока мне не запретили практиковать. — Он продолжал говорить мягким негромким голосом. — У каждого, мсье Пуаро, в жизни бывает такой момент, когда стоишь на распутье и нужно принимать решение. Я необычайно увлечен своей профессией — жаль, просто ужасно жаль оставлять ее. Но обстоятельства так у меня сложились, что... В этом, собственно, и заключается счастье обычной человеческой жизни.

Пуаро слушал его не перебивая.

— Есть одна леди... моя пациентка. Я страстно ее люблю. Она замужем, и муж — причина ее нескончаемых страданий. Он наркоман. Если бы вы были врачом, вы поняли бы, что это значит. У нее не было своих средств, и она не могла уйти от него... Какое-то время я колебался, но теперь я принял решение. Мы с ней вместе отправляемся в Кению, чтобы начать новую жизнь. Я надеюсь, что в конце концов и на ее долю, быть может, достанется немного счастья. Она так страдала...

Он снова умолк. Затем, несколько оживившись, сказал:

— Я ничего от вас не скрываю, мсье Пуаро, потому что скоро это все равно станет широко известно, и чем раньше вы узнаете, тем лучше.

— Вы правы, — сказал Пуаро. Помолчав, он спросил: — Я вижу, вы берете с собой флейту?

Доктор Брайант улыбнулся:

— Моя флейта, мсье Пуаро, это мой самый верный друг... Я могу потерять все, но музыка останется.

Его рука любовно погладила футляр, затем он с поклоном встал.

Пуаро тоже поднялся.

— Желаю вам самого наилучшего, *monsieur le docteur*, а также мадам, — сказал Пуаро.

Когда Фурнье снова подошел к своему приятелю, Пуаро у стойки заказывал телефонный разговор с Квебеком.

Глава XXIV

СЛОМАННЫЙ НОГОТЬ

— Зачем вы собираетесь туда звонить? — воскликнул Фурнье. — Ваши мысли все еще заняты этой девушкой-наследницей? Определенно, это стало у вас своего рода *idée fixe*^[44].

— Отнюдь нет, — сказал Пуаро. — Но всегда нужно действовать по порядку и методично. Следует закончить с предыдущим делом, перед тем как переходить к следующему.

Он оглянулся:

— А вот и мадемуазель Джейн. Давайте представим, что вам вдруг захотелось немного приударить за ней. А я присоединюсь к вам, как только освобожусь.

Фурнье не стал спорить, и они с Джейн прошли в ресторан.

— Ну как? — спросила Джейн с любопытством. — Что она собой представляет?

— Немного выше среднего роста, темноволосая, кожа смуглая, подбородок острый...

— Вы словно записываете данные в паспорт, — сказала Джейн. — Вот в моем паспорте указаны, мне кажется, просто оскорбительные приметы. Там все сплошь среднее и обыкновенное. Нос — средний, рот — обыкновенный. Каким, по их мнению, вообще может быть рот? Лоб — обыкновенный, подбородок — обыкновенный.

— Зато глаза необыкновенные, — сказал Фурнье.

— И даже глаза у меня серые, не слишком-то привлекательный цвет.

— А кто вам сказал, мадемуазель, что это непривлекательный цвет? — спросил француз, наклонившись в ее сторону.

Джейн рассмеялась.

— Вы просто великолепно говорите по-английски, — сказала она. — Расскажите мне подробнее об Анне Моризо — она хорошенькая?

— *Assez bien*^[45], — осторожно ответил Фурнье. — К тому же она не Анна Моризо. Она Анна Ричардс. Она замужем.

— Ее муж тоже был здесь?

— Нет.

— Странно. А почему?

— Потому что он где-то в Канаде или в Америке.

Он рассказал ей о некоторых обстоятельствах биографии Анны. Как раз в тот момент, когда он заканчивал свой рассказ, к ним подошел Пуаро.

Он выглядел несколько удрученным.

— Ну как, mon cher? — спросил Фурнье.

— Я разговаривал с самой директрисой — матерью Анжеликой. Вы знаете, это так романтично — трансатлантические переговоры. Запросто разговаривать с человеком, который находится на другой стороне земного шара.

— Фотография, переданная по телеграфу, — это тоже весьма романтично. Наука — это сплошная романтика. И что вы узнали?

— Я говорил с матерью Анжеликой. Она в точности подтвердила все, что миссис Ричардс рассказала нам об обстоятельствах, при которых она попала в Институт де Мари. Она высказывалась достаточно нелицеприятно о ее матери, покинувшей Квебек с французом-виноделом. В то время мать Анжелика даже испытывала облегчение от того, что ребенок не попадет под влияние своей матери. С ее точки зрения, Жизель катилась вниз по наклонной плоскости. Деньги присылались регулярно, но Жизель даже и не помышляла о свидании.

— Собственно говоря, ваш разговор лишь подтвердил то, что мы услышали сегодня утром.

— Практически да, если не считать того, что я узнал некоторые подробности. Анна Моризо покинула Институт де Мари шесть лет назад и стала маникюршей, затем она устроилась прислугой у какой-то важной дамы и вместе с ней уехала из Квебека в Европу. Писала она нечасто, но мать Анжелика получала от нее весточку по меньшей мере дважды в год. Когда она прочитала в газете сообщение о коронерском следствии, то поняла, что эта Мари Моризо, скорее всего, и была той самой Мари Моризо, которая жила некогда в Квебеке.

— А что известно о ее муже? — спросил Фурнье. — Теперь, когда мы точно знаем, что Жизель была замужем, муж как раз и может оказаться неучтенным фактором?

— Я тоже об этом подумал. Это была одной из причин моего звонка. Жорж Леман, беспутный муж Жизели, погиб в первые дни войны.

Он умолк, а затем неожиданно спросил:

— О чем я сейчас говорил?.. Нет, не самая последняя фраза, а перед этим? Мне сейчас вдруг показалось, что я, сам того не осознавая, сказал что-то очень важное.

Фурнье повторил, насколько смог запомнить, слова Пуаро, но маленький человечек недовольно покачал головой.

— Нет... нет... это все не то. Ну ладно, неважно...

Он повернулся к Джейн и завязал с ней непринужденный разговор.

В конце трапезы он предложил пойти выпить кофе в холле.

Джейн согласилась и протянула руку за сумочкой и перчатками, лежавшими на столе. Взяв их, она с досадой поморщилась.

— Что случилось, мадемуазель?

— О, ничего особенного, — рассмеялась Джейн. — У меня сломался ноготь. Мне нужно его подпилить.

Неожиданно Пуаро снова сел.

— *Nom d'un nom d'un nom*^[46], — чуть слышно пробормотал он.

Его собеседники уставились на него в изумлении.

— Мсье Пуаро, — воскликнула Джейн, — что все это значит?

— Это значит, — сказал Пуаро, — что теперь я вспомнил, почему лицо Анны Моризо мне знакомо. Я видел ее раньше... в самолете в день убийства. Леди Хорбери послала за ней, чтобы она принесла пилку для ногтей. Анна Моризо была прислугой у леди Хорбери.

Глава XXV

«МНЕ СТРАШНО»

Это неожиданное открытие произвело ошеломляющее впечатление на всех троих. Дело приняло совершенно новый оборот.

Выяснилось вдруг, что Анна Моризо, не имевшая, казалось, никакого отношения к трагедии, самым непосредственным образом находилась на месте преступления. Пары минут хватило на то, чтобы заново оценить все соображения и версии.

Пуаро отчаянно взмахнул руками, глаза его были закрыты, а лицо искажено гримасой.

— Минуточку... минуточку, — умолял он их, — я должен подумать, увидеть, понять, каким образом это может повлиять на все мои представления об этом деле. Мне нужно сосредоточиться! Я должен вспомнить... Тысяча проклятий моему злосчастному желудку! Я был занят только собственными ощущениями.

— Значит, на самом деле она была в самолете, — сказал Фурнье, — понятно. Я начинаю понимать.

— Я припоминаю, — сказала Джейн, — высокая, темноволосая девушка. — Она прикрыла глаза от усилия, пытаюсь вспомнить. — Мадлен, так называла ее леди Хорбери.

— Верно, Мадлен, — сказал Пуаро.

— Леди Хорбери послала ее в самый хвост самолета за сумочкой — красным несессером.

— Вы хотите сказать, — воскликнул Фурнье, — что эта девушка прошла как раз мимо того кресла, в котором сидела ее мать?

— Совершенно верно.

— Мотив, — сказал Фурнье и глубоко вздохнул. — И возможность... Да, все в наличии.

И обычно меланхоличный и сдержанный Фурнье яростно стукнул рукой по столу.

— Но, черт побери! — воскликнул он. — Почему никто даже не упоминал об этом? Почему ее не включили в список подозреваемых?

— Я уже говорил вам, друг мой. Я уже говорил вам, — ответил Пуаро утомленно. — Всею виной мой злосчастный желудок.

— Да, да, это вполне можно понять. Но ведь были и здоровые желудки — у стюардов, у других пассажиров.

— Мне кажется, — сказала Джейн, — это, вероятно, потому, что все произошло слишком рано. Самолет только что взлетел в Ле-Бурже, после этого Жизель была жива и здорова еще час или около того; Похоже, что она была убита значительно позже.

— Это любопытно, — задумчиво сказал Фурнье. — Может быть, яд был замедленного действия? Бывает и такое...

Пуаро застонал и уронил голову на руки.

— Я должен подумать. Я должен подумать... Может ли быть, что абсолютно все мои рассуждения оказались неверны?

— Старина, — сказал Фурнье. — Бывает иногда и такое. У меня, например, тоже бывает. Теперь это с вами случилось. Нужно иногда спрятать свою гордость в карман и пересмотреть свои рассуждения.

— Верно, — согласился Пуаро. — Возможно, что все это время я придавал слишком большое значение одной детали. По моим расчетам, я должен был обнаружить определенный ключ к разгадке. Я нашел его и, исходя из этого, построил все следствие. Но если я с самого начала ошибался, если этот предмет оказался там, где он оказался, лишь по чистой случайности... ну тогда... да... я признаю, что я не прав — абсолютно во всем не прав.

— Вы не можете игнорировать всю важность такого поворота событий, — сказал Фурнье. — Мотив и возможность, что вам еще нужно?

— Ничего. Может быть, все именно так, как вы говорите. Яд замедленного действия — это, конечно, что-то экстраординарное, с практической точки зрения, можно даже сказать, *невозможное*. Но там, где речь идет о ядах, случается даже невозможное. Нужно иметь в виду вероятность идиосинкразии...

Его голос оборвался.

— Нам следует обсудить план действий, — сказал Фурнье. — В данный момент, я полагаю, было бы неблагоприятно вызвать подозрение у Анны Моризо. Она даже понятия не имеет о том, что вы ее узнали. У нас не возникло сомнений в ее добропорядочности, она в этом уверена. Нам известно, в каком отеле она остановилась, и мы можем связаться с ней через Тибо. С юридическими формальностями можно и не спешить. Нами установлены два важных момента —

возможность и мотив. Нам нужно еще доказать, что у Анны Моризо был змеиный яд. Остается также невыясненным вопрос об американце, который купил духовую трубку и дал взятку Жюлю Перро. Это наверняка был ее муж — Ричардс. Ведь только с ее слов мы знаем, что он в Канаде.

— Как вы сказали... муж? Конечно, муж. Ах, подождите, подождите!

Пуаро стиснул руками голову.

— Все опять не так, — пробормотал он. — Я не использую маленькие серые клеточки мозга методично и по порядку. Нет, я сразу перепрыгиваю к выводам. Я подумал, вероятно, то, что и должен был *подумать*. Нет, опять неверно. Если моя первоначальная идея была правильной, ничто не может вынудить меня думать по-другому...

Он внезапно смолк.

— Прошу прощения, — обратилась к нему Джейн, но он не ответил.

Какое-то время он молчал, затем опустил руки, сел совершенно ровно и аккуратно поправил вилки и солонку — так, чтобы они лежали абсолютно симметрично.

— Давайте-ка порассуждаем, — сказал он, — или Анна Моризо преступница, или она непричастна к преступлению. Если она невиновна, то почему она лгала? Почему она скрыла тот факт, что она была прислугой у леди Хорбери?

— Действительно, почему?

— Так что предположим что Анна Моризо причастна к преступлению, поскольку она солгала. Однако подождите. Допустим, мое первое предположение было правильным. Не противоречит ли этому предположению причастность Анны Моризо к преступлению, то есть то, что она солгала? Да... да... это *могло бы* быть — при одном условии. Но в таком случае — и если это условие соответствует истине — *тогда Анны Моризо вообще не должно было быть в самолете*.

Все смотрели на него с вежливым, но, похоже, несколько снисходительным интересом.

Фурнье думал:

«Теперь я понимаю, что имел в виду этот англичанин, Джэпп. Старикан словно нарочно создает трудности. Он старается сделать так, чтобы дело, оказавшееся простым, выглядело как можно сложнее. Он

не может примириться с наипростейшим решением, если только оно не совпадает с его предвзятыми идеями».

Джейн думала:

«Я вообще не понимаю, что он имеет в виду... Почему девушка не должна была лететь самолетом? Она должна была быть вместе с леди Хорбери, куда бы та ни поехала... Мне кажется, он и в самом деле немного шарлатан...»

Неожиданно Пуаро с шумом выдохнул воздух.

— Ну конечно, — сказал он. — Вполне может быть и так, и это очень легко проверить.

Он встал.

— И что теперь, друг мой? — спросил Фурнье.

— Опять к телефону, — ответил Пуаро.

— Трансатлантический с Квебеком?

— На этот раз всего лишь звонок в Лондон.

— В Скотленд-Ярд?

— Нет, в дом лорда Хорбери на Гроссвенор-сквер. Если только мне повезет и я застаю леди Хорбери дома.

— Будьте осторожны, дружище. Если Анне Моризо каким-либо образом станет известно, что следствие ею интересуется, это может сильно нам помешать. Прежде всего мы должны усыпить ее бдительность.

— Не бойтесь. Я буду осторожен. Я задам всего один маленький вопрос — вопрос самого безобидного свойства. — Он улыбнулся. — Вы можете пойти со мной, если хотите.

— Нет, нет.

— И все же. Я настаиваю на этом.

Мужчины вышли, оставив Джейн одну.

Им пришлось немного подождать, пока их соединили с Лондоном. Пуаро и в самом деле повезло. Леди Хорбери оказалась дома, она завтракала.

— Хорошо. Не были бы вы так любезны передать леди Хорбери, что ее просит к телефону мсье Эркюль Пуаро из Парижа. — Наступила пауза. — Это вы, леди Хорбери? Нет, нет, все в порядке. Я уверяю вас, что *все в порядке*. Я совсем по другому поводу. Я хочу, чтобы вы ответили мне на один вопрос. Да... Когда вы обычно летите из Парижа в Англию, ваша прислуга летит вместе с вами или она едет

на поезде? На поезде... И в этом случае было так? Понятно... Вы уверены? Ах, она вас оставила. Понятно. Она покинула вас совершенно неожиданно. *Mais oui*. Черная неблагодарность. Как это верно. В высшей степени неблагодарный класс! Да, да, совершенно справедливо. Нет, нет, вам не стоит беспокоиться. *Au revoir*. Благодарю вас.

Он положил трубку и повернулся к Фурнье. Его зеленые глаза блестели.

— Послушайте, дружище, *прислуга леди Хорбери обычно ездила на поезде*. А в день убийства Жизели леди Хорбери *в последний момент* решила, что Мадлен тоже полетит с ней.

Он взял француза под руку.

— Быстрей, друг мой, — сказал он. — Нам нужно поспешить к ней в отель. Если мои рассуждения верны, а я думаю, что так оно и есть, то нельзя терять ни минуты.

Фурнье смотрел на него с удивлением. Но до того, как он успел задать вопрос, Пуаро повернулся и направился к вертящимся дверям отеля.

Фурнье поспешил за ним.

— Но я не понимаю. Что все это значит?

Швейцар открыл дверцу такси. Пуаро нырнул в машину и назвал адрес отеля Анны Моризо.

— И поезжайте быстрее, как можно быстрее!

Фурнье тоже поспешил сесть в машину.

— Какая муха вас укусила? К чему такая сумасшедшая гонка?

— Дружище, если, как я вам уже сказал, мои рассуждения верны, то Анне Моризо угрожает опасность.

— Вы так полагаете?

Фурнье не смог скрыть своего скептицизма.

— Мне страшно! — воскликнул Пуаро. — Мне страшно. О боже, как плетется это такси!

Такси неслось в тот момент со скоростью добрых сорока миль в час, лавируя в плотном потоке машин и избегая столкновений только благодаря великолепной реакции водителя.

— Оно так медленно плетется, что мы вот-вот угодим в аварию, — сухо заметил Фурнье. — А мадемуазель Грей — ведь мы оставили ее там ждать нашего возвращения после телефонного звонка!

А сами убежали из отеля, даже не предупредив ее. Не слишком-то это вежливо!

— Вежливо, невежливо — какое это может иметь значение, если речь идет о жизни и смерти?

— Жизни и смерти? — Фурнье пожал плечами.

Про себя он подумал:

«Все это, конечно, хорошо, но этот упрямый безумец может поставить под угрозу все дело. Если только девушка узнает, что мы за ней следим...»

Вслух он сказал как можно более убедительным тоном:

— Послушайте, мсье Пуаро, будьте благоразумны. Нам нужно действовать осторожнее.

— Вы не понимаете, — воскликнул Пуаро, — мне в самом деле страшно... страшно...

Такси, взвизгнув тормозами, резко затормозило перед скромным отелем, в котором остановилась Анна Моризо.

Пуаро выскочил из машины и чуть не столкнулся с молодым человеком, выходящим из отеля.

Пуаро замер на мгновение как громом пораженный, глядя ему вслед.

— Еще одно знакомое лицо... но откуда?.. А, вспомнил, это актер Раймонд Барраклу.

Когда Пуаро направился ко входу в отель, Фурнье попытался удержать его за руку.

— Мсье Пуаро, я испытываю величайшее уважение к вашим методам, просто восхищаюсь ими, но я абсолютно уверен, что не следует предпринимать опрометчивых действий. Здесь, во Франции, я отвечаю за ведение следствия по этому делу...

Пуаро перебил его:

— Я вполне понимаю ваше беспокойство, но не следует опасаться с моей стороны никаких «опрометчивых действий». Давайте просто узнаем у администратора. Если мадам Ричардс здесь и все в порядке, тогда мы вместе обсудим наши дальнейшие действия. Вы не возражаете?

— Нет, нет, конечно нет.

— Ну и отлично.

Пуаро прошел через турникет и поднялся к стойке администратора. Фурнье последовал за ним.

— У вас здесь проживает миссис Ричардс, насколько мне известно, — сказал Пуаро.

— Нет, мсье. Она действительно останавливалась у нас, но сегодня выехала.

— Выехала? — переспросил Фурнье.

— Да, мсье.

— Когда?

Служащий взглянул на часы:

— Чуть больше получаса назад.

— Ее отъезд был неожиданным? Куда она направилась?

Служащего насторожили эти расспросы — он посмотрел с подозрением и решил, видимо, промолчать, но, увидев предъявленное Фурнье удостоверение, сразу изменил тон и выразил готовность оказать любую возможную помощь.

Нет, леди не оставила адреса. Ему показалось, что отъезд произошел в результате неожиданного изменения ее планов. Она говорила совершенно определенно, что собирается жить здесь еще около недели.

Расспросы были продолжены. Вызвали консьержа, носильщиков, мальчишек-лифтеров.

По словам консьержа, некий джентльмен хотел встретиться с леди. Когда он пришел, ее не было, но он дождался ее возвращения, и они вместе пообедали. Что за джентльмен? Американский джентльмен — самый что ни на есть американский. Она, похоже, была очень удивлена его появлением. После обеда леди распорядилась вынести ее багаж и погрузить его в такси.

Куда она поехала? На Северный вокзал, по крайней мере так она сказала водителю такси. Поехал ли с ней американский джентльмен? Нет, он ушел один.

— Северный вокзал, — сказал Фурнье. — Это означает, по всей вероятности, что она собралась в Англию двухчасовым поездом. Но это может оказаться и маскировкой, чтобы сбить нас со следа. Мы должны позвонить в Булонь и попытаться найти это такси.

Похоже было, что теперь уже Фурнье разделял опасения Пуаро. Он выглядел очень обеспокоенным.

Быстро и умело Фурнье привел в действие машину правосудия.

Было уже пять часов, когда Джейн, сидевшая с книгой в холле отеля, увидела, что к ней приближается Пуаро.

Она открыла было рот, но слова укора замерли у нее на губах. Нечто в выражении его лица остановило ее.

— В чем дело? — спросила она. — Что-то случилось?

Пуаро взял ее за руку.

— Жизнь просто ужасна, мадемуазель, — сказал он.

Что-то в его тоне напугало Джейн.

— В чем дело? — переспросила она.

Пуаро медленно проговорил:

— Когда поезд прибыл в Булонь, в вагоне первого класса обнаружили женщину... мертвую.

Джейн побледнела:

— Анну Моризо?

— Анну Моризо. В руке у нее нашли маленький пузырек из голубого стекла, в котором была синильная кислота.

— О! — воскликнула Джейн. — Самоубийство?

Пуаро ответил не сразу. Помедлив, он сказал, старательно подбирая слова:

— Да, полиция полагает, что это самоубийство.

— А вы?

Пуаро выразительно развел руками:

— А что же еще остается думать?

— Она покончила жизнь самоубийством... но почему? От угрызений совести или оттого, что боялась разоблачения?

Пуаро покачал головой.

— В жизни иногда случаются просто ужасные вещи, — сказал он. — Нужно обладать большой силой духа.

— Чтобы убить себя? Да, пожалуй, вы правы.

— А также чтобы жить, — сказал Пуаро, — для этого тоже нужно обладать силой духа.

Глава XXVI

ПОСЛЕОБЕДЕННЫЙ РАЗГОВОР

На следующий день Пуаро уехал из Парижа. Джейн осталась с целым списком поручений, которые должна была выполнить. Большинство из них казались ей просто бессмысленными, но она выполняла их со всей тщательностью. Она дважды встречалась с Жаном Дюпоном. Он заговорил об экспедиции, в которой Джейн должна была принять участие, и она не решилась рассеять его заблуждение, не получив никаких инструкций от Пуаро. Поэтому она всячески уклонялась от обсуждения этого вопроса и переводила разговор на другие темы.

Через пять дней она была вызвана в Англию телеграммой.

Норман встретил ее на вокзале Виктория, и они обсудили недавние события.

Самоубийство почти не получило огласки. В газетах появилась небольшая заметка о том, что канадская леди, миссис Ричардс, покончила жизнь самоубийством в экспрессе Париж — Булонь, вот и все. Не было никаких упоминаний о том, что это каким-то образом связано с убийством в самолете.

И Норман, и Джейн — оба были в приподнятом настроении. Их несчастья, как они надеялись, подходили к концу. Норман, правда, был настроен менее оптимистично, чем Джейн.

— Они могут подозревать ее в убийстве матери, но теперь, когда она таким образом сошла со сцены, они, вероятно, не станут слишком усердствовать в расследовании этого случая, а до тех пор, пока ее вина не доказана, нам, бедолагам, ничего хорошего ожидать не приходится. В глазах публики мы все остаемся под подозрением в той же степени, что и раньше!

Он сказал о том же Пуаро, с которым повстречался через несколько дней на Пикадилли. Пуаро улыбнулся:

— Вы похожи на всех остальных. Вы думаете, что я — старик, неспособный довести дело до конца! Послушайте, приходите сегодня вечером на обед. Будет Джэпп, а также наш друг мистер Кланси. Я собираюсь рассказать кое-что интересное.

Обед прошел в приятной атмосфере. Джэпп вел себя покровительственно, доброжелательно подшучивал над Пуаро, Норман был заинтригован, а маленький мистер Кланси испуган почти так же, как и тогда, когда обнаружил смертоносный шип.

Заметно было, что Пуаро достаточно постарался, чтобы произвести соответствующее впечатление на коротышку писателя.

После обеда, допив свой кофе, Пуаро откашлялся с несколько смущенным, хотя и довольным, видом.

— Друзья мои, — начал он. — Мистер Кланси интересовался тем, что он как-то назвал «моими методами, Ватсон». *C'est ça, n'est-ce pas*^[47]? Я мог бы, если вам это не покажется скучным... — он сделал многозначительную паузу, и Норман вместе с Джэппом поспешили сказать: «Нет, нет, что вы» и «Это в высшей степени интересно», — дать небольшое *resumé* моих методов на примере этого конкретного дела.

Он умолк и заглянул в какие-то свои записи. Джэпп прошептал Норману:

— Изображает из себя невесть что, не правда ли? Тесь раньше его на свет появилась.

Пуаро хмыкнул и укоризненно посмотрел на него. Все трое тут же повернулись к нему с живейшим интересом на лицах, и он начал:

— Давайте вернемся к самому началу, друзья мои, — воздушному лайнеру «Прометей», когда он совершал свой злополучный полет из Парижа в Кройдон. Я собираюсь самым подробным образом описать вам мои мысли и впечатления в тот момент, а затем перейду, к тому, насколько мои рассуждения подтвердились в свете последующих событий, а какие из них мне пришлось в дальнейшем пересмотреть.

Когда перед самым прибытием в Кройдон стюард вызвал доктора Брайанта и он отправился осмотреть тело, я последовал за ним. У меня появилось такое чувство, что — кто знает? — это может оказаться по моей части. У меня, возможно, слишком уж профессиональный подход к делу всегда, когда речь идет о смерти. Все случаи смерти, с моей точки зрения, делятся на две категории — имеющие ко мне отношение и не имеющие, и, хотя вторая категория куда многочисленнее первой, тем не менее всегда, когда мне приходится сталкиваться с чьей-то смертью, я, словно собака, невольно принимаю — нет ли каких-нибудь следов.

Доктор Брайант подтвердил опасения стюарда — женщина была мертва. Что касается причины смерти, то, естественно, он не мог сказать ничего определенного без тщательного обследования. Именно в этот момент возникло предположение — его высказал мсье Жан Дюпон, — что смерть могла наступить в результате шока, вызванного укусом осы. В подтверждение этой гипотезы он продемонстрировал осу, убитую им незадолго до этого.

Теперь в наличии была вполне правдоподобная теория, и, похоже, она вполне могла удовлетворить всех присутствующих. У женщины на шее было пятнышко, очень напоминавшее след от укуса. В пользу этого предположения говорил и тот факт, что оса действительно летала по салону.

Но в этот миг я довольно удачно взглянул вниз и нашел нечто, казавшееся на первый взгляд еще одной убитой осой. В действительности это был небольшой шип с распущенным черным и желтым шелком на нем.

Как раз тогда подошел мистер Кланси и заявил, что это шип, которым выстрелили из духовой трубки, как это делают некоторые дикие племена. Позднее, как нам известно, была обнаружена и сама духовая трубка.

К тому времени, когда мы приземлились в Кройдоне, у меня возникло уже несколько версий. Как только я очутился на твердой земле, мой мозг снова начал работать с обычным блеском.

— Продолжайте, мсье Пуаро, — сказал с усмешкой Джэпп, — ложная скромность вам не к лицу.

Пуаро мельком глянул на него и продолжил:

— Одно мне было ясно так же, как и всем остальным: преступление, совершено с необычайной дерзостью, поразительно, что никто не заметил, как оно было совершено!

Кроме того, меня заинтересовали еще два момента. Один из них — весьма своевременное появление осы. Второй — то, что была найдена духовая трубка. Как я уже говорил после коронерского следствия моему другу Джэппу, отчего это, спрашивается, убийца не избавился от нее, протолкнув в вентиляционное отверстие иллюминатора? Сам по себе шип было бы довольно трудно заметить, а тем более выяснить его происхождение, а духовая трубка, на которой

остался обрывок магазинного ярлыка с ценой, — это совсем другое дело.

В чем же разгадка? Совершенно очевидно — убийца *хотел*, чтобы духовую трубку нашли.

Но почему? Только один ответ представлялся мне логичным. Если найдены отравленный шип и духовая трубка, то естественно предположить, что убийство было совершено при помощи шипа, выпущенного из духовой трубки. Следовательно, на самом деле убийство было совершено *другим* способом.

Однако, как показала экспертиза, причиной смерти был, вне всяких сомнений, именно отравленный шип. Я закрыл глаза и спросил себя: какой самый надежный, самый верный способ попасть отравленным шипом в сонную артерию? И немедленно нашел ответ: *рукой*.

И это сразу объяснило мне, почему была обнаружена духовая трубка. Наличие духовой трубки неизбежно приводило к мысли о наличии определенной *дистанции*. Если моя теория была верной, тот, кто убил мадам Жизель, подошел прямо к ее столику и наклонился к ней.

Была ли у кого-нибудь такая возможность? Да, у двоих. У стюардов. Любой из них мог подойти к мадам Жизели, наклониться к ней, и никто не заметил бы ничего необычного.

Был ли кто-нибудь еще?

Ну, еще был мистер Кланси. Он был единственным человеком в самолете, который прошел в непосредственной близости от кресла мадам Жизели, и я вспомнил, что это именно он первым выдвинул теорию духовой трубки и стрелы.

Мистер Кланси вскочил.

— Я протестую! — воскликнул он. — Я протестую! Это клевета!

— Сядьте, — сказал Пуаро. — Я еще не закончил. Я должен продемонстрировать вам по порядку все звенья моих рассуждений, которые привели меня к окончательному выводу.

Теперь я подозревал троих: Митчелла, Дейвиса и мистера Кланси. Никто из них на первый взгляд не был похож на убийцу, но требовалось тщательное расследование.

Затем я задумался над историей с осой. Она невольно наводила на размышления, эта оса. Начнем с того, что никто не замечал ее до того,

как был подан кофе. Это само по себе было достаточно любопытно. У меня возникла теория, каким образом было совершено преступление. Убийца как бы предлагал нам два разных варианта разгадки причин этой трагедии. В соответствии с первым, или самым простым, мадам Жизель была укушена осой и скончалась от сердечной недостаточности. Успех этой версии зависел от того, сможет ли убийца подобрать стрелу. Мы с Джэппом сошлись во мнении, что это можно было сделать достаточно легко — *до тех пор, пока не возникло подозрение, что тут дело нечисто*. Шелк, первоначально ярко-красный, был заменен, и я не сомневаюсь, специально — чтобы шип стал похож на осу.

Наш убийца, таким образом, подходит к столику жертвы, вонзает шип и выпускает осу! Яд был настолько силен, что смерть должна была наступить практически мгновенно. Если бы Жизель вскрикнула, этого, вероятно, никто бы не услышал из-за шума самолета. Если бы кто-то все же обратил внимание, ну, тогда вполне достаточно было заметить жужжащую осу, чтобы найти объяснение этому крику: несчастная женщина была просто ужалена.

Это, как я сказал, был план номер один. *Но предположим, что, как оно и произошло на самом деле, отравленный шип будет обнаружен раньше, чем убийца сможет его подобрать*. В этом случае дело намного серьезнее. Версия естественной смерти отпадает. И вот вместо того, чтобы выбросить духовую трубку в иллюминатор, ее положили в такое место, где непременно должны были найти в случае обыска самолета, и тут же возникло бы предположение, что именно трубка была орудием преступления. Это должно было создать ощущение определенной дистанции и направить подозрения в заранее запланированном направлении.

У меня была теперь собственная версия о том, как было совершено преступление, и у меня было трое подозреваемых плюс еще один, под сомнением, — мсье Жан Дюпон, который выдвинул версию «смерти от укуса осы» и который сидел у прохода так близко от Жизели, что мог встать со своего места незамеченным и дотянуться до нее. С другой стороны, я не думал, что в действительности он бы осмелился так рисковать.

Я сосредоточился на проблеме осы. Если убийца принес осу в самолет и выпустил ее в подходящий с точки зрения психологии

момент, то у него должно быть нечто вроде маленькой коробочки, в которой он ее держал.

Отсюда мой интерес к содержимому карманов пассажиров и их ручного багажа.

И здесь я пришел к совершенно неожиданному открытию. Я обнаружил то, что искал, но, как мне показалось, совсем не у того человека. Это был маленький пустой коробок из-под спичек «Брайант энд Мэй» в кармане мистера Нормана Гейла. *Но все свидетели показали, что мистер Гейл не проходил мимо мадам Жизели.* Он выходил только в туалет и вернулся на свое место.

Тем не менее, хотя это и кажется *невозможным*, на самом деле был способ, благодаря которому мистер Гейл мог совершить преступление, — это подтвердило содержимое его атташе-кейса.

— Моего атташе-кейса? — переспросил Норман Гейл. Рассказ Пуаро, казалось, позабавил его, хотя и несколько озадачил. — Хм, я даже не помню теперь, что там у меня было.

Пуаро дружелюбно ему улыбнулся:

— Подождите немного. Я дойду и до этого. Я сейчас излагаю вам мои первоначальные версии.

Продолжаю: у меня было четверо подозреваемых с точки зрения *возможности* — два стюарда, Кланси и Гейл.

Теперь я взглянул на этот случай с *противоположной* точки зрения — с точки зрения мотива. Если *мотив* совпадает с *возможностью*, значит, я нашел убийцу! Но увы, я не мог обнаружить ничего подобного. Мой друг Джэпп обвинил меня в том, что я все усложняю. Напротив, я подошел к вопросу о мотиве со всей возможной простотой. Кому было выгодно устранение мадам Жизели? Совершенно ясно, что ее неизвестной дочери, поскольку эта дочь Должна унаследовать состояние. Были также определенные личности, находившиеся во власти мадам Жизели или, скажем так, которые *могли* находиться во власти Жизели, по нашим сведениям. Это, следовательно, была задача на исключение. Что касается пассажиров самолета, то я был Уверен, что по меньшей мере один из них наверняка был связан с мадам Жизелью. Этим человеком была леди Хорбери.

Мотивы леди Хорбери были ясны. Предыдущим вечером она приходила к мадам Жизели, в ее парижский дом. Она была в

отчаянном положении, кроме того, у нее был друг, молодой актер, который вполне мог перевоплотиться в американца, покупавшего духовую трубку, а также подкупить служащего компании «Юниверсал эйрлайнз», чтобы Жизель полетела непременно двенадцатичасовым рейсом.

Таким образом, проблема разделилась на две части. Я не понимал, каким образом у леди Хорбери могла появиться *возможность* совершить преступление, и я не мог понять, какие могли быть *мотивы* у стюардов, у мистера Кланси или мистера Гейла, чтобы его совершить.

Кроме того, все это время я ни на мгновение не забывал о неизвестной дочери и наследнице Жизели. Был ли кто-нибудь из четверых подозреваемых женат, и если да, то не может ли одна из жен оказаться Анной Моризо? Если отец ее был англичанин, девушка могла вырасти в Англии. Жена Митчелла я вскоре исключил: она происходит из старинного дорсетского рода. Дейвис ухаживал за девушкой, чьи отец и мать были живы. Мистер Кланси был не женат. Мистер Гейл совершенно очевидно был влюблен по уши в мисс Джейн Грей.

Должен сказать, что я изучил прошлое мисс Грей весьма тщательно, узнав от нее в случайном разговоре, что она выросла в детском доме возле Дублина. Но вскоре я был вполне удовлетворен, выяснив, что мисс Грей не была дочерью мадам Жизели.

Я составил таблицу результатов. Стюарды ничего не потеряли и не выиграли от смерти мадам Жизели, если не считать, что Митчелл явно страдал от нервного потрясения. Мистер Кланси собирался написать книгу и неплохо заработать. Мистер Гейл быстро терял свою практику. Все эти сведения практически ничего мне не дали.

И все же тогда я был убежден, что убийца — мистер Гейл, — из-за пустого спичечного коробка и содержимого его атташе-кейса. На первый взгляд он явно потерял, а не выиграл от смерти Жизели. Но это могло быть поверхностным впечатлением.

Я решил завязать с ним знакомство. По своему опыту я знаю, что во время разговора любой рано или поздно себя выдаст... Никто не может сопротивляться непреодолимой потребности рассказывать о себе самом.

Я старался завоевать доверие мистера Гейла. Я притворился, что полностью доверяю ему, и даже попросил у него содействия. Я уговорил его помочь мне изобразить шантаж леди Хорбери. И именно тогда он совершил свою первую ошибку.

Я предложил ему слегка загримироваться. Он же собрался играть свою роль в смешном и совершенно невообразимом обличье! Все это было откровенным фарсом. Я был уверен, что никто не смог бы сыграть роль *настолько* плохо, как это собирался делать он. Какая же для этого могла быть причина? Дело в том, что *сознание виновности* вынуждало его быть осторожным и не выказывать своих превосходных актерских способностей. Однако, когда я привел в порядок его нелепый грим, он невольно проявил актерское мастерство. Он великолепно сыграл свою роль, и леди Хорбери не узнала его. Теперь я был убежден, что он мог загримироваться под американца в Париже, а также мог сыграть нужную роль в «Прометее».

К этому времени у меня возникло серьезное беспокойство в отношении мадемуазель Джейн. Или она замешана в это дело вместе с ним, или же она пребывает в абсолютном неведении, и в последнем случае она — жертва. Она могла однажды, проснувшись, обнаружить, что вышла замуж за убийцу.

С целью предотвращения опрометчивого брака я взял мадемуазель Джейн с собой в Париж в качестве своего секретаря.

Когда мы находились в Париже, там как раз объявилась пропавшая наследница и предъявила свои права на состояние. Меня все время преследовала мысль, что она на кого-то похожа, но я никак не мог вспомнить. В конце концов я вспомнил, но, увы, слишком поздно...

Поначалу тот факт, что она действительно была в том самолете и *скрыла* это, казалось, опрокинул все мои теории. Перед нами, вне всяких сомнений, была виновница преступления. Но если она была виновницей, то у нее был соучастник — человек, который купил духовую трубку и дал взятку Жюлю Перро.

Кто был этот человек? Возможно, это был ее муж?

А затем — неожиданно — я вдруг ясно увидел верное решение. Верное, если бы подтвердилось одно мое предположение.

Если мое решение было правильным, то Анна Моризо не должна была лететь на этом самолете.

Я позвонил леди Хорбери и узнал то, что меня интересовало. Прислуга, Мадлен, полетела самолетом, повинувшись минутной прихоти своей хозяйки, решившей в последний момент взять ее с собой.

Он остановился. Мистер Кланси сказал:

— Э-э... хм... но боюсь, что мне еще не все понятно.

— Когда же вы перестали подозревать меня в убийстве? — спросил Норман.

— А я и не перестал. *Вы и есть убийца...* Подождите, я вам все расскажу. Последнюю неделю у нас с Джэппом было много работы... Это верно, что вы стали зубным врачом, чтобы ублажить вашего дядю — Джона Гейла. Вы взяли его фамилию, когда стали его партнером, но вы — сын его *сестры*, а не брата. Ваше настоящее имя — Ричардс. И как Ричардс вы познакомились с Анной Моризо в Ницце прошлой зимой, когда она была там со своей хозяйкой. Рассказанная ею история была правдивой в том, что касалось фактов ее детства, но события недавнего прошлого были вами тщательно отредактированы. На самом деле она знала девичье имя своей матери. Жизель в это время отдыхала в Монте-Карло, она была в центре всеобщего внимания, и ее настоящее имя неоднократно упоминалось. Вы поняли, что есть шанс прибрать к рукам крупное состояние, а так как по натуре вы авантюрист, то решили рискнуть. От Анны Моризо вы узнали, что у леди Хорбери есть какие-то общие дела с Жизелью. План преступления сам по себе возник у вас в голове. Жизель нужно было убить таким образом, чтобы подозрение пало на леди Хорбери. Вы тщательно разработали план, и он увенчался полным успехом. Вы подкупили служащего в «Юниверсал эйрлайнз», чтобы Жизель полетела тем же рейсом, что и леди Хорбери. Анна Моризо сказала вам, что отправится в Англию поездом, и для вас было полной неожиданностью, когда вы увидели ее в том же самолете: это всерьез угрожало вашим планам. Если бы когда-нибудь стало известно, что дочь и наследница Жизели летела этим же самолетом, подозрение, естественно, должно было упасть на нее. Ваша первоначальная идея заключалась в том, что она должна предъявить права на наследство, имея безупречное алиби, поскольку во время совершения преступления она должна была находиться в поезде или на корабле, а после этого вы должны были на ней жениться. Девушке к этому

времени вы основательно вскружили голову. Но вам были нужны деньги, а не девушка сама по себе.

Ваши планы осложнились еще по одной причине. В Ле-Пинэ вы увидели мадемуазель Джейн Грей и безумно в нее влюбились. Ваша страсть к ней заставила вас затеять гораздо более опасную игру.

Вы хотели получить все — и деньги, и любимую девушку. Вы совершили убийство ради денег и не собирались отказываться от плодов своего преступления. Вы напугали Анну Моризо, сказав ей, что, если она сразу придет и предъявит свои права на наследство, ее несомненно заподозрят в убийстве. Вместо этого вы заставили ее взять на несколько дней отпуск и вместе отправились в Роттердам, где и поженились.

Вы самым подробным образом проинструктировали ее, как она должна вести себя у нотариуса. Ей не следовало ничего говорить о том, что она служит у леди Хорбери, и должно было как бы само собой подразумеваться, что во время убийства она вместе с мужем была за границей.

К несчастью, дата, назначенная Анне Моризо для того, чтобы она приехала в Париж и заявила о праве на наследство, совпала с моим прибытием в Париж вместе с мисс Грей. Это ни в коем случае вас не устраивало. И мадемуазель Джейн, и я сам могли *узнать* в Анне Моризо ту самую Мадлен, прислугу леди Хорбери.

Вы попытались срочно с ней связаться, но безуспешно. В конце концов вы сами прибыли в Париж и выяснили, что она уже сходила к нотариусу. Вернувшись, она рассказала вам о своей встрече со мной. Ситуация становилась все более опасной, и вы решили действовать без промедления.

В ваши намерения не входило, чтобы ваша новоиспеченная жена слишком долго распоряжалась своим богатством. Сразу же после брачной церемонии вы оба написали завещания, в соответствии с которыми каждый из вас оставлял другому все, что у него было! Весьма трогательно.

Вы собирались, я полагаю, действовать расчетливо и неторопливо. Вы уехали бы в Канаду — якобы из-за катастрофического сокращения вашей практики. Там вы вернули бы себе имя Ричардс, и ваша жена присоединилась бы к вам. Мне все же кажется, что прошло бы не так уж много времени до того момента,

когда миссис Ричардс, к вашей глубочайшей скорби, скончалась бы, оставив состояние безутешному с виду вдовцу. Затем вы вернулись бы в Англию, уже как Норман Гейл, с солидным капиталом, сколоченным якобы в результате удачной спекуляции в Канаде! Однако в изменившейся ситуации вы решили, что нельзя терять времени.

Пуаро умолк на мгновение, а Норман Гейл откинулся назад и захохотал.

— Вы, без сомнения, просто превосходно разбираетесь в том, у кого что на уме! Вам нужно поменять профессию и начать писать детективные истории, вроде мистера Кланси! — И он продолжал угрожающим тоном: — Мне еще не доводилось слышать такого дикого вздора! Все ваши невероятные *домыслы*, мсье Пуаро, это еще не доказательства!

Пуаро, однако, остался совершенно невозмутимым. Он сказал:

— Возможно. Тем не менее и доказательства у меня тоже *есть*.

— В самом деле? — усмехнулся Норман. — Может быть, у вас даже есть *доказательства* того, что это я убил старуху Жизель, когда всем летевшим в самолете отлично известно — я даже не подходил к ней!

— Я расскажу вам *во всех подробностях*, каким именно образом вы совершили преступление, — сказал Пуаро. — *Что вы, к примеру, скажете о содержимом вашего чемоданчика?* Вы ведь были на отдыхе. *Для чего же вы взяли с собой белый халат врача?* Вот о чем я себя спросил. А ответ таков: потому что он так напоминает белую куртку стюарда...

Вы действовали следующим образом. Когда подали кофе и стюарды перешли в другой салон, вы отправились в туалет, надели ваш белый халат, подложили под щеки ватные тампоны, вышли, взяли из ящика буфета напротив кофейную ложечку и, подражая расторопной походке стюарда, быстро подошли с ложечкой в руке к столику Жизели. Вы вонзили шип ей в шею, открыли спичечный коробок и выпустили осу, а затем поспешили обратно в туалет, переоделись и не спеша вернулись на свое место. Все это заняло у вас всего несколько минут.

Никто никогда не обращает особого внимания на стюарда. Единственным человеком, который мог вас опознать, была мадемуазель Джейн. Но вы ведь знаете женщин! Как только женщина

остается одна, особенно если она путешествует вместе с привлекательным молодым человеком, она пользуется этой возможностью, чтобы как следует рассмотреть себя в зеркальце, припудрить нос и привести в порядок косметику.

— В самом деле, — усмехнулся Гейл. — В высшей степени интересно, но в действительности ничего подобного не было. Еще что-нибудь?

— Еще довольно много, — сказал Пуаро. — Как я только что упомянул, во время разговора человек может невольно себя выдать... Вы поступили достаточно опрометчиво, когда рассказали, что какое-то время работали *в питомнике в Южной Африке*. Вы только не уточнили одну деталь, которую я и сам уже успел выяснить, а именно то, что это был *змеиный питомник*...

После этих слов все заметили, что Норман Гейл не в состоянии уже скрыть свой испуг. Он пытался что-то сказать, но не смог произнести ни слова.

Пуаро продолжал:

— Вы работали там под своим собственным именем — Ричардс; *вашу фотографию, переданную по телефону, опознали*. На той же фотографии, переданной в Роттердам, узнали некоего Ричардса, женившегося на Анне Моризо.

И вновь Норман Гейл пытался что-то сказать, но не смог произнести ни слова. Казалось, он превратился в совершенно другого человека. Красивый, сильный, молодой мужчина стал похож на крысу, загнанную в угол, выискивающую путь к бегству и не находящую его...

— Вы слишком спешили, и это нарушило ваши планы, — продолжал Пуаро. — Да еще настоятельница Института де Мари ускорила события своей телеграммой, которую отправила Анне Моризо. Игнорировать телеграмму было невозможно — это вызвало бы подозрения. Вы убедили свою жену, что если она не скроет некоторые факты, то заподозрить в убийстве могут вас обоих, поскольку и вы, и она, к несчастью, оказались в самолете во время убийства Жизели. Когда вы с ней встретились после визита к нотариусу и узнали, что при разговоре присутствовал я, то решили поторопиться с развязкой. Вы опасались, что я смогу узнать от Анны правду, а возможно, она сама уже стала вас подозревать. Вы велели ей

выехать из отеля и отправились вместе с ней на поезде. Вы силой заставили ее выпить синильную кислоту и вложили ей в руку пустой флакон.

— Все это наглая ложь...

— О нет. У нее на шее обнаружили синяк.

— Наглая ложь, говорю я вам.

— К тому же вы оставили на флаконе отпечатки пальцев.

— Вы лжете. Я был в...

— А, так вы были в перчатках?.. Я полагаю, господа, это маленькое признание подбросит дров в ту плиту, на которой жарится ваш гусь.

— Чертов шарлатан, сующий везде свой нос! — Мертвенно-бледный от злобы, с изменившимся лицом, Гейл бросился на Пуаро. Джэпп, однако, оказался проворнее его. Совершенно бесстрастно скрутив ему руки, Джэпп сказал:

— Джеймс Ричардс, называющий себя также Норманом Гейлом, у меня есть ордер на ваш арест по обвинению в умышленном убийстве. Я обязан предупредить вас, что с этого момента все вами сказанное может быть обращено против вас.

Страшная судорога потрясла молодого человека. Казалось, он был на грани обморока.

На улице уже дожидалось несколько мужчин в штатском. Нормана Гейла увели.

Оставшись наедине с Пуаро, коротышка мистер Кланси издал возглас восхищения.

— Мсье Пуаро! — воскликнул он. — Это было самое потрясающее впечатление в моей жизни. Вы просто великолепны!

Пуаро скромно улыбнулся:

— Нет, нет, что вы. Джэпп заслуживает не меньших похвал, чем я. Он совершал настоящие чудеса сыска, пока не обнаружил, что Гейл на самом деле Ричардс. Канадская полиция разыскивает Ричардса. Девушка, с которой он был там в близких отношениях, как полагали, покончила с собой, но обнаружили новые факты, указывающие на то, что было совершено убийство.

— Ужасно, — прошептал мистер Кланси.

— Он убийца, — сказал Пуаро, — и, как многие убийцы, весьма привлекателен для женщин.

Мистер Кланси кашлянул.

— Эта несчастная девушка, Джейн Грей. Пуаро с досадой покачал головой:

— Да, как я говорил ей в свое время, жизнь может быть просто ужасной. Но она девушка с характером. Она сумеет это преодолеть.

Задумавшись, он машинально поправил рукой стопку газет, разлетевшихся по столу от дикого прыжка Нормана Гейла.

Одна из них привлекла вдруг его внимание — в ней была фотография Венеции Керр на скачках, «беседующей с лордом Хорбери и подругой».

Он передал ее мистеру Кланси:

— Вот взгляните. И года не пройдет, как вы прочтаете сообщение: «*В ближайшее время состоится бракосочетание лорда Хорбери и достойной Венеции Керр*». А знаете ли вы, благодаря кому состоится эта свадьба? Благодаря Эркюлю Пуаро! А кроме этой свадьбы будет еще одна.

— Леди Хорбери и мистер Барраклу?

— О нет, это меня как раз не интересует. — Он наклонился к мистеру Кланси. — Нет, я имею в виду свадьбу мсье Жана Дюпона и мисс Джейн Грей. Вот увидите.

Через месяц Джейн пришла к Пуаро.

— Я должна была бы проклинать вас, мсье Пуаро.

Она была бледной, лицо у нее казалось изможденным, под глазами темные круги. Пуаро мягко ответил:

— Если вам очень хочется, можете послать мне парочку проклятий. Но я полагаю, что вы принадлежите к тем людям, которые предпочитают смотреть правде в глаза, а не жить в призрачном раю для дураков, да вы и не прожили бы в нем долго. Бросать женщин — это порок, который со временем только усугубляется.

— Он был чертовски привлекателен, — сказала Джейн.

Потом она добавила:

— Я никогда больше не смогу полюбить.

— Разумеется, — согласился Пуаро. — Этой стороны жизни для вас больше не существует.

Джейн кивнула.

— Что мне сейчас действительно необходимо, так это найти работу — что-нибудь интересное, чтобы я смогла забытья.

Пуаро откинулся в кресле и посмотрел в потолок.

— Я бы посоветовал вам отправиться в Персию вместе с Дюпонами. Это интересная работа — надеюсь, вы ничего против нее не имеете.

— Но... но... я думала, что это была всего лишь уловка с вашей стороны.

Пуаро покачал головой:

— Напротив, меня настолько заинтересовала археология и доисторическая керамика, что я послал им обещанный чек. Сегодня утром я говорил с Дюпонами — они ждут, когда вы присоединитесь к экспедиции. Вы умеете хоть немного рисовать?

— Да, в школе я неплохо рисовала.

— Великолепно. Я полагаю, вам понравится работа в экспедиции.

— Они действительно хотят, чтобы я поехала с ними?

— Они на вас всерьез рассчитывают.

— Это было бы просто прекрасно, — сказала Джейн, — Удрать прямо...

Она слегка покраснела.

— Мсье Пуаро, — она посмотрела на него с подозрением, — а... это не любезность с вашей стороны?

— Любезность? — воскликнул Пуаро, возмущенный до предела подобным предположением. — Я могу заверить вас, мадемуазель, — там, где речь идет о деньгах, я сугубо деловой человек...

Он казался настолько оскорбленным, что Джейн поспешила принести свои извинения.

— Я думаю, — сказала она, — что мне лучше сейчас походить по музеям и посмотреть на доисторическую керамику.

— Очень хорошая мысль.

В дверях Джейн остановилась, а затем вернулась обратно.

— Возможно, как раз это не было любезностью с вашей стороны, но вы все же столько сделали... для меня.

Она поцеловала его в макушку и ушла.

— *Ca, c'est tres gentil*^[48]! — сказал Эркюль Пуаро.

notes

Примечания

1

Официальное титулование детей пэров в Англии. (Здесь и далее примечания переводчика.)

2

Ставки больше не принимаются (*франц.*)

3

Номер пять, красное, нечетное (*франц.*)

4

Извините (*франц.*)

5

Ну да (*франц.*)

6

Да возможно ли такое? (*франц.*)

7

Мой друг (*франц.*)

Французская криминальная полиция

9

Здесь: только представьте себе — меня! (*франц.*)

Коронерское следствие — судебное дознание, производимое в случае подозрительной смерти. Главная его задача — ответить на вопрос, имеет ли место убийство или несчастный случай

Коронер — судья, проводящий коронерское следствие

12

Желудок (*франц.*)

13

Прекрасно (*франц.*)

14

Разумеется (*франц.*)

Кстати (*франц.*)

В Англии широко распространены картонные спички, прикрепляющиеся к плоской упаковке

Здесь: что вы! (*франц.*)

Здесь: ну уж вы и скажете! (*франц.*)

До завтра (*франц.*)

По дороге (*франц.*)

Здесь: разумеется (*франц.*)

Омлет с шампиньонами, рыба по-нормандски

Хорошо (*франц.*)

Идиотка (*франц.*)

Здесь: собственно говоря (*франц.*).

Да здравствуют крысы! (*франц.*)

Здесь: потрясающе (*франц.*)

Бульон и жаркое

Вот и все (*франц.*).

Черт возьми (*франц.*)

Боже мой (*франц.*)

Вот (*франц.*)

Он сексапилен? (франц., англ.)

34

Нужно продолжать (*франц.*)

Ремесло (*франц.*)

36

Очень хорошо (*франц.*)

Вперед! (*франц.*)

Послушайте (*франц.*)

Женщины (*франц.*)

Психологический момент (*франц.*)

До свидания (*франц.*)

Старина (*франц.*).

Мсье доктор (*франц.*)

Навязчивая идея (*франц.*)

В общем, ничего (*франц.*)

Здесь: черт побери (франц)

Ведь верно же? (*франц.*)

Вот это и в самом деле любезность (*франц.*)